

РУССКОЕ ЭХО

Издаётся с 1995 года

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.
А.С. Пушкин*

Литературно-художественный журнал

3 (169)
июль-сентябрь

Самара, 2026

Содержание

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Ревякин. В лодочке Твоей ладони. <i>Стихи</i>	4
Софья Сыромятникова. «Если к земле прикоснуться...» <i>Стихи</i>	8
Алина Масалимова. «Когда звёзды мерцают...» <i>Стихи</i>	12
Анатолий Зеленцов. «Жизнь небесная продолжается» <i>Стихи</i>	59
Тамара Кириллина. «И выстрадать надо стихи!..» <i>Стихи</i>	63
Юрий Сизов. Всё живо. <i>Стихи</i>	70
Василий Мосин. «...да будет мир всем в радость...» <i>Стихи</i> ..	75
Александр Пайдулов. «Читаю жизни странной повесть...» <i>Стихи</i>	78
Галина Елисеева. «Где красоту найти такую?..» <i>Стихи</i>	83
Юрий Астанков. Чудо тишины. <i>Стихи</i>	160
Любовь Бережнова. Пусть над миром плывёт благодать. <i>Стихи</i>	164
Игорь Рабштейн. «Побольше воздуха в стихах...» <i>Стихи</i>	166
Дмитрий Камынин. Что за забором? <i>Юмористическая поэзия</i>	250
Николай Урядов. Всё начинается с утра. <i>Поэтические пародии</i>	257

ПРОЗА

Михаил Попов. Золотое перо. <i>Рассказ</i>	16
Татьяна Гоголевич. Перелётные сады. <i>Рассказ</i>	170
Александр Карякин. Хозяин. <i>Рассказ</i>	176
Эдуард Филь. Карусель судьбы. <i>Рассказ</i>	187
Владимир Бабенков. Три рассказа	233

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Василий Киляков. Литпроцесс в современной России.....	53
Марина Дударева. Избяной космос Александра Малиновского.....	88
Наталья Бондаренко. Это всё согревает сердце моё	298

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

III Всероссийский конкурс «Экология души» подвёл итоги ...	94
Анатолий Логинов. Валерий Хатюшин. Сергей Пупышев. Яна Ишмухаметова. Екатерина Суворова.	102

ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ	
Добрые традиции в Кротовке	135
Юрий Быков. Надежда Супрунова. Наталья Колмогорова.	
Кристина Иванова. Андрей Пучков. Игорь Кощеев.	
Оксана Аншукова. Галина Разбаева.	
Вероника Воронина. Инна Часевич	136
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Международный клуб «ЛиТерра».....	191
Ирина Ака. Ксения Любенская. Юлия Бут-Хагман.	
Надежда Ляшова. Ольга Сафронова.	
Ирина Хутинец. Андрей Щеглов. Суна Чевик.	
Алёна Шех. Марина Смирнова	192
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА САМАРСКОГО КРАЯ	
Елена Белова. Надежда Забараускас.	
Галина Ильдюганова. Надежда Ланина.	
Варвара Маркелова. Наталья Ростова.	
Анна Скорнякова. Светлана Тукачёва.	
Владимир Трофимов. Анастасия Шишкина.	
Полина Ярыгина	262
ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА	
Галина Ильдюганова. «На поэтическом меридиане»	306
Нина Долматова, Ирина Минкина. «Жигулёвская весна в сердце России»	308
О НАШИХ АВТОРАХ	314

Дмитрий Ревякин

В лодочке Твоей ладони

Время единственных

Я не лгу сам себе.
И не стоит, наверное,
Лгать себе в споре сердца
С больной головой.

Я не первый тебе.
Да и ты мне не первая.
И не первая осень сменилась
Не первой зимой.

Первым было
Так много легко,
Безрассудно подарено,
Разбиваясь напрасно,
Себя нипочем не щадя.

Уходили, от первых, —
впервые —
С душою, навеки пораненной,
Под холодные плети
Не первого в жизни дождя.

Расплатились сполна
За не вечные,
спорные истины,
За незримое завтра,
Поросшее напрочь быльём...
Время первых — прошло.
Ныне — время единственных.
Так чего же мы ждём?

Дмитрий Ревякин. В лодочке Твоей ладони

Позволь мне

А Солнца луч —
Как будто срезан —
Упал и засиял в золе.
Позволь мне слышать твоё
сердце,
Пока ещё я на земле,

Покуда здесь,
Живой покуда,
На грани сумрака и дня,
Покуда верую я в чудо,
А чудо — верует в меня.

И никому на целом свете
О том не вызнать,
не прознать.
Позволь мне слышать твоё
сердце
И в нём — своё отогревать!

Дорога городская

Между домов, среди сараев
Раскинув свой километраж,
Бежит дорога городская
Наискосок через пейзаж.

Она минует повороты,
Чихает гарью на ветру,
Она ведёт домой с работы
И на работу — поутру.

Картина в общем-то
простая,
Знакомая из года в год.
А кто по ней идёт, петляя?
А!
Это — жизнь моя идёт...

Возвращение — осознанное чудо

Вот опять,
На щите, со щитом ли,
Возвращаюсь из дальних дорог,
Помню лишь, что ботинки
промокли,
Да и сам я порядком продрог.

Но покамест
Знаменья, знамёна
И большие бывлые дела
Уводили намердны из дома,
Ты — меня —
В этом доме ждала.

И считала недели до встречи,
Пироги расставляя на стол,
Чтоб однажды,
Вернувшись под вечер,
Я уже никуда не ушёл.

Чтоб, за стол опустившись
вальяжно,
Покачал бы седой головой,
Осознав,
Как волнительно-важно
Наконец-то вернуться домой!

В лодочке Твоей ладони

В лодочке Твоей ладони
Я плыву по вешним водам
И коленопреклонённо
Искренне Тебя прошу:

«Да не уברי Ты руку,
Да не отведи Ты взгляда,
Дай мне силы быть с Тобою,
В лодочке ладони плыть!»

Дмитрий Ревякин. В лодочке Твоей ладони

На тёмной стороне Луны

Для нас с тобою это лето —
Лишь повод,
Стоя на краю,
Искать вопросы на ответы
И хитро щуриться в июнь,

Где,
Научившись просто верить,
И объяснения не нужны,
Мы встречу назначаем в девять
На тёмной стороне Луны!

Где, разменяв последний сольдо
Минут, монет и прочих трат,
Вся наша ночь пройдёт

бессонно.

По наступлении утра,

Где расплетается рассвета,
В полнеба, золотая нить,
Для нас с тобою это лето —
Лишь повод —
Жить!

Счастье есть!

И набивая стрелами колчан,
Рассвет встречает золотое
солнце.

И он готов — опять —
рубить плеча

И пламя лить на сонный
мегаполис,

Где всем врагам назло,
наперекор,

На радость маме и друзьям
на радость,

Мы сохраняем нежность
до сих пор

И не считаем, сколько нам
осталось!

Но каждый день живём,
Как будто он
Последний и других —
не будет.

Но так живём, чтобы остался он
Строкой прекрасной
В вечной Книге Судеб.

И начиная день, готов рассвет
Делиться с нами пламенем
без края,

И в высь лететь!
А значит, счастье — есть!
(По крайней мере,
Я так это понимаю!)

Весеннее ожидание

В апреле — даже ветер зеленей,
А что уж говорить о ветвях
клёна?

И влажная распутица полей
Стремится к маю тоже стать
зелёной.

Зелёный воздух.

И зелёный дом.

Кусты сирени зеленью одеты.

И ждёт,
И ждёт тропинка за углом,
Чтоб увести в зелёные

рассветы.

Где новым утром —
с нового листа —

Начнётся счастье —
без конца и края,

И будет светом наполняться
высота,

И будет мир.
Я это точно знаю!

Софья Сыромятникова

«Если к земле прикоснуться...»

* * *

Говорят если переплыть реку
то можно достичь магического
словно ты сонный сом или ястреб
рассекающий лёгкий воздух.

Если пересечь гору
собрав в мешок самые важные камни
то можно выложить ими
своё желание
и оно конечно же сбудется.

Если пройти через лес босиком
не боясь острых иголок и колкой земли
то всякий зверь станет другом
а ты станешь собой.

Как всё успеть
Как не достигнуть ночи в своём пути раньше срока
Как рассмотреть эти знаки на теле земли
Или их отсутствие
Не знает никто
Но всё же делает свой первый шаг.

Софья Сыромятникова. «Если к земле прикоснуться...»

* * *

Миг дотемна,
По кругу идёт закат.
Вещие сны-подруги,
На ощупь почти что дно.
Я выбираю тебя —
ты почти в сто крат
Чувственнее и больше,
Мне повезло
Вызвать со дна морского,
Из гущи мысль,
Выйти из сердца, с ней
возвратившись вновь,
И закопаться в дебри,
Падая ввысь,
Чтобы найти
Единственную любовь.

* * *

Открываю глаза в сиреневый
потолок,
Голоса за окном так
отчётливы,
Слышно каждое слово:
Кто-то шутит,
А кто-то поёт,
Из-за ругани старых соседей
Еле слышится смех вдалеке.

Запускаю ладонь
под подушку —
Прохладен мир подподушкин,
Чужой и очень знакомый:
В нём шершавый кусок
янтара,
Чтобы лучше спалось,
И записка с молитвой о том,
Чтобы всех нас сберёг.

* * *

А ещё бывает
Смотришь в окно
И ищешь в разводах
стеклянных
Сказку или что-то живое
А голубь на дереве или
ворона
Скинет снежную шапку
С тонких ветвей
И сам удивится

* * *

ежевичные сумерки
здесь камень вечен
а сырой ночью
навстречу
всем туманам
и всем ветрам
параллельно яви
параллельно снам
вдоль углов старой комнаты
или леса
я иду
на святую мессу

буквы-ласточки всё пищат
сердце мягкое — из котят
душу вымотать захотят
да не смогут
уже не смогут

и посмотрит сливово ночь
сквозь окно где чужая дочь
тихо плачет как ты
точь-в-точь
но немного
совсем немного.

Софья Сыромятникова. «Если к земле прикоснуться...»

* * *

Латунна лань
На самой гладкой полке
Луна в осколках движется
на дне
Подтаявший на самой глубине
Пергамент сна
Запутанный в заколках
На тёплой и любимой голове.

Пугает дождь осенним
постоянством
Роня бусы спелых желудей
Нас обвиняют в лени
и пьянстве
Но нас таких здесь
большинство людей
Закутанных в дешёвом
синтепоне
Замученных бумажной суетой
Латунна лань покоится

на лоне
На гладкой полке праздно
налитой
И пусть твердят тебе что мы
утонем
Но мы плывём под солнцем
и луной.

* * *

плавным росчерком полыньи
похожим на птицу
то ли лебедя то ли чайку
весна смотрит в небо.

адуляр светлого льда
обжигает подвижный воздух.
его мокрая гладь холодна
как чужие щёки.

спиры спиральных гор
помнят тяжесть зимы.

виноградные лозы ещё
не проснувшись
уже тянутся вверх
словно руки волхва.

* * *

В этой реке луна
Словно кусок льда
Или чей-то плавник
Патока ночи сочится и
От-ра-жа-ет-ся
Мчится по городу сон
Поздний твой поцелуй
Спрессованный ожиданием
Временем
И в целом собой.
Луна как осенняя мера
Колеблется мерно течёт
И ещё
Что-то собою движет.

* * *

западный ветер
расстояние вновь измерив
падает в ночь
словно камень
в мрачную реку

но я здесь
я голос
я стих
потерянное в ветвях слово
поздняя осень
нестёртый орнамент на вечной
щеке времени и ожидания
до тех пор пока не закончится
стук
пока земля агрессивна
пока ветер падает словно
камень

руки свои разжав

* * *

Если к земле прикоснуться
Твоя чудотворная сила
Окрасит и глину и камень
Меня одарит цветами
Если к земле прикоснуться

Если прочесть твоё имя
На бронзовых сводах и арках
То можно ослепнуть от ночи
Живущей в каждой из букв
Если прочесть твоё имя

Твои ли это деревья
Твоя ли роса на крыльях
Ты за ночь построила город
Чтоб нам от смерти укрыться
И вечностью стать звёздно-нежной

* * *

ночь оборачивается вокруг рыб
я чувствую нас и направление рек
именно так выглядит наша любовь
если ветер встречный то ясный день
подержи на счастье мою ладонь
холод сна растекается по воде

эти стебли раскрываются в полный рост
вдоль воды камень выточен словно щит
встреть мой выдох
найди побережья глаз
встреть лучом в себе эти мои лучи

бог степей медленно греет нас
бог степей медленно греет нас
бог степей медленно греет нас

Алина Масалимова

«Когда звёзды мерцают...»

* * *

До первого утра и до Мариенгофа,
когда кольца Сатурна ползли между звёзд, как кобра,
И до Авраама и линии Маннергейма,
когда Еве змий прошипел на иврите: «Поверь мне», —
И до первой луны и застенок Лефортово,
до того, как Мария узрела Иисуса мёртвого,
До того, как на плаху взошла Орлеанская дева
и до первого яблока райского Древа,

От сотворения и до этого октября
я
искала
во тьме.
И всё же нашла тебя.

* * *

Как медовые сумерки —	Замер мир, отпуская лето,
я растягивал имя Твоё.	вечер, как отцветшую в августе боль.
На земные осенние плечи	Видишь, я, как и вечер этот,
опадало устало жнивье.	умещаюсь в твою ладонь.

Алина Масалимова. «Когда звёзды мерцают...»

* * *

Из луны гранёного стакана
небо тихо сумерки допьёт,
затрепещет вереск кучерявый,
пчёлы соберут созвездья в мёд.
Это ветер тянется с заката.
В час, когда не видит сонный

Бог,

источает опиум ладан
вдоль осенних выцветших

дорог.

Истончаюсь, снова воскресая,
и стихов терновники плету.

Ты шепнул:

— Не существует рая.

— Но мы скоро встретимся?

— В аду.

* * *

Пусть тебе приснится
юный
октябрь, отражающийся
в реке,
рябина, взорванная
на языке,
и широкий небесный плёс,
там, где мячик лунный
плывёт вдоль кувшинок
звёзд.

Пусть тебе дышится
легче,
чем поётся земным ветрам.
Этот вечер
сложу я к твоим ногам
И себя положу, положу весь
мир.

Доброй
ночи,
мой дорогой
Мессир.

* * *

Если ты не уместись
в моём крохотном сердце,
я дострою к нему гостиную,
чтобы ты мог растянуться
на шагренево диване
цвета догорающего вечера.

Когда наступит ночь,
мы зашторим окна
и будем смотреть,
как сжимаются стены
от моего дыхания.

А ещё у нас будет канарейка
и ты будешь держать её,
пока она бьётся, как я,
в клетке твоих рук.

* * *

От тебя пахнет
низким
небом и ладаном,
погасшим
опиумом маков,
что я ращу
для тебя в саду
памяти
о прошлых днях,
разменянных на соль
внезапных
осенних ливней.
Стихи не складываются
так, как душа
сжимается при виде тебя
в точку родинки
на ключице.
И когда я
целую твои руки,
мои слёзы тоже
бегут к ним.
И мурашки.

Алина Масалимова. «Когда звёзды мерцают...»

* * *

Соберу тебя из еловых веток
чёрного жемчуга
и ветра северного
Кто ты, смотрящий в меня
сокрушительно нежно
обжигаяще тихо
Все мои песни тебе
лишь колышут
седину твоих глаз
Не привязывайся ко мне
своими бледными пальцами
ты говоришь
(Воздушные змеи лишь
следуют

за хозяином
пока он
не отпустит верёвку)

Соберу тебя из чёрного
жемчуга
но ты пахнешь
затмением лунным
и рассыпаешься

* * *

Я заканчиваюсь там,
где начинается циферблат
твоих изумительных пальцев.
Не оставляй меня
до последнего дня, когда
я наконец-то вспомню себя,
бежащую через маковое поле
в обносах воспоминаний
к тому краю, который
люди
почему-то
называют
Тобой.

* * *

Когда ты будешь, подобен
человеку с синдромом Котара,
лежать под вуалью
непрожитых желаний,
я сорву её и покрою тебя
поцелуями
и обещаниями,
ведь у тебя — ничего, кроме
седых глаз и веры в меня,
и ведь у меня — ничего, кроме
тебя и стокгольмского
синдрома.

* * *

Выворачивать себя наизнанку,
пока во мне ничего
не останется,
кроме
нежности нерастраченной
и любви к Тебе.
А потом мне станет легко
и я вылечусь,
испеку нам горячих солнц
на ужин
и мы будем поливать их
медовыми сумерками.
Этот год стал мне откровением
про себя самого,
такого маленького
и покорного,
как Южный Крест
в Твоих ладонях.

И пока я смотрю на него сквозь
иней оконный,
можно
нарисовать Тебя
на стекле
(и себя в уголке, если вдруг
мне позволишь)?

Алина Масалимова. «Когда звёзды мерцают...»

Будто звёзды Вега и Альтаир,
разделённые Млечной Рекой,
такое счастье

быть
с Тобой в одной плоскости

* * *

Когда звёзды мерцают —
звёздное
за-мыкание,
то есть точка смыкания

с Богом нас.
(Небосклон обеднел

за последнюю сотню лет).
Кто-то мудрый тоскует

и млечное пьёт вино
в ожидании новых случайных
душевных

встреч
со своими детьми, что сидят
по углам,

как тени:
кто-то смертный тоскует,
глотаю гречишный чай
в ожидании Бога, который всё
время здесь.

Истончается время, и сыпется
пепел звёздный,
мы с наивностью верим
в божественно-белый снег,
только молим у неба:
«Спасай и люби нас, Отче», —
словно дальние родственники,
что просят их взять наверх.

Но от касаний Твоих
и звёзды зажглись во мне

* * *

Я умею отныне
кровь размазывать
по ключицам,

на куски изнутри дробиться,
чтоб из них Твоё имя
сложить.

Слушай: шипят и гаснут
звёзды на языке.

Как небо над Алькатрасом —
душит сотня свинцовых лье
поцелуев, касаний, объятий
и раскуренных сигарет.
Пляшут девочки в белых
платьях,

прикрывая бронежилет,
и выходят во тьму босые,
на заснеженный мёртвые луг
и всё шепчут мне чьё-то Имя,
млечный путь вязко каплет
с рук.

Лунный обморок в тесном небе.
Я ловлю языком звезду.
Слушай, Боже, как вкусен
пепел,

и как
Словом
Тебя
назову.

* * *

В тебя отчаянно влюблён.
Когда погаснет звёздный
жемчуг,
в одном из тысячи Имён
Бог воплощается в часть речи.
Тебе пишу, и это «Ты» —
как сотни белых поцелуев,
как вздох над морем высоты
последних вечеров июля,
когда, мерцаю, светляки
на тёплом вереске поют
неосторожные стихи:
отчаянно
Тебя...

Михаил Попов

Золотое перо

Рассказ

Игорь Владимирович Рукобратский положил мобильный телефон на стол. Настроение у него было отвратительным. Как всегда, когда он терпел поражение в разговоре. И от кого? От Васькова, Мутьковского прихлебателя. На днях состоялось заседание ихней комиссии в подмосковной писательской организации (есть такая) и ему, Рукобратскому, посмели присудить грамоту этой ничтожной банды. Называлась грамота величественно — «Золотое перо России». Присуждалась за успехи в творчестве. Денежным эквивалентом, естественно, не обладала, значения и веса никакого не имела, представляла собой лишь повод, чтобы десяток графоманов собрался в очередной раз выпить.

Васьков звонил из редакции Рукобратского, куда явился с грамотой Мутьковского и (наверняка) со своими ничтожными стихами. Не застав Игоря Владимировича на месте, спросил домашний телефон у литсотрудника Саши и теперь напрашивался в гости с присуждёнными регалиями. Теперь он ещё и телефон знает!

На сходки подмосковных графоманов Игорь Владимирович никогда не ходил, берёт репутацию. Она у него была, хоть и не

слишком весомая. Всё же он подозревал, что в определённых кругах считается серьёзным, хоть и не великим, но вполне профессиональным стихотворцем. И даже факт присуждения ему грамоты не счёл уважительным поводом для посещения Московской организации, в которой Подмосковная арендовала угол.

А Васьков каков?! Даже намёк, что у Игоря Владимировича, кажется, ковид, не подействовал. Сказал, подлец, «я на минуточку, суну и бежать».

Может, и правда, принять его в прихожей?

Но Игорь Владимирович не любил таких демонстративных действий, да и не по-русски это как-то.

Через полчаса раздался звонок в дверь.

Васьков долго извинялся за своё несвоевременное «вторжение», но не выказывал никаких признаков того, что хочет максимально сократить визит. Раздевался, снимал обувь, примеривался к тапкам.

Игорь Владимирович покашливал в кулак, подтверждая версию о ковиде.

Прошли в кабинет.

— Вы извините, что я, так сказать, проигнорировал вашу церемонию, дело в том...

— Как же, как же, здоровье такого поэта, как вы, достояние народа, не трепать же его ради всяких там мелких церемоний, — успокаивал хозяина Васьков.

— Садитесь, э...

— Иван Иванович.

— Да, Иван Иванович.

Рядом с креслом, в которое опустился гость, он поставил большой портфель и тут же занялся замками, стал что-то выискивать.

— Знаете, Игорь Владимирович, у нас ведь организация маленькая.

— Да, да.

— И мы пока на многое не претендуем.

— Ну... — неопределённо протянул Рукобратский.

— Мы понимаем, что писатель такого класса, как вы, имеет право не посещать наши собрания.

— Ну, зачем вы...

Игорь Владимирович любил лести, но считая себя умным человеком, думал, что нашёл способ не поддаваться на неё. Он не реагировал на конкретику лестного высказывания. Скажем,

если его приравнивали к Шекспиру, он пропускал этот факт мимо ушей, замечая только то, что ему сочли необходимым польстить.

— Да нет, правда, лучше вы чего-нибудь напишете для нас, чем точить лясы в собрании, — гнул свою линию Васьков. Игорь Владимирович, видя его усердие, внутренне кивал, но не растекался внутренним маслом.

— Давайте к делу.

— Вот, — Васьков вытащил из портфеля грамоту. Она была без рамки, в нижней части красовалась подпись подмосковного председателя Мутькова и бледная печать, — вот, за выдающиеся достижения в деле освещения... яркие запоминающиеся тексты... в связи и так далее.

— Спасибо. Это всё?

— Ну, зачем вы так, есть и материальная часть.

— Ну, да?

Игорь Владимирович вспомнил, как подмосковные писатели поздравили с шестидесятилетием одного в самом деле видного литератора купленной в магазине шашкой в ножнах. Но лезвие при вынимании оружия из ножен погнулось. Был скандал.

Васьков достал из портфеля кое-что поскромнее. Ежегодник с красным наглым обрезом.

— А, — сказал Рукобратский.

— И это ещё не всё. Тут ещё ручка.

— С золотым пером?

Васьков смущённо захихикал.

— С шариковым, с шариковым. Помните строки поэта? «Если тра-та-та-та дверь открою, нету там убийцы с топором. И слова я постепенно строю, шариковым действуя пером».

Игорю Владимировичу не было приятно, что визитёр процитировал ему его стихотворение. Как будто слова текста были как-то испачканы. Теперь он ждал, упомянет ли Иван Иванович о своей, принесённой в редакцию, подборке или постесняется.

— Ну, что же, Иван...

— Иван Иванович.

— Не хотите ли рюмочку «Архангельской»?

— Из ваших рук — конечно.

— Я сам не могу, врачи и потом — жена...

— Поймите, я решил собственноручно вам доставить, потому и явился в журнал.

Они уже были на кухне, где Рукобратский открыл большой иностранный холодильник, собираясь достать початую бутылку.

Михаил Попов. Золотое перо

— Вы понимаете, я действительно считаю вас настоящим, серьёзным поэтом, поэтому...

Бутылки не было. Надежда спрятала её перед уходом на работу, справедливо подозревая, что муж не удержится и приложится к ней.

Густо покрасневший Игорь Владимирович сильно хлопнул себя ладонью по губам.

— Тьфу ты чёрт, совсем забыл...

— Понимаю, понимаю.

— Я сейчас... — начал Рукобратский, не представляя, как закончит. Не объяснять же было Васькову про сложные отношения с женой и здоровьем. — Вы знаете, есть ещё коньяк...

— Ценный? — поинтересовался Васьков.

— Ну, как вам сказать. «Квинт», десятилетний.

— Откупоренный?

— Нет.

— Тогда, Игорь Владимирович, не надо. Не такая уж я сошка, чтобы ради меня бутылки откупоривать.

— Ну, извините, я всё же...

— Я пойду, не буду вас отрывать от творчества.

Васьков мягко улыбнулся, глянув на холодильник, на Игоря Владимировича, улыбнулся и двинулся в прихожую.

Мучительные секунды прощания, и, наконец, всё кончилось. Расчёсывая свою левую щеку, Игорь Владимирович постоял пару минут в прихожей. Да, надо же так опростоволоситься. На всякого гордеца кучечка дермеца.

Ну и чёрт с ним!

Рукобратский вернулся кабинет, где на рабочем столе лежал лист бумаги с оставленной рядом ручкой. Сел в крутящееся кресло. Сделал пол-оборота вправо, потом влево. Он ещё с утра собирался поработать над одним длинным стихотворением, не законченным накануне. Визит Васькова выбил его из рабочей колеи. Но не будем уступать под напором обстоятельств. Плевать на Васькова, на «Золотое перо»... За работу!

Стихи Рукобратский писал всегда от руки, чем тайно гордился. Всё-таки наш механистический век не полностью подчинил его себе и поэтическая строка сохраняла непосредственную связь с кистью, предплечьем...

Он открыл папку и достал оттуда листок с незаконченным текстом. Пробежался по рассыпанным каракулям.

*Неясной музыкой вечерней
Волнения не превозмочь,*

Михаил Попов. Золотое перо

*Что может быть невероятней,
Чем наступающая ночь.*

Ему нравилась третья строчка, неожиданное и очень уместное словоупотребление. «Невероятней». В первой строке какая-то неясная, в самом деле, музыка. Надо бы тут что-нибудь поискать, хотя, подозревалось ему, он всё так и оставит. Не напасёшься поэтических открытий на все строчки в стихотворении. Надо уметь ездить и на средних строчках, на словах-табуретках.

Ну, что ж, продолжим.

*Вчера я встретил ветерана,
Что в глубине морщин лица
Скрывал зияющие раны
От страшных взрывов и свинца.*

Стоп!

Что это такое?!

Он медленно зачеркнул четверостишие. Поскрёб в затылке, почесал лоб. Тема ему была ясна, дальнейшая стихотворная стратегия тоже, надо было выходить от пейзажных подводок к смыслонасыщенным строфам.

Он коснулся шариковым пером бумаги, и на ней появилось новое четверостишие.

*Заткнуться впору этим дзотам,
Что зубы скалят с высоты.
Крутись меж ангелом и чёртом
По грани жизни, но дойди.*

Непонятно! Он вкладывает в пишущую длань весь свой опыт и навык, ему ясна цель, он уже мысленно проложил поэтический маршрут, а выходит какой-то, извините, капитан Лебядкин.

Игорь Владимирович встал. Идти ему было некуда, поэтому он тут же сел. Ему вспомнился случай из армейской юности. Ехал он как-то вместе с комроты, и остановились они на переезде. Рядовой Рукобратский был со страшного похмелья и старался этого не показывать. Взял из сетчатого кармана на дверце газету и попытался читать. И вдруг обнаружил, что, понимая все буквы, совершенно не понимает слова. Дикая ужас напал на него тогда — допил! Потом оказалось, что газета была на удмуртском языке всего лишь.

Он любил со смехом рассказать эту историю, но сейчас Игорю Владимировичу было не до смеха. Он начинал тоскливо подозревать — что-то случилось. Но он привык по жизни прямо

идти на врага и неприятность. Поэтому сел и набросал ещё одно четверостишие.

*Удар держала Белорусья,
Им время не было собраться,
Птенцов поднять не дали буслам
И чего делать разобратся.*

И не в похмелье тут дело. С некоторых пор Игорь Владимирович напивался редко. Жена, печень...

Нет, только не сдаваться, сейчас я попытаюсь стихотворно разогнаться и проскочу это гиблое место, решил он про себя.

*Мозолил глаза красный флаг
Магнатам немецким, фашистам,
Внушавшим рабочим, что враг —
Защитник идей коммунистов.
На флаге — серп, молот, звезда.
Народам ясно их значение:
«Священная ценность труда —
Гарантия всех достижений».*

Нет! Опять нет! Что это за чушь?!

Игорь Владимирович встал, прошёл на кухню, выпил воды. Закурил, хотя это и было строго-настрого запрещено делать дома. Посмотрел в окно. Там всё было по-прежнему. Бродили голуби и бабушки, ехали машины.

Вернулся к столу. Снова проделал свои обычные пассы с головой. Закрыв глаза, помотал ею. Нет, всё, кажется, без изменений. Голова не болит. Сделаем последнюю попытку.

*Мы здесь в комфорте и печали,
В печали, что комфорта мало нам.
Мы здесь забывшие начала.
Забывшие добро, любовь, мораль.*

«Добро» и «Любовь» получились с большой буквы, а «Мораль» — нет. Что бы это значило?

А вот что: он находится под воздействием!

Чего? Лучей, веществ? Так говорят сходящие с ума старухи. Но ведь берутся же откуда-то эти чудовищные стихи. В другое время он бы сам с удовольствием посмеялся бы над ними, был в них какой-то графоманский шик. Не серые какие-нибудь, не затёртые, а породистые, элита графомании.

Так, надо проверить, что изменилось в его окружении, в доме, может быть. Он позвонил своему другу, литсотруднику Саше, с которым работал, и поговорил насчёт студентов-прак-

тикантов, которые должны были появиться на неделе. Если речь его будет ненормальной, Саша сразу даст понять. Нет, Саша не выказал удивления по поводу произносимых Рукобратским слов. Всё как всегда. Ещё один звонок — жене. Надя сразу распознает ненормалинку в его речи. Ведь чувствует выпитую им кружку пива в разговоре по телефону. Но тут ничего не почувствовала. Хорошо, он снова взял ручку в руку. Попробуем ещё раз.

Россия, Родина моя!

Прекрасней нет моей Отчизны.

Пусть же дрогнет вся земля,

Мы не падём, мы не капризны.

Игоря Владимировича прошиб холодный пот. Он догадался, что ситуация серьёзная. Мир не тотально сошёл с ума, но на очень важном участке. Но должна же быть причина. Поменять бумагу!

Достал из ящика стола стопку листков.

Мы не для прихотей и славы

Встаём, когда нас рьяно бьют.

И не потерпим мы отравы,

Которую нам часто подают.

Да, это несомненно и однозначно, он каким-то необъяснимым образом утратил способность сочинять стихи. Может, это такой особенный ковид, при обычном утрачивается обоняние, а тут... Наговорил на себя, болен, болен!

Хорошо, а может быть, ручка? Ведь Васьков притащил какую-то ручку подарочную. Игорь Владимирович полез в дарованный подмосковными графоманами ежедневник и вынул красно-белую чертовку. Попробуем:

Россия — мать своих детей,

Тепла, хоть иногда морозна.

Не стой у наших ты дверей,

А то потом уж будет поздно.

Нет, тут без бутылки не разберёшься. Он подошёл к застелённому шкафу, отодвинул книгу Тарле «1812 год» и вынул заветную бутылочку «Квинта». 10 лет выдержки. Тут его недавно ругали в Интернете, но для опыта сгодится. Сходил на кухню, взял стакан, налил себе половину. От Надежды, конечно, достанется. Застав его пьяным, она... Но должна же боевая подруга понять боевого товарища, что его ранило. И опасно.

Коньяк сработал, как и положено коньяку. Тепло покатилося по пищеводу, в голове всплыл поплавок. Голова заработала, появилась способность к обобщениям, исчезла паника.

Значит, что мы имеем. Это не с миром происходит, а только с Игорем Владимировичем Рукобратским. Он потерял свою способность писать профессиональные, неплохие стихи, и у него получается какая-то густая, жуткая графомания.

Что делать?

К врачу не пойдёшь.

Обращусь я к друзьям. Игорь Владимирович решил поехать в ЦДЛ, где к вечеру собирается общество сочинителей и занимается выпиванием и закусыванием. Конечно, никому свою тайну, тем более сразу, рассказывать не собирается. Послушает разговоры, что там и как. Не может быть, чтобы такое несчастье коснулось одного Рукобратского.

По дороге в клуб набрал несколько своих знакомых, из числа тех, кого считал примерно ровнями себе в смысле качества литературного письма. Осторожно поинтересовался насчёт «Золотого пера», получали или нет? Все четверо обзвоненных отвечали — чур меня! Телефонов патентованных графоманов у Игоря Владимировича не было. Вообще, ему довольно редко приходилось с ними пересекаться, с этими Тютькиными, Крутькиными, Вертибутылкитными. За столом в ЦДЛ он всегда сидел в твёрдом кругу себе подобных, никогда не опускался до столиков, окружённых литературным плебсом. Впрочем сесть в одной компании с литературным начальством для него тоже было невозможным. Официальные лауреаты, лидеры андеграундного истеблишмента, тоже внимательного следили за тем, чтобы не пустить к себе не своих.

Так что, войдя под своды клуба, Игорь Владимирович стал внимательно приглядываться, изучая поляну, кто где сидит. Прошёл мимо столика с Васьковым, и тот участливо поинтересовался, как же это товарищ Рукобратский, невзирая на ковид...

Между залами, расписным и ресторанным, был неширокий проход, по которому сновали официанты, и тут навстречу рисуется Мутьков собственной персоной. Делать вид, что увлечён исследованием собственного телефона, было поздно, пришлось натягивать любезную улыбку. Бодряк Мутьков, сверкая огромной золотой фиксой, схватил не протянутую руку Игоря Владимировича и рьяно её затряс.

— Не благодари, заслужил, заслужил! Пойдём выпьем!

— Я чуть позже подойду.

— Только обязательно.

— Я обязательно.

Отворачивая скривившуюся физиономию, Игорь Владимирович отодрал свою руку от ладони Мутькова и проследовал дальше. Это что же, он считает, что Рукобратский пришёл его благодарить за эту вшивую грамоту! Было так тухло на душе, что Рукобратский свернул к находившейся тут же стойке буфета и потребовал коньяку.

— Сто грамм!

Пока состояние его возвращалось в прежнее русло, он поглядывал вокруг. Заметил, что вместе с ним у стойки расположились несколько бонз в ожидании столика в основной локации и аккуратно чокаются, разбирая какой-то свой высокородный вопрос. Старался не слушать. Но невольно до его ушей долетали фразы, смысл которых он автоматически реконструировал. В общем, он был с ними, с секретарями согласен, происходит какое-то общее «оборzenie графомана». Он осмелел, такое впечатление, что непонятно почему решил, что наступает его час, и требует себе несоразмерного куска. В другой ситуации, особенно в случае неумеренного подпития, Игорь Владимирович не сдержался бы и встрял в разговор, но сейчас что-то его сдерживало. Да, он помнил о чудовищных строках, которые забыл на своём письменном столе. Надо будет, когда вернётся, сжечь их бесследно. Чтобы не осталось никаких следов о минутах его падения.

Он одним глотком осушил бокал и выпустил две огненных струи из ноздрей. Секретари чуть покосились на него, но ничего не сказали. И почти сразу же их позвали к освободившемуся столу.

У Игоря Владимировича было слишком немного денег, чтобы ловить чего-то в масонской ложе, как звали главную, дубовую залу просвещённые члены корпорации. А пристраиваться со своим стулом к уже пирующему столику не хотелось.

Он заказал себе ещё, но уже пятьдесят, коньку и стал смотреть туда, откуда вышел, в расписной зал. Там полноценное местечко его ждало. А что, собственно, случится, если он один вечер проведёт в обществе не брахманов, не кшатриев, а неприкасаемых русской литературы.

Появление Рукобратского Мутьков приветствовал бурным проявлением восторга. Игорю Владимировичу тут же кто-то из клевретов придвинул стул. Зная правила, новый гость заказал водку на всех, бросив небрежно в круг банкноту. Мутьков держал важного гостя по правую руку от себя, вызывая тяжкую ревность в ком-то из своей свиты, кому полагалось это место за выслугу

лет.

Игорь Владимирович окинул взглядом шумный, время от времени взвивающийся протуберанцами чьих-то пьяных выходов зал. И тут же поймал завистливый взгляд Васькова. Тот, несомненно, жарко завидовал столь быстрому возвышению своего знакомого.

— Вот! — услышал Рукобратский, повернул голову и увидел перед собой на столе, между остатками вяленого леща и стаканом водки некую книжку.

— Что это?

Оказалось, плод великих откровений, глубоких проникновений в человеческую природу, невероятных напряжений всей нервной системы.

— «Лал»!

Последний сборник Мутькова, в настоящий момент даримый ему, Игорь Владимиру Рукобратскому, от всей души.

— О! — Только и мог сказать ошастливливаемый.

— А ты почитай, почитай надпись.

В зале буфета было не то чтобы очень уж светло, но кто-то из друзей Мутькова запалил быструю спичку, и Олег Владимирович прочитал: «Собрату и другу, ратнику русской (так, с тремя «с») лиры» на долгую...» — и спичка потухла, второй почему-то запаливать не стали и грохнули здравицу в честь «богатыря» русской литературы.

Чтобы снять мучительный синдром, Игорь Владимирович глотнул тёплой водки. Слезы брызнули из глаз, чего не происходило от коньяка.

Сказать откровенно, в наглости и напоре Мутькова была какая-то часть правды. Свою шумную, какую-то жириновскую свиту он явно превосходил в лихой мастеровитости и по праву возглавлял свою часть ЦДЛа. Кроме того, его власть держалась на том, что в Московской организации он редактировал иррегулярный поэтический журнал, и для многих страницы этого журнала были единственным законным местом публикации.

Игорь Владимирович сунул книгу в карман.

Перед ним уже стоял второй стакан водки и бутерброд с «борщём». Надо было, по всему, говорить тост, по крайней мере на сегодняшний вечер присягать мутьковской власти. Игорь Владимирович прислушался к своему настроению. На дне души расплывалось что-то лоханкинское: «А может, в этом и есть сермяжная правда?!» И он завёл какую-то общепоэтическую нудь,

про то, «что образ мира в слове явленный», и т.д. Оказывается, чего-то подобного от него и ждали. Троекратно грянули «любо!» и жажнули стаканами об стол, но так, чтобы не разбить их.

После этого общая беседа неуловимо перешла в ту стадию, когда в общем разговоре возникает несколько частных разговорчиков, потому что количество желающих быть ораторами неудержимо растёт. Справа от Игоря Владимировича затеялся принципиальный спор между Пупырышкиным и Гаком, примерно равными по своей гениальности графоманами, кто из них второй поэт после Кузнецова. Имелся в виду классик Юрий Поликарпович. «Я второй», — говорил Гак. «Нет, ты даже не третий, а второй — я», — шипел в ответ Пупырышкин. Мутьков гениальным вбросом прекратил это малотворческое препирательство.

— Вы оба вторые, а первый после Кузнецова — я! — с хохотом заявил он. И вся банда оценила ловкость приёма, и набросилась на спорщиков с удивительно талантливыми словесными издевательствами.

Как и всегда, Игорь Владимирович при подобных обстоятельствах плохо помнил, как всё дело завершилось. Остался в памяти лишь один момент — неудобство в кармане пиджака. Он вытащил толстую малогабаритную книжку. Это был тот самый «Лал». Хотел тут же выбросить его в ближайшую урну, оторвав титульный лист, но сдержался. Эта книжка могла ему пригодиться завтра.

Проснулся Игорь Владимирович в двойном аду похмелья и ужаса. Состояние усугубила гневная записка супруги, из которой он узнал, что является неблагодарной скотиной и жестоким мучителем близких ему людей. Хорошо, что не нужно было объясняться вживую. Спустился на первый этаж дома, где функционировал супермаркет и купил две бутылки пива. Принял душ, почистил зубы. Вошёл в кабинет. Сел к столу. Придвинул лист бумаги. Взял ручку. Нет, не ту, подаренную Васковым, а вынутую из стола. Надо поставить чистый эксперимент.

Итак.

Напрягая больной мозг, произвёл:

*Он один, как деревце в поле,
А вокруг как грибов врага,
Разгуляться ему в раздолье,
Он друзей прикрывал тогда.*

Перечитал несколько раз произведённый продукт. Даже через своё адское состояние ощутил — оно! Жуткое дыхание графомании. Вчерашнее погружение в трясины ЦДЛа, в самый гнус-

Михаил Попов. Золотое перо

ный ей омут, ничего не изменило в течении болезни.

Решил пока не паниковать. Хотя запаниковал.

Встал, походил по небольшому своему кабинету. Вышел на кухню. Достал из холодильника пиво.

Ставим его, эксперимент.

Холодненькое!

Пузырится в стакане.

Выпил. Выпил второй стакан.

Вернулся в кабинет. Кинулся в очередную словесную атаку.

*Сдам автомат свой в пирамиду,
Возьму чернила и перо,
Окину взором я равнину,
Где от хлебов желтым-желто.*

Пытаясь рассуждать спокойно, стал рассуждать. Значит, алкоголь никак не влияет на приобретённое состояние. Равно как и похмелье. Попытался с возможной точностью установить начало возникновения феномена. Сразу после ухода Васькова. До появление его идиотской грамоты, кажется, всё было нормально, подобной бредятины из-под его пера не выходило. Тогда, если рассуждать здраво и без спешки...

Игорь Владимирович взял аляповатую роскошную грамоту подмосковников и помахал ею в воздухе. Что с ней сделать?

Уничтожить! Не жалко? Да ни боже мой. Только бы помогло. Порвал толстую бумагу и бросил в пепельницу.

*Играл скрипач — искусно так,
Преподносил талант на блюде.
И шли по набережной люди,
И резко замедляли шаг.*

Какая набережная! Какие люди! Мысленно возопил он. Сжечь, да, правильно! Порвать мало, надо истребить!

Сбегал на кухню за спичками.

Бумага долго не хотела приниматься, явно демонстрируя, что рукописи не горят. Всё же занялась, распространяя какое-то гомерическое зловоние, как будто отравы всей мировой графомании была в этой бумаге сконцентрирована.

Дополыхала.

Интересно, что скажет жена. Ты хотел дом спалить, идиот!

Бросился открывать окна. Помогло мало.

Выпил вторую бутылку пива. Это помогло чуть больше.

Продолжил вспоминать события вчерашнего жуткого дня. До какого момента всё было нормально? Да, до появления Васькова.

Что он принёс? Грамоту. Ручку. Истребить и ручку. Жечь, конечно, её не стал. Выбросил в пропасть. В окно шестого этажа. Действие показалось слишком ничтожным, даже проверять результат не стал. Ему казалось, что он пропитан графоманией, как пивом.

Впрочем надо уже успокоиться. Само, судя по всему, это гадостное состояние не уйдёт. Надо к нему как-то подступиться и расколдовать его.

Встал, и в голове мелькнуло что-то похожее на мысль: «Лал»!

Вот, данная ему самою судьбой подсказка! И он не просто так вчера оказался за этим диким столом. Это был шабаш графоманов, почему-то он был туда брошен, и кажется, Игорь Владимирович вздрогнул, посвящён в графоманы.

Навсегда?!

Помотал головой, отгоняя апокалиптические видения.

Хотя похоже.

Ему был даже вручён артефакт.

Этот самый «Лал», продукт, извергнутый самим великим магистром этой отвратной общины ползучих существ литературы.

Зачем это было сделано?

Вот когда он это разгадает, то и спадёт с него проклятие.

Игорь Владимирович расхохотался. Какой бред лезет в голову. Встряхнул головой.

Мутьков магистр!

Не надо больше пить пива. В любом случае со всеми нечистыми сущностями надо сражаться на трезвую голову.

А книжечку мы сейчас посмотрим.

Игорь Владимирович довольно долго шелестел листами книжечки. Прочтёт здесь, прочтёт там, в начале и в конце, разломит посередине, вычитает из середины. В общем, впечатление от поэзии Мутькова в настоящий момент совпадало с тем, что было у Рукобратского до этого. Графомания! Но, несомненно, отличающаяся от той, что выходила со вчерашнего утра из-под его, Рукобратского, пера. Какая-то более породистая, отдающая непонятным, что ли, лоском, она обладала всеми необходимыми отличительными признаками поэзии настоящей. И рифмы, и размер — всё было на месте. Отсутствовали эти динозаврические выверты, что вдруг вываливались на страницу у него. Вот хотя бы:

Светятся нивы колхозные

В дальнем, забытом году.

Светятся травы морозные,

Светятся листья во льду.

*Светится время грядущее,
Дышит в лицо горячо...
Светится женщина лучшая,
Светится что-то ещё...
То ли дорога рассветная,
То ли следы на воде...
Где мое время заветное?
Слово заветное где?!*

Чепуха, пустозвонство, бесцветный лепет со всеми его светящимися во льду листьями. Но попробуй придраться. Всякий более-менее ответственный ценитель скажет — злостная, застарелая графомания, а где доказательства? Придётся разводить такую отвлечённую философию, чтобы доказать очевиднейшее.

Глазу совершенно не за что зацепиться, подобное печатается и печатается, оплачивается и оплачивается (хотя всё хуже и хуже). Более того, у подобного есть читатель и даже поклонники.

Но вот я же, обратил мысленный взор на себя Игорь Владимирович, я же вижу разницу! Он вспомнил шкафы в своей редакции с посеревшими от времени стопками отклонённых подборок.

А вдруг эта способность утрачена и работает только в отношении его собственных рукописей.

В редакцию!

Кое-как приняв душ и переодевшись, Игорь Владимирович помчался в родной свой журнал, где он служил заведующим отделом. Журнал устроился в отличном месте на Старом Арбате, отдел поэзии располагал отдельным кабинетом, в котором трудились в былые времена несколько литсотрудников и младших редакторов. Теперь тучные годы были в прошлом и большую часть работы Игорь Владимирович выполнял с одним помощником.

— Привет, Саша! — бросил он ему, войдя в кабинет.

Получил в ответ вежливый кивок.

Игорь Владимирович уселся на своё место. Всё здесь было по-прежнему. Слева от лампы лежала стопочка не слишком большая, это были подготовленные Сашей подборки сочинителей примерно того же уровня и типа, что и Мутьков. Это было неизбежное зло, успокаивал себя Рукобратский, невозможно же все номера заполнять одними Тютчевыми. Нужна серая, рабочая скотинка. Время от времени, когда оставалось место, Игорь Владимирович брал из Сашиной стопки одну из подборок и отправлял в набор.

Прямо перед лицом редактора отдела занимала место стопка «имён» и «кошельков». Тут, как легко можно было догадаться, нашли свою пристань сочинители, сумевшие заработать себе какое-никакое имя или обещавшие какую-никакую помощь редакции по финансовой части.

С этими претендентами Игорь Владимирович разбирался сам. Это была тонкая и не всегда честная работа. Приходилось то и дело наступать на горло собственному вкусу, и если бы кто-то мог увидеть это горло Игоря Владимировича, он бы очень его пожалел. Самое забавное, что и среди «имён» попадались полнейшие стихотворные ничтожества, а среди «кошельков» отыскивались полудрагоценные камешки. Игорь Владимирович благоразумно никого не перехвалял, а то ещё перестанут платить. Не перехвалял и знаменитостей, а то потребуют денег за публикацию.

На правом краю стола высилась малоустойчивая, вечно разъезжающаяся башня, составленная трудами типичных графоманов.

Вызывая удивлённые взгляды Саши, Игорь Владимирович провёл торопливую ревизию, внял пробу со всех трёх стопок. И обессиленно откинулся в кресле.

— Что-то случилось? — спросил Саша.

— Случилось.

— Что, если не секрет?

— Как раз секрет.

Рукобратский закрыл глаза и несколько минут сидел так.

Всё было как всегда.

В стопке абсолютных графоманов лежали абсолютные графоманы.

В стопке Мутьковых лежали Мутьковы.

Ну и так далее.

— Звонил Рудин, — сказал Саша и почесал неприбранную голову.

— Мог бы и не говорить.

Рудин звонил всегда. Он лежал самым верхним претендентом в стопке Мутьковых и считал, что должен давно уже перейти в стопку имён. К каждой дате, к каждому важному международному событию, к каждой правительственной инициативе у него имелся отлично зарифмованный текст. Игорь Владимирович его бы даже уважал, будь он чуть скромнее. Старательно искал, где бы Рудин пустил петуха, и не находя, тосковал.

Саша, догадывавшийся о какой-то системе шефа, своих стихов, которые, конечно, писал, никогда ему не предлагал, а сразу

относил главному редактору, отчего меж ними существовало некое неудовольствие.

Но сейчас Игорь Владимирович на Сашу внимания не обращал, на него накатил вал мыслей по мучавшей его проблеме. Надо же что-то делать.

К кому можно обратиться с жалобой на то, что стал графоманом?

Друзья по большей части обрадуются такому признанию. А другие подумают, что знали об этом всегда.

Существуют ли врачи, могущие помочь? Идиотский вопрос! Любой психолог сделает сокрушительную запись в историю болезни, только и всего.

Так что надо признаться себе, что ты один на один со своей ядовитой проблемой, ты тот больной, который помоги себе сам!

Тихий ужас начался с какого-то момента, и до этого момента его не было. Безусловно триггером явился визит Васькова. А может, уже само присуждение грамоты было таким триггером? Прикладывался он, Рукобратский, к чистому листу с вечера накануне визита? Кажется, нет. Как это у них там происходит? Думается, что-то вроде банальной бюрократической процедуры. Важно, кто предложил его персону. Это узнать можно.

Скорей всего, Васьков и предложил. Хотелось подъехать к заводу поэзии. Потому сам и притащился в редакцию, а не застав в редакции... Скорей всего, так и было.

Тут, как ни крути, имеет место какая-то магия. Игорь Владимирович с презрением относился ко всей этой оккультной дребедени, астрологии, и на вопрос, кто он по знаку, всегда отвечал, что не знает. Но ситуация была налицо. Бытовая чертовщина, именно так и должно было случиться, что от ничтожнейшего из графоманов...

На Игоря Владимировича накатил холодная волна.

Чепуха, чепуха, чепуха! Попытался он себя образумить, но не образумил.

Не надо принижать и фактор самой такой графоманской сходки. Может быть, по их правилам собрание двенадцати, скажем, отъявленных писак в одном месте, за одним столом, да ещё под председательством лидера, такого колерованного графомана, как Мутьков...

Игорь Владимирович вспомнил, что читал в одной странной книжке об античном боге дерьма. Нельзя отрицать силу низа. Опасно её отрицать. В исключительных случаях... Мы все ждём,

что душу придёт покупать сам князь тьмы, а является низменнейший из низменных. Да, причём здесь даже не душа, а только некая её часть — талант.

Если он был!

Опять волна холода прошла у Рукобратского по спине. Одновременно мелькнула мыслишка, что это ведь очень странно, если князь тьмы, то к нему положено обращаться «ваша светлость!» Лицо его дёрнулось.

Саша обратил на это внимание, но вмешиваться с вопросом не стал. Чувствовал, что с шефом что-то происходит неординарное.

Хорошо, беря себя в руки, попытался размышлять стройно Рукобратский. Сердце стучит, печень работает, голова варит, вон даже что-то вроде аппетита появилось, значит, живу. Мне не запрещено предпринимать какие-то свои меры. Какой план неотложных действий? Ведь нельзя же безропотно оставаться в подобном положении.

Если Васьков вверх его в эту мучительную бессмыслицу, значит, по крайней мере, старший по званию может это отменить.

Кто там у них, Мутьков же наверняка. Он, несомненно, смотрящий за окрестностями ЦДЛа.

Надо подъехать к нему.

Как подъехать?

Не сочтёт ли Мутьков его сумасшедшим?

Надо продумать разговор. Да и вообще, просто подготовиться психологически к такому разговору.

Дверь кабинета осторожно приоткрылась и Игорь Владимирович с Сашей увидели робко улыбающуюся физиономию Васькова. Удивление их было немалым. Не раньше чем через месяц надлежало являться автору за результатом, а он буквально через день!

Игорь Владимирович величественно промолчал.

— Что вам? — с досадой спросил Саша.

Васьков на него лишь покосился, а обратился к Рукобратскому.

— Я думал... я знаю — месяц, но в порядке исключения, я ведь...

Игорь Владимирович был в ярости. С какой наглостью и скоростью эти унтерменши сокращают дистанцию. Всего-то взял на себя труд занести домой листок бумаги, а уже претендует.

— Я ещё не смотрел! — весомо заявил Саша. И Начальник был ему благодарен за это вмешательство. — У нас такой порядок: сначала смотрю я.

— Так, может быть, Игорь Владимирович посмотрит.

— Я никогда не читаю в присутствии автора, — привел свой последний и самый ничтожный аргумент заведующий отделом.

— Но я же уже пришёл.

Честно говоря, Игорь Владимирович чувствовал свою вину перед Васьковым. В данный момент он отличался от обыкновенного графомана, посещающего не в положенное время редакцию журнала. С обыкновенным Игорь Владимирович справился бы в два счёта. Но он чувствовал, что между ним и этим жалким человеком в круглых очках есть незримая, мистическая связь. Ведь с его посещения всё началось.

Саша, чуждый всякому мистическому чувству, взял из толстой графоманской стопки подборку Васькова и бросил к себе на стол.

— Ладно, — мстительно сказал он, — сейчас посмотрю.

И Васьков, и заведующий отделом беспомощно смотрели на него.

Саша решительно сел за стол и буквально впился взглядом в страницу.

А может, так и лучше, пусть всё идёт своим порядком, а то он сам нагородит тут каких-нибудь турусов на колёсах. Ещё из чувства непонятной вины придётся печатать патентованного графомана.

— Ну, слушайте, — встал с места Саша через пару минут, — это никак не годится.

— Почему? — пискнул Васьков. Чувствовалось, что он готов был к сражению с Игорем Владимировичем, но ничего не мог выставить против бодрого Саши.

— Потому что «кирпич — паровоз» — это не рифма. Потому что стихотворение, начатое четырёхстопным хореем, не может заканчиваться трёстопным ямбом...

— Понятно, — сказал Васьков, поджав губы и поглядывая почему-то в сторону Игоря Владимировича. Тот только развёл руками. Выступать против экспертной оценки помощника при таких данных он, разумеется, не мог.

Когда посетитель ушёл, Рукобратский погрузился в своё кресло и снова задумался. Но ему снова не повезло: позвонила жена. Она вернулась домой, нашла пустые бутылки из-под пива и построила на этом подлинную эпिताму.

Когда она закончила, вновь начал Саша. Он положил перед Рукобратским стихи Мутькова и остался стоять в состоянии молчаливого вопроса.

— Зачем мне это? — вяло спросил Игорь Владимирович.

— И мне незачем. Звонит этот тип, да не просто звонит, а указывает, выбирает номер, в котором хотел бы появиться.

— Ну, я не знаю.

— И я не знаю. Это, конечно, не такой паноптикум, как у этого (кивок в сторону ушедшего Васькова), но ведь тоже...

— Ну, так, чистенько...

— Отсутствие стилистических ошибок не есть стиль, — резко сказал Саша и вдруг заулыбался, получилось что-то вроде афоризма. Пока он мысленно забавлялся этим случайным фокусом, Игорь Владимирович почти физически почувствовал, что куда-то проваливается. Что это, господа? Получается, он теперь на службе отечественного графоманства! Невольно становится на его защиту, когда даже этот родственник главного редактора выглядит борцом за чистоту рядов!

Надо что-то делать!

Что?

То, что он, уже совсем не желая того, изрядно испачкался, это факт. Пусть это даже пока никому не видно, но сам-то он это чувствует!

— Пойду пройдуся, — сказал он Саше, вставая с трудом из кресла.

— А что мне делать с этим? — спросил Саша, показывая на листочки со стихами Мутькова.

— Пусть пока полежат.

— Сколько?

Сделав неопределённый жест рукой, Игорь Владимирович вышел из кабинета.

Пользуясь своим положением в журнале, он отправился домой. Вообще-то Леонид Иванович, главный, выказывал определённое неудовольствие по поводу поведения заведующего отделом прозы и поэзии, но Игорь Владимирович пока не обращал внимания на посылаемые ему невербальные сигналы. А в состоянии психологического шторма, в котором находился, был и неспособен это делать.

Ему хотелось именно сейчас побыть одному, а не подвергаться атакам безапелляционного племянника. Шёл он медленно, потому что впереди был дом, где его поджидала жена Надежда со своим набором наездов. Ни ей, ни своему литсотруднику он был не в состоянии ничего объяснить толком, да и не хотел этого.

Особенно его пугала эта возникшая в его сознании уверенность в мистическом происхождении его профессиональной хвори. Действующие лица или те, кого он счёл действующими лицами этой истории, представлялись ему значительными фигурами, за которыми стояли большие пугающие смыслы. Да, будучи современным и неглупым человеком, он посмеивался над собой, но его смех был поверхностным, не лечебным, и оставлял мистичность фигур графоманской драмы в неприкосновенности.

Он уверовал в то, что обязан как-то расплатиться с мрачным миром графоманской пошлости, чем-то важным для себя пожертвовать, но не знал, как ему подступиться к решению этой задачи. Он перебирал в сознании две, безусловно, значимые для него сейчас фигуры, Васькова и Мутькова, но не мог определить, чем каждая из них для него важна. И чувствовал, что за ними, возможно, скрываются какие-то другие, более значительные персонажи.

В ЦДЛ пойти было после вчерашнего немыслимо. Надя содрала бы с него кожу, да он и сам не хотел, если честно. Конечно, клуб оставался где-то поблизости от центра решения проблемы, но пока его нужно было оставить в покое.

Предстоял разговор с женой. Он его не хотел, но не боялся. В этом было одно из достоинств его нового состояния. Обычно разбор полётов превращался в унижительное и долговременное мероприятие, которое надолго вгоняло Игоря Владимировича в состояние хандры, но сейчас он был поражён чем-то куда более опасным и мучительным, что, как ни странно, давало ему силы противостоять обычному семейному скандалу.

И Надя почувствовала это, всё же двадцать лет в браке. С того самого момента, как Игорь Владимирович вошёл в прихожую, и она вышла, руки в боки, с кухни возникло меж ними пугающее взаимопонимание.

— Что с тобой, на тебе лица нет?!

— Всё в порядке, — буркнул Рукобратский, и в Наде завибрировали все годы совместного брака, и она поняла — что-то произошло. Формально отчитала его за внеплановый поход в клуб, думая о том, что бы это могло быть. Но догадывалась, что прямо сейчас муж не скажет.

Они поужинали. Даже выпили по рюмке из той спрятанной накануне бутылки. Посидели перед телевизором и легли спать.

Наутро им предстоял давно запланированный вояж в Тверь. Тут нужно кое-что объяснить. У Рукобратских было две семей-

ных пары в друзьях. Эти отношения сохранились ещё с ранней молодости, с тех пор, когда три молодых сочинителя входили в литературу. Объединяло их многое, возраст, во-первых, кое-какие способности, что позволяло им уважать друг друга, не дружить сверху вниз. И ненависть к Литературному институту. Они проводили время вместе, чета Комовых, чета Манцевых и третья чета, Рукобратских. Справляли праздники, выходы книг друг друга и тому подобное. Часто путешествовали по окрестностям Москвы с тех пор, как у всех появились машины.

Надя наскоро объяснила, что на этот раз полносоставный выезд отменяется. У Манцева опять «холерина». Рудольфу Манцеву недавно поставили стент в сердце, поэтому он находился в состоянии лёгкой ипохондрии. Чуть что, вызывал скорую и шлялся по врачам, сдавал бесконечные анализы в попытках отыскать скрытную хворь. Это ему не удавалось, и от этого он приходил в отчаянье.

Комов тоже был неблагополучен, потому что брошен женой. Он, наоборот, тянулся к людям и был опекаем всеми членами компании, как оленёнок без матки. Он-то как раз был готов ехать в Тверь тогда, когда Рукобратские не видели в этой поездке никакого смысла.

Что делать.

Манцева за ночь не вылечат, он улёгся в кардиологический центр при РЖД.

Комова бросать было слишком жестоко, он уже раз пять звонил в предвкушении.

Водителем была Надя, маленькая, кругленькая, решительная. Когда Рукобратский на ней женился, она была такой же решительной и маленькой, только со временем округлилась. Когда на завтра утром они спустились к машине, Комов уже стоял рядом с не, вместе с большим пакетом, вид которого вызвал у Нади неудовольствие.

— Затарился! — сердито бросила она.

На лице у спутника Рукобратских появилось виноватое выражение, и он тяжело вздохнул всей своей широкой худой фигурой.

Кое-как запихнулся на заднее сиденье. Игорь Владимирович устроился не рядом с женой, а рядом с другом. Жена буркнула что-то по этому поводу, но в целом она понимала — мальчишкам надо поговорить.

Началось с обсуждения ипохондрии Манцева, всё же болел он уж слишком увлечённо, каждый рассказал по запоминающе-

муся случаю из истории манцевской болезни, пока машина выворачивала из дворов на нужное шоссе.

Игорь Владимирович очень доверял мнению друга, главное было теперь только незаметно навести его на разговор о графомании. Игорь Владимирович решил начать не мудрствуя, с автуры, которая была бедой каждого периодического издания и кладезем забавных историй ничуть не хуже Манцева. Рассчитывал, что сумеет заплести в этот разговор мистическую составляющую. Комов был человек трезвый, умный, но душевно раненный, это могло способствовать переходу его на новые жизненные позиции. Брошенные влюблённые начинают весьма по-другому смотреть на вещи и питать совсем уж иррациональные надежды. А от иррациональных надежд до мистических кунштюков совсем уж короткий путь.

Но Комов, тут же припавший к прикупленному пивку, начал нудить на тему, которая единственная была ему интересна: «Почему она ушла?!»

Пришлось пережить, делать вид, что разговор о «безумной Стаське» его сильно интересует, но поток инвектив Комова ничуть не редел, и казалось, что хоть дорога до Твери весьма неблизкая, его усилий хватит на всю дорогу. Не интересна ему была автура, не интересны были ему журналы, не интересны были ему графоманы, и даже великолепные стихотворцы совсем не занимали его внимание.

Рукобратский был близок к отчаянью. Когда Манцевы ездили вместе с ними, они отвлекали часть потока на себя, сейчас же...

Но должно было что-то случиться и случилось.

Рухнул на крышу автомобиля ливень.

Долго собирался и пошёл с пристрастием.

Надя свернула на обочину. Немыслимо было двигаться под давлением такого природного явления.

Даже Комов стих. Повозился в тесноте заднего сиденья длинными ногами и удивлённо уставился на стекающую по кону воду.

— Дождь, — вдруг сказал он.

— И дождь смывает все следы, — вставила название старого фильма Надя.

— Как у тебя дела на работе? — спросил вдруг Комов Рукобратского.

Игорь Владимирович быстренько рассказал ему о своей системе распределения авторов по разрядам. Комов слушал на удивление внимательно. И даже выразил своё мнение о системе.

Она не задела его своим цинизмом, он не согласился с одним принципиальным моментом.

— Ты неправильно определяешь её.

— Графоманию?

— Графоманы не те, кто пишет плохо, а те, кто вообще любит писать.

— То есть...

— Да, написавший один скверный текст не графоман, а просто бездарь, а...

— Лопе де Вега, — подсказал Игорь Владимирович.

— Хотя бы. Просто человек очень любит писать. В день по пьесе.

Игорь Владимирович досадливо поморщился.

— Ты меня путаешь.

Дождь стал ещё сильнее.

— Ну, вы и темку нашли, — сказала Надя.

— Кроме того, — деловито продолжал Комов, — и у хорошего писателя могут быть бездарные страницы.

— Я говорю, ты меня путаешь.

— Вы знаете, мы со Стаськой познакомились как у Булгакова. Я шёл по улице, она шла по улице, а дальше «любовь выскочила, как убийца с ножом из подворотни, и поразила нас», цитирую близко к тексту. Ну, позорно же, да? Такое описание возникновения факта любви. У классика! Или, если хочешь поэта, возьми Есенина.

— При чём здесь Есенин?! — разозлился Рукобратский.

— «Когда избушка челюстью порога жуёт там какой-то мякиш тишины», ну, не рвотное?

— Слушай, Комов, не трогай Есенина.

— Даже на солнце бывают пятна. Ну, пятнышки.

Дождь резко прервался. Надя включила дворники. Трасса бурно парила, как раскалённая сковородка. Кто-то уже ехал навстречу.

— Я про другое, — отчаянно воскликнул Игорь Владимирович, — у тебя бывает такое, чтобы ты стал писать на несколько порядков хуже, чем пишешь обычно.

Он испугался, что под воздействием эмоций выдал себя. Но Надя просто не обратила внимания на сказанное. А Комов пожал плечами.

— А разве мы не обречены на вечное недовольство написанным?

Игорь Владимирович ненавидел в этот момент философствующего друга.

— Писателю надо быть благодарным за лучшее, а не совать в нос его худшее, — продолжал нудеть Комов.

— Да, да, — кивал головой Рукобратский.

— Я говорил Стаске про это, ведь были же у нас минуты, а брак не может состоять из таких минут.

Игорю Владимировичу захотелось заплакать, и он полез в пакет за пивом.

Какой же он всё-таки дубина или бегство жены лишает человека остатков разума и способности понимать и сопереживать. Игорь Владимирович пожалел, что взял Комова с собой, да и вообще о том, что отправился в эту поездку.

Но ненадолго.

Когда Надя припарковалась рядом с домом, где располагалась снятая на три семьи квартира, Комов, выбираясь из машины, спросил, а пойдут ли они к дому-музею Дементьева.

— Зачем? — спросила Надя, зная о негативном отношении мужа к творчеству этого сочинителя.

Как же, начал развивать свою мысль брошенный супруг, ведь таких мест не так много на Руси.

— Каких мест? — поинтересовалась Надя. Игорь Владимирович, затаив дыхание, слушал.

Это же своего рода храм, говоря Игорёшкиным языком.

— В смысле?

— На-а-а, как ты не понимаешь, как египетские фараоны строили себе усыпальницы, так и наш поэтический фараон Андрей Дементьев воздвиг себе поминальную пирамиду. Расчётливо воздвиг, не в столице, где у него было бы множество конкурентов, а неподалёку от неё, куда мог себе представить тропку народного почитания. Своего рода храм графомании, говоря языком Рукобратского.

Он ещё долго что-то бурчал на эту тему, а Игорь Владимирович всё понял с первых предложений. Поездка с Комовым была не просто удачной поездкой, а providенциальной! Судьба не бросила его, она, напротив, вела его.

У кого надо было просить снисхождения и прощения? Не у рядового бездаря Васькова и не у младшего командира армии бездарностей Мутькова, а у короля дерьма, всенародно любимого стихоплёта.

— Идём обедать! — бодро объявил Игорь Владимирович.

— Вы уже за дорогу наобедались, — сердито сказала Надя.

Наскоро побросали вещи в снятой квартире, особенно просторной из-за того, что не приехали Манцевы, вышли на лестницу покурить. Вернее, курил один Комов, а Игорь Владимирович ждал жену. Надя изволила переодеться, раз уж ресторан.

Пришлось немного побродить, пока нашли подходящее место, очень пахнущее почему-то котлетами. Надя решила пока призначать, но раввшиеся к водке писатели замахали на неё руками, они, мол, голодные, а котлеты не самое худшее, что могло им встретиться.

Сели. Официант подлетел мгновенно. Заказали бутылку водки и бутылку белого вина.

— Что будем кушать?

— А вот это, — Игорь Владимирович покрутил пальцем в воздухе, указывая на запах.

Официант смутился, очень советовал «курочку», котлеты сгорели.

— Ладно, — согласился Рукобратский, — только ещё воды, хлеба, ну, вы понимаете.

Официант угодливо кивал.

— А вы обратили внимания на место, в котором нас поселили?

— А что? — спросила Надя.

— Напротив книжный магазин, — сказал Комов.

— Букинистический.

— Какая разница, — вступилась за Комова Надя. Все жёны всегда становились на сторону одинокого Комова против своих мужей, все к этому привыкли.

— Я уточнил, — сказал Рукобратский, наполняя большие рюмки.

— За что? — спросил Комов.

— А чёрт его знает.

— За меня, — сказала Надя, — кто бы вас ещё сюда привёз.

На завтра у них был заказан экскурсовод, он должен был познакомить гостей города Тверь с очень интересной локацией — старинным индустриальным поселением, сейчас пребывавшим в полуразрушенном состоянии. Это была идея ипохондрика Манцева, оставленная в наследство остальным членам экспедиции. Но не отменять же экскурсовода.

Первые три рюмки и полбутылки вина выпились как-то сами собой без особых разговоров, особенно налегал на водку Комов, которому, как известно, не очень это было показано. Объёми-

стый Рукобратский, несмотря на опухавшие ноги, мог принять на грудь много без большой потери для общей общительности. Комов спал.

— Куда ты гонишь?! — щипала мужа за бок Надя.

— Я собираюсь ещё вечером пройтись. Рано спать.

Так и получилось. Комова отвели на квартиру и парочкой выскользнули на улицу, где чуть-чуть моросило. Первым местом, куда зашёл Рукобратский, был букинистический магазин. Он же книжный. Цены тут были реально смешные — десять рублей любой почти экземпляр. Это не московские пятьдесят при схожих условиях.

Игорь Владимирович нашёл то место, где тут квартировала поэзия, и стал присматриваться. Нужного не нашёл.

— Вам помочь? — Образовался рядом продавец.

— Мне бы Дементьева.

— Ну, знаете, Дементьева не сдают в бук, а если сдают, то он улетает.

— Скажите, а где у вас настоящий книжный.

Продавец обиделся, но всё же объяснил, что книжку Андрея Дементьева лучше всего купить в музее. Там и выбор богатый, правда и цены... И рассказал, как пройти.

— Чего тебе этот Дементьев, — спрашивала запыхавшаяся Надя, — никогда ты по нём не сох.

— Под воздействием обстоятельств люди меняются, — ответил фразой из какого-то фильмишки Рукобратский. — Пошли домой, — сказал жене Игорь Владимирович. Она подчинилась. Чувствовала, что с мужем что-то происходит, он, на её взгляд, во время этой поездки стал даже проблемнее Комова, только она не могла понять, в чём тут дело. Спрашивать прямо было бесполезно, она отлично знала. Только почему в этой компании оказался Андрей Дементьев, из каких бездн всплыла его серая унылая фигура.

— Ложись спать. Я ещё немного поработаю.

Надя могла бы заподозрить его в том, что он собирается продолжить пьянство, но знала, что не продолжит. Точно будет что-то там такое «работать». Ничего, завтра всё узнаем или после-завтра.

Комов тихонько свистел в соседней комнате, и ему явно снилась Стаська.

Игорь Владимирович ушёл в третью, манцевскую, комнату, зажёл настольную лампу. Набрал в поисковой системе ещё вче-

ра ему совершенно безразличное имя и погрузился в изучение найденного.

Довольно скоро он сформулировал для себя, чем графомания Дементьева отличается от такой же Васькова и Мутькова. Васьков просто-напросто был неспособен держать поэтическую форму и даже ритмический размер, в его тексте то там, то здесь проскакивали какие-то метафорические уроды. Но его тексты было иногда интересно читать, потому что его ляпы были порой фееричны. Разумеется, ни к какому журналу его не подпустили бы и на пушечный выстрел. Подпустили бы, но только в том случае, если бы он стал миллиардером или, на худой конец, министром финансов.

Мутьков стоял, безусловно, на лестнице эволюции бездарей намного выше. Откровенных ляпов в его текстах практически не было, выдерживался размер, строфы мелькали одна за другой, не задевая сознание, и сливались в какой-то серый шум. Отказывать ему было труднее, Мутьков никогда бы не признал, что отвергающий его редактор прав, и всё списывал на закулисные игры, вкусовщину или недоброжелательство.

Теперь предстояло разобраться со случаем Дементьева. Кстати, поэтической формой он владел ничуть не лучше Мутькова. Его хлебом были прилично поданные банальные смыслы. Он был яростно хороший, назойливо честный, занудливо мудрый. Брал какой-нибудь пример морального поведения, который все абсолютно одобряют, и усиленно выпячивал с помощью своих рифм.

Баллада о матери

*Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет,
Но пока всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.*

Здесь всё правильно. Матери стареют с годами и тоскуют о сгинувших без вести сыновьях, и вестей этих ждут. Кто этого не знает? Но только Андрей Дементьев умудряется собрать на этой вытоптанной полянке свой поэтический урожай.

*Никогда ни о чём не жалейте,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым прервите непрочную нить.*

Даже не поработал, не подогнал под рифму длинную третью строку и с большим пафосом изложил всем известную истину.

«По несчастью иль несчастью истина проста, никогда не возвращайтесь в прежние места» — написал на ту же самую тему настоящий поэт, но рядом топчется Дементьев и отгрызает себе кусочек.

А вот стихотворение, от которого сводит челюсти:

Я ненавижу в людях ложь.

Все остальные любят ложь, а вот он ненавидит.

*Я ненавижу в людях ложь,
Она у всех бывает разной,
Весьма искусной или праздной,
И неожиданной — как нож.*

Какой оригинальный образ — «ложь как нож», просто фейерверк какой-то, немыслимый поворот темы. А вот ещё, гляньте.

*Не смейте забывать учителей,
Они о нас тревожатся и помнят,
И в тишине задумавшихся комнат
Ждут наших возвращений и вестей.*

Надо ли говорить, что взаимоотношения учителей с их учениками намного сложнее. Сам работал три года учителем, ярил себя Игорь Владимирович. Всё свести к такой сладенькой водичке!

Рукобратский откинулся на стуле.

Кажется, Шкловский говорил, имея в виду редакторскую работу: «Мы научились разбираться в сортах дерьма», — чем он сейчас и занят. То, что располагается ниже условной красной линии, то, с чем можно не считаться, отбрасывать не глядя, мы начинаем сортировать, приводя в какое-то подобие порядка.

Зачем!

А затем, что игрой каких-то мутных, не прояснённых сил один неплохой в общем-то человек брошен за эту красную линию и мечтает вернуться обратно.

Надя тихо вошла в комнату и осторожно обняла мужа за плечи.

— Что с тобой творится?

— Потом обязательно расскажу. Иди спать. Мне нужно будет на часок уйти.

— Я с тобой.

— Нет, ты без меня.

— Но я не усну.

Игорь Владимирович ничего не сказал, и было понятно, что разговор закончен.

Шёл мелкий надоедливый дождь. Игорь Владимирович в плаще и шляпе, терзаемый муками похмелья, двигался к храму Андрея Дементьева, всё время сверяясь с указаниями мобильного телефона. Экран всё время заливала вода, что искажало показания. Приходилось останавливаться, протирать стекло. И всякий раз прибор отправлял его вдоль по ремонтируемой, жестоко раскопанной улице. Ботинки вязли в грязи, мысли вязли в утомительных и необязательных размышлениях. Например, почему столь различны социальные показатели карьер того же самого Мутькова и Дементьева. Первый царил в своём убогом узком кругу при Подмосковной жалкой организации, распределяющей грамоты между тихими графomанами. А второй возглавлял один из лучших и влиятельнейших журналов в стране «Юность», который в лучшие годы имел тираж в несколько миллионов экземпляров. А разница меж ними реальная была в каких-то профессиональных миллиметрах.

Васьков — ладно. Про него было откуда-то известно Рукобратскому, что он возглавляет баню. С него и бани достаточно.

Чёрт, опять раскопанная улица. Такое создаётся впечатление, что кто-то специально перекопал все пути к дементьевскому зиккурату, чтобы на них не образовалось ничего похожего на народную тропу.

Мелькавшие под дождём горожане передвигались принципиально по другим улицам, под лоснящимися зонтами и призрачным светом фонарей.

Чёрт, обстановка соответствует состоянию его души, думал Игорь Владимирович. Надо меньше чертыхаться, а то ещё вызовешь ненароком настоящего черта, наверняка они в каком-нибудь родстве с силами бездарности.

Вот он, поворот решающий.

Игорь Владимирович вытер мокрое лицо.

Несколько раз успокаивающе вздохнул, но от этих упражнений стал дышать ещё нервнее.

Дом Дементьева стоял действительно как-то очень влиятельно, как имеющий право. Лампочки над входом не было, то ли была разбита, то ли не предполагалась замыслом.

Игорь Владимирович вдруг ощутил, что реально с немалым трудом приближается к этому строению. Это же смешно, говорил он себе, но смешно ему не было. Где-то на отдалённых полках сознания он шутил и посмеивался над собой, но основным массивом психики...

Стоп. Постоим. А чего стоять. Надо совершить это быстрое дело и идти спать. Он заранее знал, как будет выглядеть ритуал. Да, да, придётся встать на колени, как это не смешно. Хочешь вылечиться, изволь.

Только молитвы пока никакой в его голове не было. Надо просто, профессионально попросить главу своего ремесленного цеха о возвращении инструмента, вот что должно прозвучать в его прошении.

Ну, вот он рядом.

Почти на крыльце.

В тёмных окнах, естественно, темно.

Тихо шумит морозящий дождь.

Тишина полнейшая.

Ну, что же, вставай на колени.

Грязно же. А что, храм поэтического дерьма должен как-то блестеть по-особенному!

Чуть кряхтя, годы, годы, Игорь Владимирович встал. Надо было куда-то девать руки. Сложил их, пусть и святотатственно это выглядит, на груди.

Быстро проговорил заготовленную формулу. Стал подниматься, испачкал правую руку (символично, ею пишат) в грязи на ступеньках и быстро пошёл прочь, словно стараясь, чтобы его никто не увидел.

Обратная дорога оказалась намного легче. Дождь перестал, ямины на улицах были теперь не столь провальными, дышалось легче.

Приду, лягу спать. Как в русской сказке — утро вечера мудреней.

А утром он попробует.

В планы его вкралось неожиданное обстоятельство.

Надя и Комов сидели на кухне и пили красное вино.

— Похмеляемся, — сказал виновато Комов.

Игорь Владимирович сел к столу, придвинул к себе стакан и спросил, откуда вино.

— Привезла с собой, — с вызовом сказала жена.

Рукобратский был не рад, чувствовал — что-то не так, и вообще ему хотелось, чтобы при его отходе ко сну не было никаких свидетелей.

— Погулял? — участливо спросила жена.

— Как тебе город? — вставил Комов.

— Завтра посмотрим.

Все улеглись спать. На самом деле было не очень поздно, где-то около часа ночи. Тут надо признаться, что и любимая, и любящая жена Надя и друг, ходячий Бухенвальд, не сговариваясь, проследили за Игорем Владимировичем, естественно, ничего ему не сообщая и не попадаясь на глаза. Оказывается, это они только внешне были озабочены поездкой в Тверь, на самом деле они сильно и, как выясняется, небезосновательно тревожились о душевном состоянии своего мужа и друга. Поэтому, когда он отправился ночью к музею Андрея Дементьева, они составили его небольшую и необъявленную свиту.

Итак, все улеглись спать, и все притворялись, что спят. Легче всего было Комову: у него была отдельная комната. Наде было труднее, она лежала в одной постели с немного помешавшимся мужем. Наде очень хотелось спросить у Рукобратского, что означает его коленопреклонение перед недавно ещё презируемым Дементьевым. Но она не смела, чувствовала, что на неё хлынет целая лавина ярости.

Комов тоже видел эту дикую сцену у ночного музея и тоже терялся в догадках. Рукобратский был известен ему как бодрый, немного даже циничный, немного стареющий мажор, обжора и выпивоха. Чтобы Игорёха хлопнулся ночью на грязное крыльцо перед почившим Андреем Дементьевым...

Игорь Владимирович дал себя обмануть. Он решил, что и жена спит, и друг тоже спит. Тихонько встал, взял со стола блокнот и шариковую ручку, ещё с вечера оставленные там, и на толстых цыпочках прокрался на кухню. Закрыл дверь и врубил свет. Сел за белый обеденный стол. Обнажил шарик своей ручки и направил его на бумагу.

И сидел так с полчаса.

Надя и Комов, тоже на цыпочках, выбрались из своих постелей и затаились в коридоре перед закрытой дверью. И все полчаса провели в тревожном ожидании. Вернула их к активной жизни негромкая, но бурная истерика, разразившаяся на общей кухне.

Они ворвались к Рукобратскому.

Он рыдал, сидя над девственно чистым листом бумаги.

Молитва Андрею Дементьеву возымела действие, но совсем не то, на которое он рассчитывал.

Игорь Владимирович вообще потерял способность к сочинению.

Отталкивая от себя утешающие руки, он пошёл в свою спальню, рухнул в кровать, отвернулся к стене и затаился так.

Спустя некоторое время так ничего для себя не выяснившие жена и друг тоже отошли ко сну. Комов немного успокоил Надю своим соображением, что у Игоря, скорее всего, острая фаза профессионального кризиса, другим словом — не пишется. Штука, конечно, тяжёлая, но в нормальной жизни от этого ещё никто не умирал. Только у гениев случалось, у Гоголя, допустим. У Нади отлегло от сердца при мысли, что её-то муж уж точно не Гоголь. Рассосётся.

Тверь осмотрели.

Даже тот производственный город девятнадцатого века, который наметил Манцев. В другое время и при других обстоятельствах восхитились бы умениями своих предков, придумавших столь ловкое совмещение бытовой и производственной жизни и воплотивших всё в такой оригинальной архитектуре. Заброшенный современный вид только придавал этому кирпичному кластеру таинственности.

Было и ещё одно интеллектуальное приключение. Памятник Кругу. Сидит себе на скамеечке известнейший шансонье, молодёжь напропалую с ним фотографируется. Известный своим интеллектуализмом и ехидством Комов ничего, собственно, не имея против популярности Михаила Круга, спросил у парочки, как раз снимавшейся с памятником, а знают ли молодые люди, кто такой Михаил Тверской?

Они не знали, естественно. И даже короткий рассказ очень худого, длинного старичка о том, что этот Тверской был князь и что при его правлении Тверь соперничала с Москвой за первенство в русском мире, восприняли с недоверием.

При другом настроении Игорь Владимирович сам бы принял участие в лёгком троллинге подрастающего поколения. На этот раз он угрюмо молчал.

Что ж, отправились обратно.

В кабине больше молчали.

Даже молодёжь не поругивали.

Утром следующего дня Надя отправилась на работу в свою юридическую фирму. Рукобратский остался в постели. Ему звонил Саша, Игорь Владимирович сказал, что не сможет сегодня прийти, хворает и хандрит.

— Хандрит? — переспросил Саша.

— Да, — нервно ответил Рукобратский, поднимаясь с постели, набрасывая на плечи халат и отправляясь в кабинет. Аппетита не было, поэтому не на кухню.

Ну, что ж, сказал он себе, не будем считать, что я сдался. Значит, Андрей Дементьев, при всём своём официальном величии и отвратной любви народа, не самый главный из графоманов в стране. С другой стороны у тверской поездки был и положительный результат. Можно было считать доказанным, что этот главный бог дерьма всё же существует. А стало быть, его можно отыскать. Рукобратский решил составить список наиболее перспективных имён.

Сел к столу.

Взял подаренную Васьковым, а значит, и Мутьковым ручку. Не будем суеверными, она не опасна. Не в артефактах дело.

Итак, имена.

Сколько же придётся перечитать гор книг?!

Ориентироваться только на устоявшиеся репутации — рискованно. Кто-то слывёт графоманом, а кто-то им является.

И потом: вкусовщина.

Надо трезво признать, что есть виды поэтик, ему просто не близких. Взять тех же метаметафористов. Да, он прожил профессиональную жизнь в убеждении, что они просто напёрсточники разного уровня ловкости. Но, во-первых, кое-кто из них, например, Ерёменко, ему отчасти нравился. А, во-вторых, стоит ему принять Парщикова за бога бездарности...

А там ещё Губанов. В своё время сильно смутивший подростка Рукобратского.

Тогда резко повернём в другую сторону. Михалков? Но как быть с тем, что он сам в детстве обожал дядю Степу. Ну, хорошо, возьмём более безусловные случаи громоблистающей бездарности. Нет, не возьмём, имя им легион. И у каждого хоть одна петелька в кольчуге да выкована на славу.

Нет, нет, нет, это всё не то.

Да, и ещё надо разобраться и понять, что значит столь жестокая реакция Андрея Дементьева. Да, он, несчастный Игорь Владимирович, не разобрался в правилах этикета при контакте с сильными дерьмового мира. Но стоило ли так карать!

Да, тут ключевое слово — этикет!

Правила поведения.

Что же это получается, даже в отношении Пупкина, Тютюкина и Вертибутылкина существуют какие-то поведенческие кондидии.

То есть Пушкина и Лермонтова можно расстреливать из пистолета, а трясинку не трожь!

Но, Господи, пирамида в таком случае ставится с ног на голову!

В замусоренной голове Игоря Владимировича возникла непрошенная и, в общем, приблизительная ассоциация со стихотворением Чиннова про похороны какого-то Ивана Ивановича. «Жил да был Иван Иваныч».

Раздался телефонный звонок. В общем, вовремя. Дойдя до Ивана Ивановича, Игорь Владимирович ощутил себя в тупике.

Звонил, с чего бы это вдруг, Леонид Иванович, главный редактор Рукобратского.

— Здравствуйте, Игорь Владимирович.

— Здравствуйте, Леонид Иванович.

— У меня к вам просьба: не могли бы вы всё же прийти сегодня на работу.

Игорь Владимирович вспомнил, чем сегодня отговаривался от посещения, когда звонил Саша, и понял, что выдвинутая им причина слишком легковесна.

— Ну, хорошо. Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

Всю дорогу до журнала Игорь Владимирович продолжал вертеть в голове графоманскую тему, но в ней не обнаруживалось никаких пока новых поворотов. Претенденты на роль Великого Графомана мелькали, но надолго в его сознании не задерживались, не вынося самых первых прикосновений критики.

Леонид Иванович ждал своего сотрудника у себя в кабинете. Несмотря на все трудности последних лет, кабинет свой главный редактор не дал трогать, урезать, уплотнять и тому подобное. Он считал, может быть, и справедливо, что не только человек красит место, но и место человека. Все немногочисленные сотрудники журнала, входя в кабинет главного, как-то внутренне подтягивались и собирались.

То же произошло и с Игорем Владимировичем.

Главный сидел за своим столом, он встал, приветствуя гостя, предложил гостю сесть и поправил громадные свои очки.

— Сразу к делу.

Пришедший всё ещё не догадывался, хотя, наверно, все, даже читатели поняли, что должно произойти.

Леонид Иванович достал из какой-то папки листок бумаги и положил перед Рукобратским.

— Вот.

— Что это?

— Ваш договор.

— Что с ним не так?

— Он истёк.

И вот тут только в сердце Игоря Владимировича кольнула игла подозрения.

Леонид Иванович продолжил:

— Вы прекрасно осведомлены о нашем сложном материальном положении.

Рукобратский кивнул.

— Ваше содержание мы дальше просто не потянем.

— Хотите сократить зарплату? — с надеждой спросил Игорь Владимирович.

— Полностью.

Помолчали.

— Значит, я уволен?

— Я просто не продлеваю контракт с вами.

Опять помолчали. Нужно было что-то говорить, потому что гость не уходил. Леонид Иванович сказал:

— По правде сказать, здесь не только материальные причины.

— Не только?!

— Не только.

— Какие же ещё?

Леонид Иванович опять поправил очки, явно жалея, что забрёл на эту территорию.

— Вы, как бы это сказать, понизили требовательность к авторам. Мы хоть и нищие, но гордые, и всякую ерунду не можем позволить себе печатать напропалую.

— Я бы хотел...

— Позвольте, я договорю. Вас потянуло в какие-то сомнительные компании, вы получаете от них золотые перья...

— Вы что, думаете, я... Да меня взбесила их наглость, взбесила, я не собирался открывать ворота для...

— А это? — Леонид Иванович бросил перед Игорем Владимировичем подборку стихов Мутькова.

— Но я же... — произнёс с трудом Рукобратский и тяжело замолчал.

Леонид Иванович решил идти до конца, видя заминку собеседника.

— Да, это Саша. С ним контракт продлеваю. Мне нравится его отношение к работе, кроме того, я это отношение получу за половину вашей зарплаты.

После этого разговора, разумеется, поэту захотелось выпить. А где можно выпить, когда на дворе стоит ясный день? В ЦДЛ. Тем более что неплохо бы укрыться под крышу, гроза собирается.

По дороге туда он всё пытался уместить у себя в сознании свою новую ситуацию. Что он скажет жене? Не то, чтобы его зарплата была их единственным источником существования, но всё же. Жить на зарплату жены? Потом — статус.

Да, статус, вот сейчас он подходит к ЦДЛ.

Раньше он туда входил как заведующий отделом толстого, пусть и нищего, журнала.

А теперь.

По спине потянуло неуютным ветерком. Нет, он, конечно, всё равно зайдёт и выпьет, но, в общем, без прежнего удовольствия. Да и саму историю не очень-то расскажешь. Признаваться в том, что тебя сковырнул двадцатипятилетний мальчишка, неприятно.

Вошёл в помещение клуба.

Проследовал до расписного зала. Там сидело несколько группок и одиночных охотников. Становится таким одиночкой. Рукобратскому не хотелось, это всё равно как всенародно признаться в своей отвергнутости. Смотрите, меня прогнал с работы какой-то Саша.

Нет, пройдем до стойки между залами, там можно солидно присесть на круглый стул у стойки.

Прошёл, сел. Солидно потребовал себе коньяку. Гулять так гулять.

И тут почти сразу же на него налетел Мутьков, он откололся от группы клевретов, с которыми шёл со стороны дубового зала. Похлопал по плечу. Сочувственно. Он уже всё знает!

— Слушай, ты ещё мою подборочку не сдал?

— Нет, — с мстительным удовольствием произнёс Игорь Владимирович, — не успел.

— Ну, ладно. Ты не переживай.

Хлопнул по плечу и убежал.

Надежда, что в общем-то ничтожное кадровое событие в одном из существующих журналов пройдёт незаметно, не оправдалась.

Игорь Владимирович заказал себе ещё коньяку. Надо привыкать к своему новому положению.

И надо же, теперь вот Васьков, он тоже шёл со стороны дубового зала, наверно, просто отстал от группы своих товари-

щей. Маленький, присыпанный перхотью, с неловким, нелепым портфелем и жалкой улыбкой на устах, привыкших говорить любезности.

В следующую секунду Игорь Владимирович вспомнил про чистый лист на столе и его охватило небывалое чувство — он ощутил себя как бы ниже Васькова. Он может, а ты, Рукобратский не можешь.

Васьков же, пользуясь звериным чутьём настоящего графомана, остановился подле Игоря Владимировича. Он определил, что сейчас тут что-то произойдёт, имеющее к нему, ничтожно-му, отношение.

Игорь Владимирович приглашающе и чуть неуверенно протянул руку в направлении Васькова и промычал так, словно забыл его имя-отчество.

— Э-э...

— Иван Иванович.

— Я, знаете, хотел бы вас угостить.

Васьков тут же бросил портфель на пол и кособоко, неумело, видно, редко приходилось сживать за этой стойкой, взгромоздился на круглый стул.

— Коньячку, — уверенным тоном сказал Рукобратский, — не водку же нам пить в такое время.

Надо сказать, что деньги у Игоря Владимировича заканчивались, но он с шиком заказал равнодушному бармену два дорогих коньяка.

— «Квинт» коллекционный, десятилетний, — порекомендовал бармен.

— Вот-вот, — кивнул Игорь Владимирович.

Они с Васьковым подняли рюмки. Разом выпили. Над крышей ЦДЛ громыхнул первый разряд грозы.

Васьков тут же сполз со стула, словно знал, что больше ничего не дадут ему здесь и, коротко поблагодарив, продолжил свой путь следования.

А Игорь Владимирович испытал огромное почему-то облегчение, то ли от того, что Иван Иванович ушёл, то ли от того, что разразилась молодая майская гроза, то ли ещё почему.

«Да пусть их... — подумал он. — Тоже... люди... создал для чего-то Господь...»

Василий Киляков

Литпроцесс в современной России

Ответ на вызов времени

Дар писателя состоит в умении точно определять и хорошо описывать. Выводы из прочитанного, как принято считать, читатель делает сам. Понятно, что собственные и независимые впечатления от книги у читателя, умозаключения, навеянные прочтением, — тем интереснее и пронзительнее (иногда незабываемы), чем больший дар определён ему природой и тем, насколько он мастеровит. И вот тут весьма характерно для нашего времени, и это то, что я заметил, хоть никто и не говорит о том напрямую (а это незаметно приобретает размах эпидемии в литературе, а я, участник жюри нескольких премий в области литературы, не могу пройти мимо и не сказать) — это то, что всё больше и всё чаще поступают на конкурсы работы не художественного, а очеркового и журналистского метода исполнения именно под видом художественных работ. Причём — как в поэзии, так и в прозе. То ли эти пишущие мало читают, то ли таким образом «в лоб» — им кажется удобнее донести мысль кратчайшим путём без околичностей и намёков, принудить читателя думать так, как хотелось бы автору... То ли иное: рождённые журналистами и публицистами считают, что гораздо престижней,

если говорить о них станут как о писателях, а не как о журналистах. А вот: «я — писатель» — будто бы звучит и ярче, и убедительнее, чем «журналист, очеркист или краевед». Тогда вполне понятна и объяснима эта бедность художественных образов и характеров при таком бесконечном наплыве всякого рода работ. Странно другое, почему пишущие и присылающие на конкурс работы не понимают простой, даже элементарной истины: чем меньше авторской (и в особенности назидательной речи), тем сильнее впечатление от произведения. Между тем, хроническая болезнь нынешней литературы — это включение (даже в диалог, в прямую речь) строк из учебников истории, кодексов права, социологии и так далее. Даже — в стихотворные строфы ухитряются вмещать такое и зарифмовать. Причём, эта беда не только начинающих пиитов.

Читаешь подобные прямолинейные вирши, или столбец за столбцом — очерковые колонки, подаваемые как рассказ — несколько страниц морализаторства подряд. Например, воин отправляется с любимой девушкой на вокзал, отбывает на линию фронта, они едут рука в руке, тут бы и дать нечто сокровенное, жест, сбивчивое дыхание, сокровенную слезу... А они видят на площади трёх вокзалов в Москве памятник Павлу Мельникову, и на несколько страниц о памятнике, кем, в каком году создан. Или вокзал, и — тогда ну, давай описывать вычитанное из Википедии, просто скопированное: кто построил сей вокзал, с которого довелось ехать герою на СВО, и когда жил инженер вокзала или скульптор привокзального памятника, и сколько у него было детей, и в каком году развёлся он, и почему, и прочее, и прочее. И они, многие, даже и давние «члены СП» считают, что это проза и поэзия. И такое едва ли не сплошь и повсеместно. Ладно, если бы платили с «авторского листа», а то ведь гонораров как таковых теперь нет, — а просто качество наших писаний упало просто катастрофически.

Есть и другие типовые ошибки: прямая мораль, как в басне. Но в басне она как-то обыграна, а тут просто натыком, точно лобовой прямой удар, как шелчок кием в биток в бильярде. Щёлк, и всё выложил, о чём читатель должен бы сам догадаться. Бог дал человеку свободу воли. Сам Бог не ставит нам рамки действий и мыслей, а авторы ставят, да какие рамки, узкие, просто игольные уши. И как тут объяснить то, что чем талантливей писатель, чем интересней — тем более он освобождает читателя от узды и хомута. Он мыслью и словом идёт не прямо, а именно и только «по касательной». И от того гораздо интересней его словесная и смысловая игра с читателем; тем впечатление от произведения свежее и очевидно даже, что и доходчивей.

А ведь это самое главное: человек так устроен, что мнит себя свободным (да и есть на деле, так создано Богом, повторяю). Он имеет право и свободно приходит к любым умозаключениям (иногда к противоположным тем, которые замыслил и пропагандирует автор). И уж тем более навязчивость, назидательность, декларативность — очевидное и совершенно бесспорное и явное доказательство бесталанности автора (любого). А талант в чём состоит? На мой взгляд — он состоит как раз в умении «называть» (но не диагностировать и уж, тем более, не лечить художественным произведением некие социологические проблемы) современной общественной жизни. Причём называть художественным произведением болевые точки. Чем выше талант писателя, тем чувствительней он к проблемам повседневной современной ему жизни. Кроме того, добавлю, что дар писателя состоит не только в умении доходчиво определять, называть и описывать (так, что прилагательные и существительные капают с кончиков его пальцев на клавиатуру), а и показывать под разными углами «бытийность» и «со-бытийность» с самых неожиданных ракурсов, и не просто показывать и описывать с полным погружением, заражать читателя своим чувством, своим нервом. И в то же время — не навязываться и не мямлить. И вот это-то самое трудное и есть. Автор как хороший полицейский в уездном городе должен быть одновременно везде и нигде. Только тогда — и мимолётное, и злободневное, и вечное — тесно переплетутся и пересекутся, и так интегрируются, так преобразятся, что начнут сверкать, играть и искриться. И ещё: такое присутствие невидимого авторского голоса можно сравнить с тем, как если бы к в арифметическом уравнении к пустому нолю прибавили бы вдруг единицу. И вот уже перед нами вовсе не ноль и даже не единица, а... десятка или даже сотня, и получается уравнение выводит на совсем иной, более высокий уровень. К сожалению, в нашей нынешней литературе, не только отправляемой на конкурсы, а и в профессиональной среде нашей, после так называемой «перестройки» — просто катастрофическое падение качественной и прозы, и поэзии. И глубина этого разлома увеличивается с каждым годом, что легко мы видим и по текстам выпускаемых и премируемых ныне книг, по густоте (вернее — по бедноте) наполнения литературных журналов-толстяков, которые всё-таки на дотации государства.

...Однажды известного классика-литератора упрекнули в чрезмерной насыщенности событиями страниц его романов, причём самыми (порой) неправдоподобными. Он ответил в том духе, что да, это так, да ведь и сама жизнь с её правдой — тоже не всегда

правдоподобна. Это к тому, что если ты всё ещё не классик, то проза должна быть всё же правдоподобна, а главное — доходчива. Каждый из пишущих рано или поздно приходит к тому, что и язык, и сюжетная канва произведений не должна быть излишне замысловатой. И это тоже типичный просчёт в нынешней «литературе». И вовсе не стоит придумывать некие воздушные шары и громоздить эти шары на воздушные замки — самая простая повседневная жизнь и быт, если уметь слушать и наблюдать, — дают ничуть не меньше поводов к размышлению и выводам, чем самые порой изысканные придумки. Да ведь так и было, так же и осталось и теперь, неизбежно — то же «правило» со времён В. Белинского, Н. Гоголя, А. Пушкина или даже и того раньше: писателем в полном понимании смысла этого слова — становится лишь тот и тот лишь, кто умеет выделить из сумбура и хаоса «безынтесной» повседневной жизни — самое типическое, самое характерное, сделать по сути выжимку и переоценить, и «окрылить» сюжет, придать ему смысл, и осолить, если можно так сказать, путём преображения и домысливания. А вот это-то как раз совсем не просто. Непросто обобщать и связывать два конца интересной сюжетики, коллизий — с глубоким смыслом, к тому же смыслом философическим — непроходным литературным маневром. Не всякому такое под силу. Вот это и есть, пожалуй, то, что принято называть талантом. А если всё-таки и получилось — то вот уже и рукопись сама по себе начинает сверкать и искриться, играть самыми неожиданными красками. И вот только тогда «простое» слово перерастает в вещественное, в самое что ни есть насущное, причём без всякой назидательной прямолинейности (очерковости). Повторю опять, что очерковость и журналистика — вживляемые в текст то ли по бесчувственности, то ли по малоопытности литератора, не начитанности, что ли, и плохого вкуса — тоже одна из хронических болезней современной литературы. Или вот ещё что... И это тоже характерно и для тех, кто давно «в писателях ходит», и для начинающих. Эта беда современной литературы называется просто: страсть к чернухе, — навык, укоренившийся, особенно с восхождением, так сказать, «плеяды» наспех прославленных (на мой взгляд, вовсе незаслуженно, «молодых» — им всего-то-навсего за 40 и за 50), я говорю о тех, кого принято сегодня подавать как направление неких «новых реалистов». Их так разэкранили, так рас-про-захвалили на все лады, кажется, что нынешняя критика робеет сказать правду о них. (Критика, которой, к слову сказать, у нас почти не осталось по причине того, что едва ли не вся она сплошь «критика дружанов» и — заказная, необъективная).

Так вот эти авторы, представленные ещё в начале 2000-х, например, прилепинской (им составленной) книгой «Десятка». Нет никакого желания перечислять авторов и называть точные координаты этой книги, — ибо вся она написана, что называется, «на грани фола». Вся сплошь и рядом — с грязью и матерщиной. К слову, даже и сегодня в прямой опять-таки форме эти хвалёные из хвалёных и прославленные из прославленных — говорят нам одно и то же, что жизнь будто бы только лишь «плотьяна», и только. И даже не просто «плотьяна», а даже она — ещё и мерзостна и безнадежна настолько, насколько читатель даже и представить себе не может. Вязкая, вонючая, с грязными кровавыми тампонами за кроватью, с бранью елтышевых и прочее, и прочее. Но если, скажем, В.Т. Шаламов имел право «собрать слюну во рту», чтобы «плюнуть в красоту», то эти набалованные, часто даже и бессемейные писаки, просто мажут грязью всё, что ни попадает в поле их зрения. Своими экскрементами стараются мазать и мир, и само даже солнце. И это выдаётся за нечто новое, за «новое слово». Есть даже надзиратели за ними, очищающие им широкий большак и продвижение, так у меня из критического очерка выкинул именитый журнал всё, что касалось составителя сборника «Десятка», верно, редактору показалось, что там «присутствует негатив» по отношению к медийной персоне. А вот это поощрение низменного, отвязного — и есть то именно, что единственно сегодня продвигается, например, премиями «Знамени», «Нового мира», «Дружбы народов», всячески множится, в том числе, и теперь вот даже — ещё и молодёжной премией им. Казинцева, например, в журнале «Наш современник».

Вообще, говорил и повторяю, что падение уровня нынешней литературы — просто жуткое, не сопоставимое даже, пожалуй, с двадцатыми годами прошлого века, когда отслеживали писателей и поэтов русского, крестьянского направления. Понятно, что общая наша жизнь — сегодня именно вся, общая, — давным-давно, с развала Союза, перестала быть общинной, как это было в дореволюционной России и оставалось в Советском Союзе. Едва ли не каждый человек, а тем более думающий писатель — сегодня гораздо более одинок, чем в прошлом веке, и совсем иной теперь и по мировосприятию, по взглядам, чем его родители. Мыслящий, пишущий человек одинок «наособинку», как планета среди планет: ведь он для того, чтобы писать, должен иметь всегда собственное мнение, лишь имея собственную точку зрения можно написать что-нибудь стоящее. И всё-таки даже и одиночество нынешнее, и книги, продаваемые с образинами на обложке, с на-

званием «Плохих девочек убивают» и прочей ерундой, как я недавно видел в «Читай-городе», например, — это не повод унывать и опускать руки. Литература, в особенности беллетристика, та самая, которая ниже канализации, испытывает нас на прочность... «Умейте же беречь... Наш дар бессмертный — речь», — сказал нам, пишущим на русском языке, Иван Бунин.

...Русской литературе характерно сострадание к «маленькому человеку». Термин этот настолько прочно и обоснованно поселился в сердцах читателя едва ли не с года публикации «Станционного зрителя». Нынешний «маленький человек» вынужден жить, живёт не просто при капитализме, к которому так и не сумел приспособиться после крушения нашей страны в девяностые, а живёт, вынужден жить теперь при капитализме вороватого олигархата, «капитализме со звериным оскалом» — вот что всего горше. И сами писатели вынуждены вместе со своим читателем не жить даже, а только выживать в силу навязанного нам «нового политического устройства». Нынешний писатель в силу осознанной своей ответственности перед читателем — видит, как внедряется «брезгливость к жалости» (Д. Быков), насмешка над православной верой, над национальным достоинством русского народа, потомков поколения победителей (Д. Рубина, Улицкая, Виктор Ерофеев).

Человек сегодня брошен. Нет ни аналога компартии с её отлаженными структурами, ни комсомола, ни пионерии. Литература — проекция наша в будущее (с появившимися теперь даже и нейросетями, с неминуемым теперь уже искусственным интеллектом — тем «интеллектом», который уже начал компилировать и бездушные стихи, и замысловатую прозу, книги, даже картины, — этот искусственный интеллект — он ещё тот «райтер»), — к чему приведёт? Ему не нужно ни спать, ни питаться. Но главное — он бездушен, не умеет любить. Вспомним здесь главную христианскую заповедь: человек без любви ничто. «Медь звенящая или кимвал звучащий». Вот почему жизнь сегодня для художника, создателя слова и образа, книг, причём одушевлённых — обретает совсем иной, особый порядок и смысл.

*Поздравляем
Анатолия Зеленцова
с 90-летием!*

**«Жизнь небесная
продолжается»**

Война и детство — лапти и онучи,
И похоронки в каждый дом...
Колонны пленных немцев, будто тучи,
Плелись под проливным дождём.

Мы, дети, в них кидали комья грязи,
А матери совали свёклу им.
Зачем её давали этой мрази?
Ведь так хотелось есть самим.

Серафима

*Серафиме Морозовой,
другу детства и юности*

Серафима моя, Серафима,	Где-то близко война гроыхает,
Знаю, весточку ждёшь от меня.	Ей не видно пока что конца.
Снова детство всплывает так	Генка Савичев фрицев всех
зримо,	хает
В сердце чувством щемящим	За убитого ими отца.
звения.	
	На полях колоски собираем
Ты ведь помнишь?	Мы — сиротские дети войны.
Ты помнишь всё это:	Этим фронту мы все помогаем,
В школу дружной гурьбою	Приближая победу страны.
идём.	
Вот мы пишем на старых	Да, друзья, вы по-прежнему
газетах	зримы,
Не гусиным, куриным пером.	Как деревня, леса и жнивье.
	Серафима моя, Серафима,
	Ты — военное детство моё.

Края родные

Как часто снятся мне края родные,
Цветочных запах заливных лугов,
Деревня, отчий дом, ребята озорные,
Играющие в прятки у стогов.

И вижу я: лишь на дворе светает,
А птичий хор поёт уж на гумне.
Моя сторонка, незабвенная, святая,
Ты далеко, но всё ж близка ты мне.

И ты зовёшь в просторы полевые,
Где речка меж крапивных берегов.
Как часто снятся мне края мои родные,
Цветочный запах заливных лугов.

Страна моя, ты за Победу насмерть билась,
что есть силы,
И заплатила кровью наших дедов и отцов.
Мы не позволим осквернять
священные могилы
Ни сборищу вандалов,
ни шайкам подлецов.

Гибнут юноши на Украине

Гибнут юноши на Украине
И с одной, и с другой стороны.
Плачут матери на Сахалине,
Плачут матери и на Волыни,
Проклиная злодеев войны.

Дорогие вы юноши наши!
Не рискуйте зря жизнью своей,
Ведь не станет без вас земля краше,
Ведь не выйдут без вас замуж Даши
И не будет на свете детей.

Чтоб навек прекратить эту драку
И закончить смертельный бой,
Вон отправить без скидки всякой
Всех бандеровцев злых на «гиляку».
Заживём тогда братской семьёй.

В краю непуганых и голосистых птиц
Родился я по осени у лога.
Не разорял я гнезда соловьёв, синиц
И воробьиные не трогал.

В уютных гнёздах желторотые птенцы
Пискляво пищу для себя просили.
А на крыло лишь встав, летели, как гонцы,
Во все концы по песенной России.

Желание

Белых роз цветенье в небе
Будто праздничный салют —
Это звёзды в быстром беге
Серебристый свет свой льют.

Жизнь прекрасна,
 шепчут вербы,
Всё кивая на восток...
Я в такую ночь хотел бы
Умереть лет через сто.

И тогда, друзья, скажу я,
Уходя в последний путь:
— Я любил страну родную
Больше, чем кого-нибудь.

Звуки песен льются звонко,
На полях шумит овёс —
Это сельская сторонка,
Край, где я мальчишкой рос.

Край ты мой! Ты сердцу дорог,
И мне нет тебя милей.
Я люблю пшеницы ворох
Средь твоих больших полей.

Я люблю смотреть на небо —
Солнце барышней глядит.
А кругом богатым хлебом
Рожь попевшая звенит.

Я люблю весной чудесной
Погулять в тени берёз
И послушать молча песни
Про сторонку, где я рос.

Любовь

Любовь юная,
Бесшабашная,
Сколь безумная,
Столь бесстрашная.

Любовь чистая,
Неподдельная,
Золотистая,
Непостельная.

Любовь верная,
Незакатная,
Как Вселенная,
Необъятная.

Любовь зёрнышком
В сердце метится,
Словно солнышком
Всюду светится.

Любовь песнею
Отзывается.
Жизнь небесная
Продолжается.

*Поздравляем
Тамару Кириллину с юбилеем!*

«И выстрадать надо стихи!..»

За любовь любви не требуй!
И не жди земных даров —
Разве мало тебе неба,
Ветра, птиц и облаков?!

Что тебе в пути попутчик
И влюблённые глаза?
Пусть веселье дарят тучи,
Вдохновение — гроза!

У тебя своя дорога,
Без прикрас и без затей.
Если ты любима Богом,
Что тебе любовь людей?!

Тамара Кириллина. «И выстрадать надо стихи!..»

Весной

1

...Всё вернулось на круги своя.
О, как милостив, милостив Бог!
Всё равно не поверила я
В то, что мой богатырь занемог.

Кто навлѣк эту страшную тень?
Она всё вдруг затмила собой!
Но опять засиял вешний день,
И опять я довольна судьбой.

Слышно мне, как синичка поѣт
И планета скрипит на оси.
Лишь бы сердце стучало твоѣ!
Больше не о чем Бога просить.

Ничего мне не надо и впредь,
Кроме синего неба весной.
Всѣ со мною! Небесная твердь
И земная, как прежде, со мной.

2

Спрошу о тебе среди
ночи и дня,
Спрошу у звезды и у солнца —
Не слышно беды, если птицы
звонят!

Над крышею —
ласточка вьѣтся.

Спрошу у своей непонятной
любви,
Открою закрытые двери.
Пусть ночью мне спать
не дают соловьи
В потѣмках душистой сирени.

Прислушаюсь... Тихо —
не слышно беды...
Она подойти не посмела!

Туда, где, цветут, закипая,
сады
У дома черѣмухой белой.

Спрошу о тебе (у кого-то)
без слов,
И ночь встрепенѣтся глухая!
В берѣзовом шуме, в порыве
ветров
Твоѣ вдруг услышу дыханье.

Ловлю, замирая, незримую
нить!
Не стану давать я зарока,
Но хрупкую жизнь твою буду
хранить
До самого крайнего срока.

Птицы

Птицы не боятся высоты,
И паденья птицы не боятся.
Если так, то птицы — я и ты:
Нам с высот не боязно
сорваться.

Нам не боязно, и мы летим,
Равновесье в небе обретая.
Мы умеем, если мы хотим —
Помогает истина простая!

Набирают крылья высоту
До почти безумного предела.
Умирают птицы на лету —
В этом суть! И в этом дело!

Мы назад уже не повернем,
Нам с высот не боязно
сорваться.

Ты и я! Летим, летим вдвоем,
А навстречу бури мчатся...

Правнучке

...Не считаю забвенье бедой,
Лишь бы только вращалась
планета!

А я стану полночной звездой
И на землю прольюсь тихим
светом.

Обессилит когда-нибудь злость,
Народятся счастливые люди!
Лишь бы только всё это
сбылось,
Пусть меня с ними даже
не будет.

На последнем стою рубеже —
Моя правнучка вышла
навстречу,
Мы не встретимся с нею уже —
Между нами года.
Или вечность?

С нею чувствую кровную связь
И надежду, и тайную гордость,
Лишь бы только она родилась
И смягчила бы мир её
кротость.

Памяти

Александра Ширяевца

Дожди над крышей моросили,
Но песням не было конца.
Встречали праздник —
День России
На сцене сельского крыльца.

И обнимал артистов ветер,
Летели к тучам голоса...
Но вот на сцену вышли дети,
И прояснились небеса.

Танцую, девочка-таджичка
Прогнать сумела облака,
Тугие чёрные косички
Развеселили берега...

Согрелись мы ухой горячей —
Нельзя на Волге без ухи!
И местный житель тихо начал
Читать Ширяевца стихи...

Зовёт гостей гудок парома,
Я не забуду этот день,
Тепло бревенчатого дома,
Крыльцо и белую сирень.

Ещё стоит изба простая,
И воскресает снова Русь,
Когда Ширяево читает
Стихи поэта наизусть.

1 июня, в парке

Сеют жизнь тополиные хлопья.
Не зима, но прохладно слегка.
На кого-то взгляну исподлобья,
Тополинку сниму с пиджака.

Облепила и брови, и плечи,
Закрутила метель кутерьму!
Забавляла меня эта встреча,
И не ведал никто — почему.

Выступали со сцены поэты,
В синем небе пестрели шары.
На пушинках летело к нам лето
Под восторги и шум детворы.

Парк дышал ещё веткой
сирени,
 Собирая на праздник гостей...
 Праздник детства!

И мой день рожденья!
И чудила природа весь день.

Тамара Кириллина. «И выстрадать надо стихи!..»

Памяти Васи Триптих

1

Был, и нет!

Удивительно просто,
В один миг оборвал бытíе.
Но остался на улицах воздух,
Как живое дыханье твоё.

...Ты ушёл по незримой дороге,
Не простившись,
ушёл навсегда!
Лист кленовый ложится

под ноги,
Как слетевшая с неба звезда.

Тишина городских переулков
Сохранила шагов твоих звук...
Кто-то мне откликается гулко
Каждый раз, как тебя назову.

Застилает твой путь
листопадом,
Сколько листьев упало с берёз!
Но я чувствую, ты ещё рядом,
Жаль, родные не видят
от слёз...

2

А вдруг и в смерти нет покоя,
И продолжает Дух скорбеть?!
Тогда молитвою какою
Тебя, крещённого, отпеть?

Душою праведной и чистой,
Преодолев земной предел,
Скорбишь за падшую Отчизну,
Её обманутых детей?

Быть может, смерть и есть
прозреньё?
И нет смирения в гробах!

Улыбка горького презренья
Запечатлелась на губах.

3

Все́му дана на свете Мера...
Не узнаю свою страну!
Иван похож на Гулливера
У лилипутиков в плену.

Хитро скрутили Великана,
И каждый был собою горд!
И карьеристы-интриганы,
И генерал, и важный лорд.

И облепили, словно мухи,
Победу раннюю трубя.
Освободит наш пленник
руки —
Страхнёт ничтожество с себя!

Как пыль с одежды
ответшало́й...

И понесёт куда-то вдаль
Своё Презрение и Жалость,
Свою бессмертную Печаль.

Плыву

Ещё я, кажется, живу,
И, вся в потоках света,
Навстречу берегу плыву,
Плыву из лета в лето.

Ещё сияют жизни сны
Младенческим восторгом —
Встречая грудью грудь волны,
Я обнимаю Волгу.

И на воде июньским днём
Так просто быть счастливой!
Волна вскипает янтарём!
И нет конца заплыву.

Гляну ангелу вослед
Триптих

1

Хорошо гулять по небу,
Отдыхая от забот...
Вдруг удар, такой нелепый,
Опрокинул небосвод!

Перепуганный водитель
На скрещении дорог...
Воплощение наитий?
Нет — самой судьбы итог!..

Верный ангел мой Хранитель,
Защитил меня, как смог...

Только чудом не убита...
Гляну ангелу вослед...
Никакой другой защиты
У меня на свете нет.

2

За доверчивость — расплата?
Наказанье за восторг?
В чём была я виновата,
Вырываясь на простор?

От удара крылья ноют
Или новые растут
Незаметно за спиною?
Ничего, я подожду!

С первой ласточкой весною
Их расправлю на лету.

Хватит времени подняться,
И, пока не вышел срок,
Я успею догадаться,
Кто мою беду навлёк.

3

Там, где я искала друга,
Там незримый вьётся враг!

Вот и сбилась птица с круга,
И окутал небо мрак.

Козням беса нет предела,
Но посмотрим, чья возьмёт.
Если я вчера летела,
То продолжится полёт.

Оборвали песню тела,
Но оно опять поёт!

* * *

Размокшие дороги,
да каблучок высокий,
Куда она идёт?

Невнятный слышен лепет:
То ли снежинок трепет,
То ли стихов полёт.
Куда она идёт?

Под дождиком нелепым.
Туда, где дышит небо
Дыханием снегов?
Вокруг такая слякоть,
Что хочется заплакать
Порой от пустяков.

Но на краю посёлка
Поднимет завтра Волга
Морозную зарю.
Куда ушла из дома,
Вопрос весьма не скромный —
Навстречу декабрю!

И заскрипит крылечко,
Зима затопит печку
И свой начнёт разбег.
Господь пошлёт спасенье:
Слетит стихотвореньем
Под утро белый снег.

Звезда

С каким нетерпением жаждала встреч!
С не меньшим — желаю разлуки...
Ведь мы не умели друг друга беречь,
Что знать мы могли друг о друге?!

Проходит любовь и проходит вражда.
Простите за то! И за это!..
Вот-вот народится на небе звезда,
Звезда?.. А быть может, комета?

Свечи поминальной затеплится свет
На праздник святой Воскресенья...
О, сколько земных и космических лет
Душа моя ищет спасенья!

В потёмках Вселенной я буду светить
Над крышею Вашего дома,
Когда обозначусь на Млечном пути...
Как долго мы были знакомы!

Ливень

Потекли акварельные краски,
И усилился шум тополей.
В сентябре, в желтизне,

без огласки
Ливень хлынул —
спасайтесь скорей!

Исцеляющей ярости сила —
Бьёт наотмашь благая струя!
То душа моя воли просила —
Под ногами клокочут моря.

Ливень в стены!
О землю!

О камень!
Ливень в руки —
приму благодать.

Все пройдёт, навсегда.

В воду канет.
И взойдёт, и родится опять.

Нужна черновая работа,
Огранка алмазу нужна!
Творца выбирает природа,
Пред ним обнажится она.

И вспыхнут сокровища
Мира —
Пусть лёгкою будет рука!
Поэт должен стать ювелиром,
А мастер — поэтом слегка.

Достигнет душа совершенства,
Свои изживая грехи...
И выстрадать надо блаженство!
И выстрадать надо стихи!

Сумерки

И зимой дарят птицам приют
Тополей оголённые кроны:
Все деревья облепят вороны,
На высоких макушках уснут,

День отвесил красивый
 Птичьим гомоном полнится
 Воздух...

Всё успею!

Не так ещё поздно:
Небо светится чистым стеклом.

День оставил свой солнечный след

На тропинках, домах,
на деревьях.
Различу в поздних сумерках
свет,
Все оттенки цветов
акварельных.

Или день миновал, или век...
Где-то рядышком плачет
 пичуга,
Перелётная — ищет ночлег?
Но уснёт — и затихнет округа.

И пока будет небо темнеть,
Всё успею! Не так ещё поздно.
Зажигаются в сумерках
звёзды —
Ещё многое можно успеть!

* * *

Всё! Никого не обожгу
Своей любовью жгучей.
Ещё чуть-чуть, и я смогу
Покинуть Праздник скучный.

Уйду без шляпы и пальто,
Пусть догоняет ветер!
Никто не держит. И — ничто!
Уйду — и не заметят.

Уйду в метели февраля,
В объятия непогоды.
Ты отпусти меня, Земля,
Из плена на свободу.

Свою последнюю мечту
Лелею, словно счастье.
Ещё чуть-чуть, и я уйду,
Нет надо мною власти.

Покрова

Жигули —
 уголок мой родной —
Под незримым Покровом
 округа.
Да пребудет Защита со мной,
С моим сыном, сестрою
 и другом.

Сотворяя молитвы слова,
Льёт Россия греховные слёзы,
Но ложатся опять Покрова
Золотою листвою на утёсы.

Богородицы праздник святой!
Чем поможешь,
Заступница наша?
Дай умыться пречистой водой
И напиться
из «Каменной чаши».

Нас на Подвиг сегодня зови,
Дай взорваться грозой
очищенья!
Подвиг чести и подвиг любви —
Нет у русских другого спасенья!

Поздравляем Юрия Сизова с 75-летием!

Всё живо

Фаталист

*пока играет спившийся скрипач
его мне шляпу хочется примерить*

К. Рассадин

Его уже хмельное не берёт,
Не изменить нестройную походку.
Скользит по волнам белый теплоход,
А он садится в вёсельную лодку.

И осторожно скрипочку берёт,
Его игра, как жизнь, неповторима,
В улыбке горькой исказился рот,
Хохочут все, кто проплывает мимо.

Он первым был на празднике труда
В потёртой шляпе с тихой улыбкой,

Юрий Сизов. Всё живо

Промчались быстро бурные года,
Осталась только старенькая скрипка.

От мёртвых дней он плыл в иную даль,
Его игра пронзала неба своды,
Рождая в мире светлую печаль
И трепетную магию свободы...

И тайна, что жила в его душе,
Летела ввысь, взрослея понемногу,
В стихию дней... казалось мне уже,
Ей не найти обратную дорогу

* * *

Всё напрасно, — не стоило жить,
Всё казалось ничтожным, и всё же,
Хорошо в жёлтом поле кружить,
Ощущая мурашки на коже.

Все напрасно: уже не придёт,
Эта дрожь и цветение лета,
Скоро землю метель заметёт,
Все вопросы опять без ответа...

И напрасно о прошлом рыдать,
и искать долгожданного чуда,
Помнишь, брат мой, как плакала мать,
Как явилась беда ниоткуда.

Но прошли эти страшные дни,
Мы забыли печаль и разлуку,
В этом мире мы только одни,
На прощание пожми мою руку.

Зубы сжав, будем правде служить,
Эта малость на счастье похожа,
И по жёлтому полю кружить,
И любить до мурашек на коже...

Юрий Сизов. Всё живо

Малыш

О чём ты думаешь, малыш,
Голыш по берегу катая,
И почему не говоришь
О том, чего ещё не знаю.

И улыбаешься зачем?
Волна бежит на берег плавно...
Я знаю очень много тем,
Но ничего о самом главном.

Зачем о пустяках твердить
Тому кто знает очень много...
Малыш, давай с тобой дружить,
Чтоб мне не повзростеть
до срока...

Всё живо

Всё живо — камень и вода,
И те, кто заживо убиты,
И те, что в небе — облака,
И звёзды — вечности софиты...

Они не могут умереть,
Слегка пытливых озадачив,
Нам остаётся только петь,
О всё живых и мертвых плача...

Все живы — камень и вода,
И те, которых мы убили,
И даже те же города,
В которых мы когда-то жили...

Гадание

Ну а теперь скажу своё
Почти пророческое слово,
Упало зарево в жнивье,
И утро загорелось снова.

На этих солнечных лучах
Хотелось мне к тебе вернуться.

Мы раньше, побеждая страх,
Волшебное вращали блюдце.

Гадали после десяти,
Молчали сумрачные лица,
Но пустота в моей горсти —
И голос звонкий певчей
птицы...

Всё это ложь: и это поле,
И звоны ледяных оков,
Я был в беспамятстве,
был болен,
И жил в пустыне вечных снов.

Случилась подлая подмена:
Не свет — болотные огни,
И стены тюрем, стены, стены,
И я один, и все одни...

И лица, мертвенные лица,
Не смех — фальшивые слова,
И бесконечно пытка длится,
И золотые купола...

Я понимал, меня забанят,
Я видел мир из-за угла,
И бытия стоял на грани,
А ты прозрения ждала.

И этот миг настал певучий —
Разбилось мутное стекло,
Я понадеялся на случай...
С креста спасение пришло...

Но что же ты грустишь,
подруга?

Зима покорная бела...
И плачет огненная вьюга
О том, что многих не спасла...

Юрий Сизов. Всё живо

* * *

России страшный год настал,
Не каждый пагубу заметил,
Горит и плавится металл,
Кровавый бой, и плачут дети.

России чёрный день настал,
И крик истошный на перроне,
Родная улица, вокзал,
Дрожат холодные ладони,

Но как нам пагубу изжить?
И боль, и ненависть во взоре,
Как мы посмели позабыть,
Тот Свет, что вспыхнул
на Фаворе...

Сквозь перекрестие глядим
И видим ближнего
в прицеле —
Родных полей не сладок дым —
На фронте целых две недели.

И слышится смертельный стон,
Безумный крик и голос бури...
Но держит фланги батальон,
И те, кто за Россию умер!

* * *

Пусть в этом давнем лунном
дне
Всё движется неторопливо,
Пусть всё окончится
счастливо,
Сгорая в солнечном огне.

Всё происходит как во сне,
Ты улыбаешься беспечно,
Всё в этом мире быстротечно,
По чьей неведомо вине.

Я возвращусь когда-нибудь,
Не будь ко мне печально-
строгим,
Пройдут события и сроки,
И бытия проступит суть.

Ну а теперь, когда беда
кружит над домом и над садом,
Я попрощаюсь навсегда,
Чтоб возвратится звонким
градом...

* * *

Когда я Твой увижу лик,
Я принесу в котомке лето
И коростеля звонкий крик,
И лучик утреннего света.

Ты скажешь: «Что ты Мне
принёс?
Какие выявил секреты?
В моей душе так мало слёз,
Одна слезинка — только это».

И будет тягостно в груди,
Но поразит живое Слово —
И вспыхнет ясность впереди,
И Духа веяние Святого.

Как о спасении просить?
Всего одна слезинка стынет.
Как смел ты без любви
прожить,
Блуждая в мертвенной
пустыне.

Не плач над бедной головой
Того, кто был не верным
другом,
И милостью того укрой,
Кто был Твоим покорен
вьюгам...

Юрий Сизов. Всё живо

* * *

Мы все во лжи живём, как в страшном сне,
И никакой нет русской благодати,
Одни уже погибли на войне,
Другим сподручней гаркать на параде.

А ты твердишь, ура, ура, вперёд,
Ослепший мир зовёшь на баррикады,
Но Алексей, спасающий народ,
Уже убит, и все безумно рады.

И кровь его омыла дикий сброд,
А что с Россией новой? Хрен бы с нею,
Их хата с краю, с краю огород,
Они от крови нашей сатанеют.

И бледный конь, и рыжий конь летят,
И чёрный конь шагает на параде,
И ангелы кончину дней трубят,
Спасённые уже в небесном граде...

*Поздравляем
Василия Мосина с 70-летием!*

**«...да будет мир всем
в радость...»**

Божий

Вопрошают: чьих кровей?
Да ответ не сложен:
суть от Божеских ветвей,
значит, в доску — Божий.

Дачное

Выйди в сад, взгляни, послушай,
как осень ветром сшибает груши
с гримасой жёлтой на лице...
квохтанье в сенцах умной клуши
о позолоченном яйце.
Всё хорошо, пока на суше,
и нет известий о конце...

Президент

Мы склоняем вождей, когда плохо,
обзывая в любой момент...
Даже если собака издохла,
всё одно виноват — президент.
Иль в любви не сложилось — поохал,
жизнь — провальный эксперимент...
и во всём виновата эпоха,
её пугало — президент...
Мир страны собирают по крохам,
а глава — самый важный момент.
Если стал ты пьянчугой и лохом
и собака от злости издохла,
то при чём тут к чертям президент.

* * *

Господи, храмы Твои берегут
голос молитвенный, тонкий и звонкий,
хоть, как удавка, сжимается жгут
вражеской гонки.

Господи, что ж враги пляшут и ржут,
Русь пропивая, подонки?
Разве не знают, что проклянут
их же потомки.

Эскиз зимний

Сосновый бор закончится лыжнёй —
две колеи как выстрел из двустволки,
мельканьем солнца, рыбьей чешуёй
среди ветвей, да птичьим перетолкам,
под звон в ушах (как будто под землёй),
и чувством жизни, благостным и колким...

Made in USSR

Для власти он чужой,
отрыжка злой эпохи,
сожрали с кожей
и выплюнули — лохи.
Зачем он им такой:
без связей и достатка,

хворобый и худой,
из робкого десятка.
Как знать, такой-сякой,
от барского гоп-стопа
он выплывет, как Ной,
живой
из нового потопа.

Василий Мосин. «...да будет мир всем в радость...»

Ух, как мир захлестнуло
поволокой беды —
слышишь крики подранка!
Из трущоб, из аула,
от великой вражды —
кровный спор, перебранка.
Средь арабского гула
вижу горя следы —
это слёзы твои, сириянка...

Как там было тыщу лет,
не докажет даже гений.
В сказку верил, помню, дед —
врал ему товарищ Ленин.
Да и я слышал не раз
от вождей такие байки...
Только где они сейчас,
где зимуют эти раки?
Каждый новый писарчук
добавляет небылицы.
Только старцам по плечу —
верить праведным хочу —
ибо святые, чисты лица!

Бессмертный полк

Что, опять как в 41-ом?
Гул набатный не умолк:
полстраны мятежным нервом
встало в свой бессмертный полк.
Не понять заморским стервам,
чужаку не взять в свой толк:
что за сваря, какой толк?
А для русских 41-й —
вечной памяти урок.
Судьбоносный, страшный срок.

И, как когда-то в 45-ом,
всепобеждающе, как рок,
прошёл грохочущим набатом
по всем российским
весьям-градам
бессмертный полк.

С времён монголов и татар,
чеченского Шамиля
пугает клич «Аллах акбар»,
рык нового «батая».
Хоть я уже немного стар
и повидал — что надо,
но и меня бросает в жар
от ужасов джихада.
К чему вражда и этот крик?
Да радуйся — дай Боже,
пусть для тебя Аллах велик,
но убивать за что же!
Пусть верит каждый для себя
во что горазд — помилуй! —
не опускайся до раба,
что сеет страх по миру.
Конечно, в вере есть нектар,
отдушина и благодать...
Творцу небесному акбар,
да будет мир всем в радость!

Полдень

В заволжских заводах покой:
мелькают чайки над рекой,
светило тёплой рукой
пригласит гребни волн.
Душа приластится щекой,
и в блёстках рыбьей чешуёй
баюкается сон,
как в светлой дали чёлн...

*Поздравляем
Александра Пайдулова
с 70-летием!*

**«Читаю жизни
странной повесть...»**

Приду, чтоб ярче рассветало,
Чтоб был чарующим восход,
Чтоб счастья каждому хватало
Среди занятий и хлопот.

И если ласточка промчится
Перед дождём над пылью дня,

То знайте, к вам душа стучится,
Не прогоняйте вы меня.

А если буря грозно грянет,
То значит, я уже в пути.
Чуть-чуть, и буду здесь,

земляне!

Ведь жизнь —
как поле перейти.

* * *

А мир вокруг меня и тих, и вечен.
Но я томлюсь. Душа моя — свеча.
И остальные люди — будто свечи,
Сберечь бы их, не погасить сплеча.

Мы здесь: все, все —
попутчики однажды,
И можем только об одном мечтать, Чтоб в новой
жизни
повстречаться с каждым,
Родную душу снова в нём узнать.

Цени людей, как свет звезды далёкой.
Хоть близко, а попробуй дотянись
До сути «я» — таинственно-высокой,
У каждого своя и жизнь, и высь.

И только там,
в глубинах мироздания
Узнаем то, что нынче сберегли.
Мы повстречались в жизни не случайно,
Хоть разошлись, как в море корабли.

Простор всего

Приоткрою окно. Стало душно.	И жена вновь ругает за что-то,
А на улице солнечный свет.	Поделом, если ты тугодум.
И немного размяться мне	
нужно,	Перелески, хмельные равнины
Навести у себя марафет.	С тихим гулом разбуженных
	пчёл.
Свежий воздух ворвался	По шоссе вереницей машины,
в квартиру,	Горизонт, за которым я шёл.
И нежданно почувствовал я:	
Весь простор бесконечного	И квартира как часть
мира	мироздания,
Вдруг ворвался как часть	Нераздельная с памятью дней,
бытия!	Вдруг наполнилась вольною
	тайной,
Электрички, работа, заботы	Как простор целой жизни
И пропахший мазутом костюм,	мойей.

* * *

Меняется мир и меняется круто...
Богатые, бедные — разницы нет.
Идёт исцеленье от вражеской смуты,
И выжить бы только средь горестей, бед.

События хлещут стремглав, как цунами,
Держись, человек, не теряйся во мгле.
Смотри лишь вперёд.
Там надеждой пред нами
Луч света вдали на счастливой земле.

Метель в степи

Такая жуть: метель в степи накрыла,
Со снегом ветер хлещет ледяной.
Но подожди ты, снежная могила,
Ведь я ещё иду, ещё живой.

Иду вперёд, прищунив в льдинках веки.
Порывы ветра резко бьют в глаза.
Вокруг пороша, застит всё на свете,
От снега вдруг слетевшая слеза.

Ну, надо ж! Угораздило мне снова
Попасть в метель и в жуткий переплёт.
Среди снегов иду, на всё готовый,
И все желания сейчас наперечёт.

Суметь дойти: лишь это в мыслях знаю.
Вокруг реальность будто бы в бреду.
Я сам себя от гибели спасаю,
Под свист ветров напористо иду.

* * *

Опять, как прежде,	Читаю жизни странной
дни мелькают,	повесть,
И не замедлится их бег,	Пускай не близится к концу.
Как будто птиц кричащих стаю	
Я провожаю вдаль, навек!	Не замедляясь, дни мелькают,
	И к чудесам направлен бег.
Осенних туч привычна морось,	Во мне мечты не остывают.
Скользит их влага по лицу.	И я счастливый человек!

* * *

Вся жизнь — бегущий миг бесценный,
Судьба, как капелька воды,
Среди других судеб мгновенных —
От нас — лишь мокрые следы.

Сольются капельки в экстазе,
И мироздания океан
Нас примет. Вспомнится нам разве
Земных волнений ураган?

За гранью — что? Предположенья
Мы можем строить лишь пока.
Возможно, в краткое мгновенье
Там могут пролететь века.

Но верю, даже сквозь столетья
Мы снова явимся сюда,
Чтоб доказать своё бессмертье,
Чтоб не исчезнуть навсегда!

* * *

В дремоте ночные просторы,
Над Русью беспечные сны
Окутали тихие взоры,
Быть может, до самой весны.

Зима за окном, как колдунья,
Неспешно своим колдовством
Чарует дома в новолунье,
Осыпала свежим снежком.

Сугробы... И тишь до рассвета.
А где-то грохочет война,
И рвутся смертельно ракеты.
Обманчива как тишина.

* * *

Бушует весна у порога,
И тает стремительно снег.

Частица и крошечка Бога,
Я рад, что живу, человек!

Нас Бог породил всех
для счастья,
Тепла даже в лютой зиме!
Для совести, дружбы, участия,
Чтоб вызов бросали мы тьме.

Чтоб люди горячие взоры
Почаще кидали вослед
Небесным шальным
метеорам,
Жалея их тающий след.

Бушует весна у порога,
И тает стремительно снег.
Частица и крошечка Бога,
Будь счастлив, что ты человек!

Искателям неведомого

Спускаясь в морскую пучину,
Взлетая за край облаков,
Что ищешь, какую картину
Увидеть, познать ты готов?

Доживу ль до величья России?
Когда всякая шваль убежит
И закончится время бессилья
У народа, что святость хранит.

Где чудо тебя не придавит,
А лишь раззадорит твой дух
И к подвигам новым направит,
Усилит и зренье, и слух.

Заглянуть бы туда, где сияет
Над Отчизною счастья звезда,
Где трагедий и горя не знают,
Где в почёте вновь люди труда.

Ведь сам ты становишься
лучше,
Когда вслед за чудом растёшь.
Как будто бы солнечный
лучик,
Ты в тайны вселенские вхож.

Где снижаются цены на вещи
(Турникеты, решётки —
долой!).
Где, как сон, удивительно
вещий,
Воплотился наш век золотой.

Ищи же, не будь
равнодушным,
Будь светлым, любовью дыша.
Нам мир укрепить этот нужно,
Чтоб пела от счастья душа.

Ах, как хочется видеть воочию,
Как теряется блеф сатаны,
Когда тьма разлетается
в клочья
От всеобщих усилий страны.

Поздравляем Талину Елисееву с юбилеем!

«Где красоту найти такую?..»

Соль

Имейте в себе соль...

Мк 9:50

Покупаю в магазине соль,
Хоть она в достатке
в нашем доме.

Покупаю в магазине соль,
И она сродни слегка соломе.

Покупаю в магазине соль:
Жажду внутреннего очищения.

Покупаю в магазине соль
Против разложения и тления.

Покупаю в магазине соль.
Соль в веках ценилась больше

злата.

Покупаю в магазине соль,
Кто имел её, тот слыл
богатым.

Покупаю в магазине соль —
Посолю грехи свои покруче.

Покупаю в магазине соль,
Чтобы стать хоть чуточку
получше.

Покупаю в магазине соль,
Чтоб душа заветно осолчилась.

Покупаю в магазине соль.
Уповаю на Господню милость!

С водой

Иду с водой на коромысле,
И руки — будто на кресте.
Иду по жизни. Вьются мысли
Стрекозами. И в суеде
Гуськом проходят дни
за днями,
За годом год, за часом час.
Когда-то ляжем под крестами,
И жизнь водой уйдёт из нас.
Ну а пока несу водицу.
Легчают вёдра у меня.
По небу пролетают птицы,
Где мама и моя родня.
И под щемящий птичий гомон
Смотрю в седые небеса.
Как хорошо вернуться к дому,
Когда вблизи гремит гроза!
Поставлю вёдра на ступени,
А коромысло — в уголок.
И мечутся дневные тени,
Минуя прошлого порог.

* * *

Зимы уходящей не жалко:
— Ступай себе с Богом! —
скажу.
Старухой сердитою с палкой
Я образ её нахожу.
Хлопот с ней нерадостных
много:
Заносы, метели и лёд.
Морозит и руки, и ноги
И ехать порой не даёт.
Не спорю: была и красивой,
Волшебной, игривой, не злой.
Но если б однажды спросили,
Где лучше? Сказала б: весной,
Дарящей цветы и надежды,
И синего неба стекло.
Но выстоять надобно прежде,
Чтоб встретить весну и тепло.

Ионийский мёд

Нерасторопна черепаха — лира...

О. Мандельштам

Когда зима взяла разбег к весне
И день хрустальный, что слезинка, светел,
В прозрачной поднебесной вышине
След облаков едва-едва заметен.

И мне не надо никуда спешить,
И в этом нахожу я наслаждение,
И сучит время золотую нить
Из пряжи жизни каждое мгновение.

Целебно счастье — быть с самим собой,
Себе принадлежать, а не иначе.
Довольствоваться собственной судьбой,
От неудач твердея и не плача.

Что суета мирская? Хитрый тать!
Всё поглотит, порой и не заметишь.
Я никогда не разучусь мечтать,
В страну чудес я сохраню билетик.

И черепаха-лира не идёт.
Но впитан ионийский мёд в страницы.
Открою: струйка мёда потечёт
Из вечных слов, летящих вереницей.

Уклейка

Волги притоки богаты уклеей.
Стоила раньше уклейка копейки.
Вёдрами ловят и солят, и сушат.
Это лучше, чем роллы и суши.
Вкуса нельзя позабыть этой рыбки —
Каждой весной на прилавках в избытке.
С пивом холодным (а можно и с квасом)
Тает во рту и съедается разом.

Не забывая про вкусную рыбку,
Спешно на фронт собираю посылку.
К тёплым вещам добавляю я сало,
Сладостей разных: ни много, ни мало.
Что повкуснее, нужнее, дороже.
Лишь бы дошло, помоги, Святый Боже!
Место оставляю для рыбы сушёной.
Нашей «короночке» традиционной.

Рыбу купить я надежду питаю.
А на базаре цена непростая!
— Да разберут! — говорит продавщица.
Что за прилавком стоит, как царица.
Рядом вокзалы. Идут эшелоны.
Жаль, что торговка в цене непреклонна.
С хитрым скуластым лицом, темноглаза.
Сердце скрепя, беру несколько связок.

Рынок другой навещаю — «Центральный».
В городе главный — скажу фигурально
И с нескрываемым интересом
Я направляюсь к деликатесам.

Галина Елесеева. «Где красоту найти такую?..»

Здесь продавщица, ещё молодая,
Выбрать уклейку легко помогает.
Кутаясь зябко, хотя в полушубке,
С тёплым участием даёт сверх покупки
Пару лещей, для гостинца отличных,
Тихо сказав, от неё это — лично.

Рыбу отправлю защитникам нашим:
Тем, кто «за лентой», племяннику Саше.
Нашим ребятам с Поволжья, с Придонья
Эта уклейка напомнит о доме.

На Волге у Жигулей

Ещё не нагрелась на Волге в апреле вода.
Пытаюсь коснуться её и реке поклониться.
Здесь гор живописных синее над морем гряда,
Легенду храня об отважной девице — Дарьице.

И, словно разбойник, гуляет речной ветерок.
Куражится, веет на берег весенней прохладой,
Нахально целует мне губы, ласкает висок.
Но солнца закатного гаснет тихонько лампада.

И вот уже в небе ладью всплывает луна.
Темнеют деревья, причалены к берегу лодки.
С неспешностью мерной мой след заливают волна.
Из сердца уносит тревожные грустные нотки.

Сияют огнями плывущие мимо суда,
Украшив фарватер из мокрого тёмного шёлка.
И хочется вновь непременно вернуться сюда
На праздник души, мне дарованный щедрою Волгой.

Ветер

По значимым событиям, не датам,
Отслеживает память жизнь мою.
Не обращаюсь я к календарю,
То, что важнейшим виделось когда-то,
Теперь пустое. Миг благодарю,
Дыханье неба летом и зимою.

Галина Елесеева. «Где красоту найти такую?..»

Что прошлое? То было ли со мною?
Ведь я другая! Изменился мир!
И вновь иду нехоженой тропой
С молитвою. Не нужен поводырь!

А впрочем, есть один попутчик — ветер.
Ему я словно кровная, родня.
Заманчив буйный нрав его, приветлив.
И сила ветра посильней огня.

По-волчьи воеет, зазывая свищет.
Деревья валит, гонит гребни волн.
И просится пустить его в жилище,
Работает на поле, словно вол.

И ветреность его во мне с рождения,
Нахлынув, поднимает ввышину
И наполняет щедро вдохновеньем,
Натягивает звонкую струну.

Возвращение домой

Где красоту найти такую?..
Вот город, с детства мне знаком,
В разлуке обо мне тоскует,
Туманным залит молоком.
О, долгожданная отрада,
Что к завершенью близок путь!
Войти под сень родного сада,
Чтоб воздух родины вдохнуть.
На скользкой жизненной дороге
Признать без лишней похвальбы:
Мы все зависимы от Бога,
От благосклонности судьбы.
Пыль долгих странствий отрясая,
Войти в родной дверной проём.
И вдруг понять: одна такая,
Что малой родиной зовём.
Отброшены раздраз дорожный,
Мотора шум и ветра вой.
Всё, что томило нас тревожно,
Судьбой не станет роковой.

Марина Дударева

Избяной космос Александра Малиновского

Когда мы пишем о традиции в чьём-либо творчестве, то мы должны придерживаться двух положений. Во-первых, следовать за кем-то, копировать чей-то стиль в русской культуре, которая основана на вертикальной трансмиссии, на сакральном акте передачи знаний от деда внуку, не является художественным преступлением и низким признаком поэтики. У каждого поэта должен быть свой вечный спутник (выражение критика Д.С. Мережковского), фигура которого особенно актуальна на ученическом этапе творчества, но может остаться с ним и на всю жизнь, как, например, А.С. Пушкин — для Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчев — для Н. Рубцова. В литературоцентричной России важна преемственность и традиция, которую здесь понимаем в значении предания (по А.Н. Веселовскому). Во-вторых, художник слова вступает в диалог с этой традицией или, вернее, с её формами, усовершенствует её, обогащает и развивает уже то, что было сделано до него. В этом отношении показательно неожиданное в аспекте нашей темы замечание фольклориста В.А. Смирнова о проявлении фольклорной традиции в авторском творчестве: традиция

Марина Дударева.
Избяной космос Александра Малиновского

может принимать разные формы, но эстетическая и сакральная сила мифа, народного искусства передаётся автору, который в тот или иной период истории ответственен за свой народ ¹.

В наше цифровое время с развитой цифровой памятью, почти не имеющей пределов, кажется, так легко сохранить традицию. Однако пространство digital memory ещё не прибрано, в нём смешались кони, люди, низ и верх часто меняются местами, и дело государства, государственных мужей — навести порядок в литературе и культуре, с одной стороны, но, с другой стороны, и сам поэт должен выбрать правильную художественную дорогу и открыть её перед читателем, чтобы тот не блуждал в цифровом лесу до конца дней. Период постмодернизма приучил нас к тому, что всё может быть дозволено: чёрное выдано за белое, творец превратился просто в автора, а читатель имеет право на любую игру с текстом. Однако для подлинно русской художественной словесности характерен инстинкт культуры, который невозможно обойти стороной, и тогда не получается обмануть читателя. Так, в сборнике современного поэта А.С. Малиновского «Окошко с геранью» (2006) обращает на себя внимание одно стихотворение, которое имеет такое же заглавие, как у книги, и, очевидно, составляет её центр:

*Матица с крюком над зыбкой скрипела,
Матушка песни сердечные пела.
Детство давно уж моё отзвенело,
Матица в доме своё отскрипела.
Выпорхнул, встал на крыло и умчался,
Шарик земной небольшой оказался.
Всё-то мне кажется раннею ранью,
Матушка смотрит в окошке с геранью:
Где я, какой я и песни какие
Нынче пою, в наши годы лихие?
Матица с крюком над зыбкой скрипела,
Матушка песни сердечные пела...²*

Простое по форме произведение, почти детское, заставляет задуматься над образом окошка с геранью (разговорная форма, видимо, специально выбрана поэтом). Однако прежде, чем придём к главному, обратим внимание на некоторые есенинские интона-

¹ Смирнов В.А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX — начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. 233 с.

² Малиновский А.С. Окошко с геранью: Стихи. Самара: Самарское отделение Литфонда России, 2006. 176 с.

Марина Дударева.
Избяной космос Александра Малиновского

ции в стихотворении. А.С. Малиновский не просто ценил поэзию С.А. Есенина, но и глубоко её понимал, о чём свидетельствуют его дневниковые лирические наброски, которые издаёт его семья, дочь и супруга, отдельным изданием и которые включены также в собрание сочинений. Философской глубиной понимания русской литературы обладает раздел «Мысли на ходу». Для современного поэта Сергей Есенин — народный большой художник, гений, который сумел расслышать голос своего народа и передать его красоту через образы природы и деревни. А какие темы важны для русского человека? Корневым является образ матери, который неразрывно связан с образом дома. И оба имеют онтологический характер.

Окунаясь в мир своего детства, осознанно анализируя свою прожитую жизнь и как бы отматывая её назад, лирический герой возвращается к истокам, не просто в свой дом, а в колыбель, в которой он лежал и слушал сердечные песни своей матушки. Здесь сразу вспоминаются два ранних есенинских стихотворения «Матушка в купальницу по лесу ходила...» (1912) и «Разбуди меня завтра рано...» (1917). Кажется, что сюжетно эти тексты никак не связаны со стихотворением Александра Малиновского, но на внутреннем уровне показательно, во-первых, ласковое, трепетное обращение к матери как к матушке (в этом слове есть некоторая торжественность), и сам миметический момент, то есть сакральное припоминание, связан с пространством дома, избы и миром раннего детства. Во-вторых, поэты как бы желают разгадать тайну своего рождения, вернуться в начало судьбы, и именно поэтому у А.С. Малиновского лирический герой сначала оказывается в зыбке, подвешенной к матице, то есть главной балке, конструкции, скрепляющей избу.

В народных поверьях мать и матица вовлечены в одно семантическое поле в русском языке. По тонкому наблюдению фольклориста Н. Криничной, матица в системе знаков-символов русской избы обозначает череп жилья, связана с верхом человеческого тела, условно небом, наделена высоким семантическим статусом¹. Значит, лирический герой в стихотворении «Окошко с геранью» не просто отматывает свою жизнь, как киноплёнку, до детских лет, а доходит до той поворотной крайней точки, когда он пришёл в этот мир оттуда и воспринимал его ещё на дорациональном уровне, то есть в нём осуществлялась жизнь сердечная (матушка

¹ Криничная Н.А. Матица — слово, образ, символ // Русская речь. 2014. № 4. С. 116-121.

Марина Дударева.
Избяной космос Александра Малиновского

песни сердечные пела), а не головная. Связь ребёнка с тем светом опять-таки выразительна в нашей художественной культуре: дети пришли только оттуда, и им иномир ближе и понятнее, чем нам, на что обратил внимание О.Э. Мандельштам («мы в детстве ближе к смерти, чем в наши зрелые года»). Парадоксально, но на образе матицы, центральной балки, осевой для избы, держится и архитектура стихотворения А.С. Малиновского: детство отзвучало, жизнь прошла, матица отскрипела, то есть выполнила свои функции и тоже как бы разрушилась. По народным представлениям, матицу трогать нельзя топором, если её задеть, повредить, это будет равноценно смерти дома. То, что в фольклоре выражено явно, в поэзии может быть имплицитно представлено. И здесь не случаен образ земного шара, с которым поворачивается и жизнь лирического героя, вернувшегося к своим истокам. «Символика, связанная с матицей, некогда включилась не только в анатомический, но и в космологический код крестьянского жилища»¹. И этот космологический код передаётся нам современным поэтом, чей лирический герой возвращается уже не просто в детство, это было в начале стихотворения, а в момент до рождения, что выражено в странном с точки зрения языка выражении «ранняя рань». Однако именно это апофатическое состояние, вневременное по своей сути, отсылает нас и к поэтике Сергея Есенина с характерным предрассветным, синим, ранним, в котором осуществляется встреча с Другим (стихотворение 1925 года «Листья падают, листья падают...»). Но здесь также можно говорить и о фольклорной формуле раннего вставания: для русского человека вставать с петухами, предупреждать зари восход, как это делает Татьяна Ларина, является правилом жизни, настоящей, корневой, которую он проживает по законам космического цикла. И лирический герой стихотворения современного поэта осознаёт свою жизнь, не сидя на диване или в уютном кабинете, а вставая рано, останавливая тем самым ход самого времени, поскольку формула рано связана с началом новой судьбы².

Парадоксален с точки зрения пространства нравственный выбор лирического героя, который оказывается в конце жизни не в избе, а за её окном, на что косвенно указывает предложный падеж: матушка смотрит не в окошко (куда?), а смотрит (смотрится) в окошке (то есть — где?). Это я (лирический герой) её вижу с

¹ Криничная Н.А. Матица — слово, образ, символ // Русская речь. 2014. № 4. С. 118.

² Галиева М.А. Фольклорные формулы в поэтике раннего С.А. Есенина (формула «встану рано») // Научный диалог. 2016. Т. 49, № 1. С. 141-148.

Марина Дударева.
Избяной космос Александра Малиновского

улицы в окошке с геранью, и в этом есть некоторая живописность, своего рода экфрасис, как в цветах на подоконнике С. Есенина (стихотворение «Форма»): «Цветы на подоконнике, / Цветы, цветы. // Играют на гармонике, / Ведь слышишь ты...». И эти цветы (у обоих поэтов) являются символом разделения мира на своё и чужое, древнее, бывшее и новое, неизведанное. Лирический герой выбирает оказаться за окном, узнать новую жизнь, но при этом не отказывается от прожитого и пережитого — в этом закон поколений, который соблюдает русский народ, что, кстати, прекрасно показал писатель В. Распутин в повести «Прощание с Матёрой»¹. За окном не так уютно и комфортно, поскольку это пространство не освоено, оно чужое и потенциально опасное, но герой А.С. Малиновского должен духовно расти и пройти свою инициацию, чтобы новым человеком вернуться к своим корням перед смертью. Русский человек до парадоксальности любит это законное пространство, любит оказаться в поле-море, снежном и голом, чтобы к Богу ближе быть. Так, у другого современного поэта Валерия Дударева в одном из ранних стихотворений наблюдаем такую же ситуацию выбора, связанную при этом с образом окна и дома:

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле.
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.
Бывает: метель закрутит!
По снежной бредёшь земле.
Думаешь: где-то люди
*Сидят за чайком в тепле.*²

Стоит сказать, что в поэтике Александра Малиновского образ окна имеет онтологический статус и связан с судьбой, экзистенциалом ночи:

Я любить не устану,
Много сердцу дано.
На ночном полустанке
Приоткрою окно.
В лунном свете неровном
Слышен с белых полей
За сугробом дородным
Скрип далёких саней.

¹ Галиева М.А. Власть земли. Фольклорная традиция в творчестве С.А. Есенина и В.Г. Распутина // Традиционная культура: науч. альм. 2014. № 3. С. 28-37.

² Дударев В.Ф. Интонации. М.: Художественная литература, 2010. 192 с.

Марина Дударева.
Избяной космос Александра Малиновского

*Сколько жил я, не помню
И считать не берусь,
Весь тобою заполнен,
Моя матушка-Русь.¹*

Есенинские интонации здесь уже проявляются открыто: лирический герой не просто любит родину, он готов за неё умереть. Когда мы наполняемся Другим (у А. Малиновского это матушка-Русь), тогда мы сами умираем, поскольку трансцендировать за пределы своего «Я» невозможно, не преодолев своей земной эгоистической сущности. Открытое окно как портал в Иное, в вечное. В этом семиотическом жесте кроется воля к сакральному, желание быть бессмертным: не важно, сколько я прожил дней, важно то, что я сделал для России. И скрип далёких саней есенинских («Слышишь — мчатся сани...»), пушкинских («Зимняя дорога»), гоголевских (Русь-тройка мчится и не даёт ответа, а только порождает вопросы-вопрошания) с белых снежных полей (танатологический символ в отечественной культуре²) слышится в сакральный час герою и, думается, самому поэту, выросшему в русской избе в селе Утёвка Нефтегорского района Самарской области и явившему нам, цифровым, метафизически глухим, поэзию избяной Руси-России.

¹ Малиновский А.С. Окошко с геранью: Стихи. Самара: Самарское отделение Литфонда России, 2006. 70 с.

² Дударева М.А., Арипова Д.А. Лексико-семантическое поле «зима» в поэзии Валерия Дударева: апофатика метели // Казанская наука. 2023. № 11. С. 149-151.

III Всероссийский конкурс «Экология души» подвёл итоги

В Самарском государственном политехническом университете подвели итоги литературного конкурса «Экология души».

В преддверии Дня славянской письменности и культуры, 19 мая в Самарском государственном техническом университете состоялось торжественное подведение итогов III Всероссийского литературного конкурса «Экология души» на основе творческого наследия известного самарского писателя Александра Станиславовича Малиновского.

Конкурс проходил в трёх номинациях («Поэзия», «Проза», «Эссе») и в двух возрастных категориях (14-35 лет, старше 35 лет). В нём приняли участие 311 человек из 54 населённых пунктов России, в том числе из Ингушетии, Дагестана, Татарстана, Башкирии, Чувашии, Удмуртии, ЛНР, ДНР, Крыма, а также русскоязычные авторы из Казахстана, Белоруссии, Молдовы, Германии, Финляндии, Испании и Италии.

По решению жюри гран-при конкурса 2026 года за глубокое и оригинальное истолкование творческих исканий Александра Малиновского удостоен Анатолий Логинов, представивший статью «Чертёж целостности: инженерное слово и экология души Александра Малиновского» (г. Санкт-Петербург).

*Участники подведения итогов Всероссийского литературного
конкурса «Экология души» в Самарском государственном
политехническом университете*

Всероссийский конкурс «Экология души»

Первых мест в возрастной категории от 14 до 35 лет удостоены Илья Калошин — за эссе «Всё живое имеет одну и ту же душу» (г. Орёл), Екатерина Суворова — за рассказ «Черника, сахар и человечность» (пос. Тумботино, Нижегородская область), Яна Ишмухаметова — за цикл стихотворений «Птичьи песни» (г. Санкт-Петербург).

В категории старше 35 лет первых мест удостоены Александр Ильин — за эссе «Садовник собственной души» (с. Богатое, Самарская область), Сергей Пупышев — за рассказ «О рыбе» (г. Петрозаводск), Валерий Хатюшин — за цикл стихотворений «Любовная лирика» (г. Москва).

Диплом учредителей и жюри конкурса «За яркое освещение восприятия дёён Людмиле Чернецовой (с. Утёвка, Нефтегорский район Самарской области) за лирический этюд «Он — свой».

Самарские литераторы также вошли в число лауреатов и финалистов. Так, в номинации «Поэзия» в возрастной категории старше 35 лет второе место заняла Татьяна Кижайкина с циклом стихотворений «На краешке души» (г. Чапаевск, Самарская область), в число финалистов вошёл Юрий Астанков с циклом стихотворений «Душа оглянулась», а третье место среди молодых авторов в возрасте 14-35 лет заняла Дарья Александрова со стихотворением «Лесоразведение души» (г. Самара).

Все лауреаты награждены денежными премиями и авторским сборником произведений участников конкурса. Также в этом году победителям в номинациях впервые вручены сувениры в виде стеклянных круговых цилиндров с выгравированной внутри миниатюрой «Птица на руке», которая символически отражает главную тематику конкурса «Экология души».

Члены жюри о конкурсе

Вячеслав Лютый, писатель, литературный критик, член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель директора — главного редактора журнала «Подъём» (Воронеж):

«Представленные на конкурс «Экология души — 2026» работы примечательны тем, что в одних произведениях авторы бережно и с горячей душой относятся к заявленной теме, хотя литературное письмо их отличается порой наглядной неумелостью. Тогда как в других вещах чувствуется достаточно смелая авторская рука, но восприятие высоких понятий оказывается, скорее, дежурным. Это касается прозы.

В поэзии всё более очевидно, нежели в прозаических текстах. Иной раз неверное слово губит весь сюжет, а лёгкость версификации часто убивает благие порывы автора и «гасит» заявленную им тематику. Отсутствие реальных примет окружающего мира разрушает связь между читателем и стихотворцем. Эти вполне распространённые изъяны творчества литераторов-любителей в нашем случае успешно преодолевались в материалах поэтов и прозаиков, попавших в число лауреатов. Отчётлива художественная разница при сопоставлении текстов «лучших» и «не лучших». Так было и в прошлом году.

Мы видим, что конкурс становится хорошим инструментом не только в поиске талантливой литературы, но и в благородном деле поддержки начинающих писателей. Что касается авторов опытных, то их участие в самарском конкурсе становится безусловным репутационным приобретением города Самары.

Отдельно стоит упомянуть эссеистику. Часть работ написана в жанре комментария к творчеству А. Малиновского, но самые удачные оттапливаются от его творчества и развивают изначальную тематику вполне индивидуально.

Думаю, что конкурс «Экология души» в 2026 году творчески состоялся, а его авторский актив с каждым годом становится всё шире».

Михаил Перепёлкин, д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета, директор музея-усадьбы А. Толстого, Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького (Самара):

«Александр Станиславович Малиновский хорошо знал, что такое счастье. Счастье — это проснуться утром и не сразу понять, что ты дома, в Самаре, а не сплавляешься в лодке по реке Самарке. Хотя и Самарка — это тоже счастье, — и Самарка, и лодка, и Утёвка, и те самые сны, которые были с ним всю его жизнь. Ещё счастье — идти в институт читать лекцию и знать, что потом, после лекции, ты сно-

Всероссийский конкурс «Экология души»

ва придёшь домой, сядешь за любимый рабочий стол, откроешь неоконченную рукопись. Каждая буква — маленькое счастье, а если их десятки, сотни?.. Он создавал это счастье своими руками, каждодневным трудом, вниманием, негромким голосом, который звучит и будет звучать в памяти всех, кто его знал. Стоит только взять с полки любую из его книг, открыть наугад на любой странице...

Быть рядом со счастливым человеком — значит прикоснуться к счастью. Такими прикоснувшимися к счастью Александра Станиславовича Малиновского представляются мне и участники сегодняшнего литературного конкурса «Экология души». Для кого-то это прикосновение, может быть, первое и почти случайное, нечаянное, для кого-то — ожидаемое и чаянное даже очень. Это прочитывается с первых же слов и строчек, потому что в словах и строчках — некуда спрятаться и трудно выглядеть не таким, каков ты есть на самом деле. Но в чём я почти убеждён: и в том, и в другом случае эта встреча и общение сегодняшних авторов со счастливым человеком Малиновским не пройдёт для них бесследно, даром. Хочешь быть настоящим — коснись настоящего, хочешь понять, с чего начинается счастье, — спроси об этом человека, который это твёрдо знал.

Сергей Еремеев, поэт, член Союза писателей России (Москва):

«В творчестве победителей нет. Другое дело — результаты этого творчества. Древнегреческий мудрец искренне аплодировал слабому музыканту не за то, что тот играл из рук вон плохо. А за то, что этот человек выбрал музыку. Вместо какой-нибудь скользкой дорожки. Участники Всероссийского литературного конкурса «Экология души» 2026 года занимаются творчеством. И это уже экология души! Результаты этого творчества радуют. Я с большим интересом и удовольствием погружался в конкурсную прозу. Впечатляют многие произведения, где авторы как бы стоят за кадром, их незримой волей действуют персонажи. Однако самым настоящим открытием стала для меня поэзия участников конкурса. Если в стихах большинства юных и молодых авторов сверкают алмазные россыпи, то поэзия зрелая восхищает своими бриллиантами. Тем труднее было отдавать кому-то предпочтение...»

Алина Копнина, к.т.н., доцент кафедры «Химическая технология и промышленная экология» СамГТУ, руководитель экологического клуба «Жизнь» СамГТУ (Самара):

«Каждый раз, когда организаторы конкурса «Экология души» приглашают меня стать участником этого удивительного процесса — прочитать и попытаться оценить произведения конкурсантов, я испытываю одновременно неловкость и радость. Неловкость и сомнение от того, что «кто я?», чтобы оценивать творчество людей, пишущих

Всероссийский конкурс «Экология души»

стихи, рассказы, повести, эссе, имею ли я на это право. Но при этом каждый раз я очень рада, что могу прикоснуться к чему-то новому и интересному, познакомиться через слова с новыми людьми, с их чувствами и восприятием мира.

В этом году как никогда были прекрасны произведения поэтов. Стихи простые и сложные, лиричные и патриотичные, такие разные, но самое главное — все искренние. Вот именно «искренность» — это то, что отличает этот конкурс, то, чем были наполнены произведения Александра Станиславовича! И так же искренне я благодарна организаторам конкурса «Экология души» за то, что каждый год дается шанс авторам (важно, что и совсем неизвестным) представить свои произведения, а мне лично — удовольствие и счастье познакомиться с их живым творчеством».

Алексей Молько, к.ф.н., доцент кафедры дошкольного образования Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара):

«В лучших произведениях, представленных на конкурс «Экология души», проводимый уже в третий раз, личное, не теряя черт индивидуальности, ее неповторимых признаков, стремится к обобщению социокультурного и духовного опыта поколений, где собственное «я» автора отзывается на чужую боль равно как на свою, где всякое душевное движение невольно сверяется с определенными идеями, выстраданными в исторических потрясениях. Идет поиск широкого единения, потребность в котором ныне ощущается довольно остро.

Это тем более важно потому, что многие современные читатели далеко не всегда способны обнаружить свои сущностные связи с миром. И ждут от писателей не теоретических построений или эпатажно-скандальных выходов, а вдохновенно-проникновенного слова о самых сложных и насущных проблемах современности. И когда такое слово звучит, произведения обретают высокий смысл и свое оправдание в жизни. К сожалению, происходит это не часто в потоке литературных мнимостей, отмеченных вместе с тем многими приметами словесного искусства. Они способны оказать серьезное воздействие на сознание читателя, заблокировать его самостоятельные, нравственные и гражданские искания. Многие участники конкурса пытаются, и подчас небезуспешно, противостоять этой тенденции.

Нельзя не сказать и о том, что уже сложившаяся конкурсная традиция стала импульсом к новым исследованиям наследия Александра Малиновского. И есть все основания полагать, что у конкурса «Экология души» — хорошие перспективы дальнейшего общественно-творческого развития».

Всероссийский конкурс «Экология души»

Михаил Кильдяшев, писатель, литературный критик, член Союза писателей России, к.ф.н., доцент Оренбургской духовной семинарии (Оренбург):

«Сегодняшний мир выдерживает одновременно две атаки: на экологию природы и душу человека. А может быть, на душу природы и экологию человека. Тьма, что была противопоставлена свету с первого дня творения, теперь не просто отравляет природу и искушает человека: она порывается лишить мир естества, извести в нём и природное, и человеческое.

Наш конкурс — это контрастопление на тьму, умножение света. Это высаживание «леса души» и возделывание «сада природы». Наши участники делают миру «прививку слёз», но не слёз горести и отчаяния, а слёз очищения. Тех слёз, что омывают раны земли.

Наш конкурс — о сохранении дома, в котором душа и природа неразлучны».

Максим Ерёмин, к.ф.н., член Союза журналистов РФ, главный редактор журнала «Технополис Поволжья», начальник управления пресс-службы и информации СамГТУ (Самара):

«Конкурс «Экология души» для современной словесности — событие чрезвычайное. Он неподвластен литературным модам, независим от творческой конъюнктуры, то есть — самодостаточен. При этом год от года растёт количество его участников, и голос каждого в расширяющейся вселенной конкурса звучит по-особому.

В наиболее запоминающихся произведениях до предела обнажён один и тот же мотив поиска всепримиряющей гармонии. Путь к ней лежит через обжигающие душевные испытания, которые проходят не только герои, но, прежде всего, авторы. Это трудная дорога не для массовых шестивий, по ней всегда идут в одиночку. И индивидуальный опыт здесь становится творческой проекцией тысячелетнего движения человечества от хаоса к космосу, от тьмы невежества к светоносной правде».

Марианна Дударева, писатель, литературовед, фольклорист, доктор культурологии, д.ф.н., профессор кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина (Москва):

«Эссе — один из сложных жанров, который предполагает, кажется, полную свободу выражения. Однако эта свобода должна принадлежать не пишущему «я», а миру. Автор не должен сковывать этот мир, выдвигать к нему требований, он должен позволить ему быть и заселить своё творчество.

Некоторые эссе о жизни Александра Малиновского поразили тем, что наш герой наполнил, заселил чистыми мыслями чью-то другую

Всероссийский конкурс «Экология души»

жизнь, и эта жизнь открылась самому человеку иначе. Авторы эссе и очерков о Малиновском вышли навстречу другому, и мир засиял для них».

Елена Крюкова, поэт, прозаик, искусствовед, лауреат российских и международных литературных премий, член Союза писателей России, член Российского Союза профессиональных литераторов (Нижегород):

«Чистая и чудесная радость — читать, рассматривать с разных сторон, как травинку в поле или цветок, как перламутровое облако в широких небесах, каждое произведение, присланное на литературный конкурс им. А.С. Малиновского «Экология души». Прежде всего это радость открытия: удивительно, как человек видит мир, как искренне, трогательно он любит его, живой и неповторимый, уходящий от нас и опять возвращающийся к нам, — так же, как и мы, продолжаясь в потоках наших, возвращаемся к нему; как нежен и внимателен человек к ходу Времени, как плачет он над прошлым и страстно надеется на будущее! Память — жизнь, живое — природа — душа и сердце — вот аспекты, вот акценты, которые надо было расставить каждому автору в своих сочинениях; но творчество таково, что оно вырывается из рамок, из начерченных карт, из обозначенных лоций, и устремляется прямо в открытый Космос.

Таковы были поэзия, проза и эссеистика на конкурсе имени Малиновского 2026 года — в их лучшем, высшем изводе. Поэтому моя радость читателя-исследователя сопоставилась внутри меня, в тайниках моего внутреннего мира, с радостью художества, созидательного начала.

Читая присланные на конкурс тексты, я думала о великой жизнеспособности русской литературы; о живом продолжении её славных традиций; о нащупывании непроторённых путей-дорог; о завтрашнем дне, ибо конкурс дал огромную возможность высказаться молодому поколению (стихи, проза и эссе авторов от 14-ти до 35-ти лет). Поздравляю всех, кто участвовал в конкурсе! Поздравляю и поддерживаю замечательную команду жюри! Дай Бог конкурсу стать традиционным, продолжаться в пространстве-времени и стать заметным явлением русской литературы и русской культуры!»

Александр Громов, писатель, председатель Правления Самарской областной писательской организации (Самара):

«Такое ощущение, что наметился сдвиг в интересе не только к себе и к тому, что со мной происходит, но и к людям: а что с окружающими меня людьми? Ещё недавно в пору было говорить о некоем «литературном эгоизме», который, разумеется, является отражением нашей жизни.

Всероссийский конкурс «Экология души»

И вот — такое ощущение — что-то сдвинулось. Заметнее всего, мне показалось, это в прозе и, конечно, в литературоведческих работах, что особенно радостно. Да многое вообще радостно: столько прекрасных открытий для меня как редактора «толстого» литературного журнала сделал этот конкурс! Пусть эта радость длится и ширится!»

Александр Завальный, главный библиограф краеведческого отдела Самарской областной универсальной научной библиотеки, советник комитета по культуре, спорту и молодёжной политике Самарской губернской думы, член Совета по культуре и искусству при губернаторе Самарской области (Самара):

«Начал читать присланные на конкурс произведения — и почти сразу окупился в океан любви, доброты, сострадания. Рождённый три года назад, конкурс продолжает жить, набирая силу, напоминая всем, как мы нуждаемся в единении с природой, в прикосновении к прекрасному, в надежде и вере, что мы не одиноки в нашем желании творить добро и дарить людям частицу своего тепла. А иначе зачем же тогда мы вообще пришли в этот мир?»

Полный список лауреатов конкурса: <https://mcentr.samgtu.ru/contest>

Сборник работ финалистов и лауреатов конкурса доступен по ссылке: https://samgtu.ru/uploads/redactor/%D0%95kologiya%20dushi_2026_sait.pdf

Учредители конкурса — Союз писателей России, Министерство культуры Самарской области, Совет ректоров вузов Самарской области и Самарский государственный технический университет — планируют объявить IV Всероссийский литературный конкурс «Экология души» имени А.С. Малиновского в ноябре 2026 года.

Анатолий Логинов

**Чертёж целостности:
инженерное слово
и экология души
Александра Малиновского**

Эссе

**От педагогической формулы —
к личности-синтезу**

За двадцать лет работы в университете и в школе я слышал одну «формулу» чаще других: «Сильный математик редко бывает поэтом». Но вместо того чтобы вступать в спор, я предпочитал присматриваться — к детям, к студентам, к их особому складу ума, к тому, как в одном человеке могут уживаться, казалось бы, противоположные способы познания мира.

Постепенно меня стал притягивать не сам спор, а те, кто молчаливо его опровергает — люди, для кого профессиональная точность и нравственное чувство не противостояли, а усиливали друг друга. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), соединявший в себе хирурга-виртуоза и глубокого пастыря, стал для меня первым таким маяком. Позже этот ряд пополнился именем Алек-

сандра Станиславовича Малиновского — инженера, учёного и писателя, в судьбе которого цельность мышления проявилась с удивительной полнотой. Это не список профессий. Это свидетельство единого способа быть в мире. Открыв его «Радостную встречу», я увидел, как в одной точке сходятся линии, обычно расходящиеся: память и прогресс, чертёж и душа.

Размышляя о наследии Малиновского, я понял: «экология души» у него не красивая метафора, а проектируемое состояние внутреннего равновесия. Состояние, в котором разные дары не дробят личность, а, как в точном механизме, работают на общую цель — ответственность.

Единое пространство мышления: дисциплина как форма честности

Цельность Малиновского не в сумме достижений, а в единой интенции, пронизывающей и расчёт, и слово. Его инженерная дисциплина — это внутренняя установка, которую он переносит на прозу. Здесь нет случайных деталей: каждая подробность либо несёт смысл, либо держит равновесие повествования, как расчётный узел в конструкции.

Он избегает приблизительности — в факте и в интонации. Такое письмо рождает доверие: читатель верит рассказчику, как верят инженеру, чей расчёт проверен опытом. А опыт у Малиновского был двоякий: ответственность за технологический процесс и память о деревенском мире, где вещи не лгут.

Эта двойная честность — перед формулой и перед жизнью — и есть почва его «экологии души». В романе «Зелёный чемодан» эта проявляется в виде тревоги: «Всё скоро подчинится тому, что отделяет, уносит нас дальше и дальше от природного к синтетическому». Позже, в повести «Колки мои и перелесья», диагноз станет жёстче: природа «потеряла способность самовосстанавливаться... Человек остаётся в одиночестве со своим столь агрессивным разумом». Его мышление — это постоянный поиск меры там, где прогресс её утрачивает.

Текст как исследование: документальность — это нравственная позиция

Повесть «Радостная встреча» — лучший пример того, как инженерный метод становится художественным. Это не просто рассказ об иконописце Журавлёве. Это протокол воскрешения памяти, выстроенный как научное изыскание.

Малиновский фиксирует детали с бесстрастной точностью: «Икона средних размеров, исполнена масляными красками на обычной доске, размером 26х31 см». Это не поэзия — это техническая спецификация, призванная исключить ошибку восприятия и забвения. Дословные цитаты писем, точные отсылки к архивным источникам («Самарские губернские ведомости», № 5 от 16 января 1885 года) создают эффект неоспоримой достоверности.

Сюжет движется как алгоритм: находка — гипотеза — поиск — доказательство. Даже личная неудача описана без сантиментов, как экспериментальная погрешность: «Я привёз за сто вёрст съёмочную группу... и ничего не могу сделать». Эмоция здесь не цель, а часть исследовательского процесса.

Документальная точность для Малиновского — это высшая форма уважения к предмету. Будь то судьба человека или формула катализатора, честность перед фактом становится краеугольным камнем его «экологии души». Это нравственный императив, рождённый на стыке лаборатории и поля.

Природа и память: где «экология души» обретает плоть

В произведениях о природе и малой родине («Под открытым небом», «Красносамарские родники», «В плену светоносном») синтез мышления Малиновского проявляется с особой силой. Здесь инженер-наблюдатель и поэт-созерцатель работают в унисон.

Он описывает заволжские степи, регенерацию дубрав, повадки птиц не как лирические картинки, а как живую систему, где всё взаимосвязано. Его описания — это своего рода естественнаучные отчёты, написанные с любовью. Вспомним цаплю: «Судьба белой цапли — плата за её красоту. Природа наградила эту птицу необычайно красивым и оригинальным оперением» (повесть «В плену светоносном»). Или кулика-сороку из той же повести: «Эта птица, на которую природа не пожалела сочных красок, но не придавала статности». Это взгляд натуралиста, фиксирующего диспропорции в «конструкции».

За этой точностью — экзистенциальная тревога. Описывая чудо вишен, цветущих под снегом, он видит в этом не только красоту, но и сбой: «Всё увядало, замерзло на глазах, совсем неожиданно, случайно. Пропадала логика явлений в природе: вначале тепло спровоцировало буйное цветенье, а потом при-

рода сама себя и губит («Колки мои и перелесья»). «Экология души» здесь напрямую связывается с экологией среды: разрушая внешнюю гармонию, человек прежде всего губит свои внутренние опоры. В повести «Под открытым небом» этот мотив звучит с первой строки — от древнего моря, на месте которого раскинулось село, до сегодняшнего дня, где открытость небу становится метафорой духовной незащищённости и одновременно стойкости.

Корни как система: деревня — это не прошлое, это фундамент

Деревенское детство в Утёвке не просто биографический факт для Малиновского. Это исходный код его личности, система координат, в которой сформировались его этика и тип мышления. В его прозе деревня — это не ностальгический образ, а сложный социально-природный организм, живущий по своим законам равновесия.

Герои, выросшие из этой почвы, несут в мир индустрии её нравственный геном. Он пишет о «детях крестьян — интеллигентах... духовно связанных со своим деревенским прошлым» (роман «Совмещение»). На них, по его мнению, лежит «особая миссия» — быть буфером, проводником, переводчиком между логикой земли и логикой машины. «Они не могут безоглядно вредить земле», — заключает он. Автобиографический поиск собственных корней (польский отец, пропавший на войне, со-рокалетние розыски) лишь усиливает эту тему: цельность личности начинается с ответа на вопрос: «Откуда?»

Эта тема получает удивительное развитие в детских произведениях. В повести «Под старыми клёнами» двор, река, сад — это и есть тот самый «общий дом», живая экосистема, в которой ребёнок учится первым урокам гармонии и порядка. Деревня здесь не архаика, а модель сбалансированного мира, которую инженерный ум должен не разрушить, а понять и взять за основу для проектирования будущего.

Проектирование души: уроки для детей как инженерная задача

Произведения, посвящённые детству у Малиновского, — это не побочный продукт творчества, а стратегический раздел его «проекта». Здесь синтез мышления автора обретает педагогическую форму. Он буквально «проектирует» читательское воспри-

ятие, создавая тексты, которые работают как воспитательные алгоритмы.

Возьмём «Хромоножку». История кошки Муры — это не просто трогательный сюжет. Это модель преодоления, где физический изъян компенсируется силой духа, — техническое задание для внутреннего развития.

В «Приключениях трёх смельчаков» (бобр, тушканчик, скворец) сюжет строится как череда инженерных задач: построить плот, сориентироваться в пути. Это урок системного мышления и командной работы, поданный в форме сказки. Даже в стихах, например, в «Мартовских днях», описание пробуждения природы («Взбудоражена природа, / Наступило утро года!») учит ребёнка видеть мир как цикличную, самовосстанавливающуюся систему.

Таким образом, детская литература у Малиновского — это практический инструмент «экологии души». Она закладывает в ребёнка основы целостного восприятия, где любовь к природе, смекалка, дружба и ответственность не абстракции, а рабочие элементы личности.

Философский итог: тревога и надежда в автобиографической прозе

Автобиографические вставки в разных произведениях Малиновского — это место, где все линии сходятся в философский диагноз эпохи. Здесь Малиновский говорит уже не как инженер или писатель, а как мыслитель, оценивающий итоги столетия технического рывка.

Его метафоры становятся жёсткими и безжалостными. «А Иван, вначале с кувалдой, а потом с жутким тесаком — это ставшие теперешними мы все: мужикастые, интеллигентствующие, высоколобые и не совсем... Все мы!

И не тесак в руках у нас, а сотовые телефоны, компьютеры... атомные электростанции, нанотехнологии... Но, что бы человечество ни изобрело, ни придумало, всё в конечном итоге используется потом как орудие войны между людьми, нациями и народами, а в результате — против природы. Таков опыт человечества. Но, увы, кто о нём всерьёз помнит?» (повесть «Красносамарские родники»).

Но эта тревога не конец. Это точка отсчёта для новой ответственности. Его собственный путь — от рабочего до генерального директора, от сельского мальчика до писателя — был по-

стоянным упражнением в синтезе, поиском этой самой связи. Его фигура напоминает нам о той «особой миссии», которую он видел в выходцах из деревни: быть мостом, соединителем, инженером человеческих и природных систем.

Заключение: чертёж для будущего

Наследие Александра Станиславовича Малиновского — это не архив. Это рабочий чертёж целостной личности, актуальный как никогда. В мире, где фрагментация сознания стала нормой, его пример показывает: противоположности не просто уживаются — они нуждаются друг в друге для полноты.

Для меня, педагога, этот урок оборачивается конкретной программой. Он напоминает, что наша задача не закрепить детей в клетках «физиков» и «лириков», а помочь им увидеть мир как единый проект, где знание формул обогащает понимание художественных произведений, а любовь к слову делает более чутким научный поиск.

«Экология души» по Малиновскому — это и есть искусство синтеза. Это ежедневный труд по соединению в себе памяти и прогресса, точности и сострадания, корней и крыльев. В эпоху глобальных кризисов такая внутренняя цельность перестаёт быть личным делом. Она становится условием выживания культуры. Способны ли мы, как он, спасти «маленький исток, родничок», питающий великую реку нашей цивилизации? Ответ на этот вопрос начинается не в поле и не в цехе, а в том самом «едином пространстве мышления», мастером которого был Александр Малиновский. И наш долг — изучать этот чертёж, чтобы строить будущее, которое не будет «истерзанным», а будет цельным.

Валерий Хатюшин

«Жизнь отшумела, как выюга...»

Стихи

* * *

Шум городской над седой головой...
Годы промчались неистово-быстрые.
Помню, как скрипка нам пела с тобой:
«Белой акации гроздь душистые...»

Как же мне верилось в искренность глаз,
в чувства твои неистраченно-чистые!
Счастье короткое не жило нас...
«Белой акации гроздь душистые...»

Нас развели то ль судьба, то ль беда...
Годы нам выпали горестно-мглистые...
Только остались в душе навсегда
«Белой акации гроздь душистые...»

Вот и опять, как тогда, в ноябре
слышатся мне эти звуки лучистые.
Словно поёт соловей на заре:
«Белой акации гроздь душистые...»

Июльский вечер

Солнце красное зашло.
Гаснет день за сеткой тюля.
Дарят зыбкое тепло
вечера в конце июля.

Жизнь ещё не истекла...
Золотое лето длится...
Отложить бы все дела
и на склоне лет влюбиться...

Дышит тёмная вода.
Зазывает тёплый вечер...
И скамейка у пруда
ожидает чьей-то встречи...

* * *

В небесах гремит гроза,
дождь всю ночь в окно
стучится...

Ни о ком забыть нельзя,
и ни с кем нельзя проститься.

Если ты любимым был,
той любви ещё пригубишь...
Всех, кого ты разлюбил,
вспомнишь ты и вновь
полюбишь.

Не остыли те глаза,
в них ещё огонь лучится...
А в ночи гремит гроза,
и в окошко дождь стучится...

...Поутру поток машин
заглушает тишь рассвета.
...Осыпается жасмин,
и тревожно тает лето...

* * *

Ты горишь огнём беспечным,
жарким, ветреным огнём...
Настроением сердечным
мы никак не совпадём.

Надо мной кружатся галки,
над тобой — зарянки трель.
У тебя в глазах — фиалки,
а в моих глазах — метель.

Грусть на сердце, но, хоть
тресни,
ты кружишь в сиянье дня...
У тебя не жизнь, а песня.
Путь безмерный — у меня.

Словно в сером небе просишь,
ты — светла, весь мир любя.
У меня на сердце осень.
Бабье лето — у тебя.

* * *

Многие годы прошли.
Жизнь отшумела, как выюга...
В долгих дорогах земли
мы потеряли друг друга.

Доли минувшей звезда
светит, как смерти отсрочка...
В прошлом пути навсегда
нами поставлена точка.

Катятся дни под уклон.
Сердцу трудней оживляться...
Что же, зачем ты в мой сон
стала так часто являться?

Молча приходишь ко мне,
смотришь в глаза без испуга...
Господи Боже, во сне
мы ещё любим друг друга...

Всероссийский конкурс «Экология души»

* * *

Отцветая снежно,
в майский теплый день —
слышишь? — дышит нежно
белая сирень.

Помнишь, в буйстве цвета —
наш весенний сад?..
Словно было это
целый век назад...

А ведь было! Было...
Всё в душе цвело...
Только вот забыл я,
сколько лет прошло...

Ты глядишь устало
из-под тёмных век...
В этом сквере старом
снится прошлый век...

Чуть заметно тает
чудный майский день...
Слышишь? Опадает
белая сирень...

Награда

Снова Россию ввергают
в смертную битву, и вновь
с фронта вестей ожидают
Вера, Надежда, Любовь...

Снова за русскую землю
льётся горячая кровь.
Богу молитвенно внемлют
Вера, Надежда, Любовь.

Как ни кроваво сражение,
сколько врага ни злословь,
в сердце смирят озлобленье
Вера, Надежда, Любовь.

Детям и внукам поведай,
друг мой, и не прекословь:
нас наградили победой
ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

Сергей Пупышев

О рыбе

Рассказ

Солнце слабело с каждым днём. С каждым днём слабел и запах леса. Летний, густой, яркий, настоящий на аромате сотен цветущих трав, он медленно иссякал, и на смену ему приходил грустный, горьковатый запах сырой осени. В красках же было всё наоборот — однообразно зелёный, с разными его оттенками, лес вдруг становился радостно-жёлтым и ярко-багряным. Ещё неделя-другая и заголятся, станут прозрачными после первых же заморозков лиственные леса. Грустно зашуршит павшая красота под ногами, и затаенную свою унылую песню печальные дожди.

И, наконец, настало то время, когда беспокойная натура Фёдора потребовала действия, а мечта поймать Большую Рыбу, беспрестанно тянувшая его на Пустошь, — исполнения. Он скрупулёзно обдумывал, как будет охотиться за Большой Рыбой. Фёдор верил, что настало его время, и он этого упустить не может.

Ростом Фёдор был выше среднего, телом владел суховатым, крепким, шаг имел молодцеватый, хотя и разменял он уже четвёртый десяток. И прошло уже три года, как он потерял бизнес, затем семью, квартиру и этим был раздавлен, жалел обо всём сильно, печалился. Пришлось ему уехать из Архангельска. Так, по воле судьбы, оказался он в далёком лесном посёлке Боровое, где и жил в съёмном крохотном домике и работал в леспромхозе.

В пути на Пустошь Фёдор думал: для чего ему все эти хождения через трудности, болота гибельные и зачем ему Большая Рыба? И отвечал себе, что это нужно именно сейчас, когда он большую часть жизни уже прожил, остановился на перепутье, теряя веру в себя, и такое серьёзное испытание ему сейчас было жизненно необходимо для того, чтобы он заново, пройдя через все мытарства, опять поверил в себя. И это был уже третий, и он очень надеялся, успешный поход за Большой Рыбой на одно из дальних озёр Пустоши — Чальмозеро. В первый поход он едва не утонул в болоте, во второй — волки сильно одолевали. И ещё поведал старый охотник, что живёт в тех местах большой медведь. Вечеровал как-то Фёдор вместе с Ефимычем в охотничьей избушке. Выпивали, разумеется. Тут Фёдор и приметил:

— А что это за когти у тебя на стене висят? — Фёдор поднялся и снял с гвоздя, вбитого в бревно, два огромных медвежьих когтя на кожаном шнурке. — И почему только два?

Ефимыч вздохнул. Налил сполна стопки. Взглядом пригласил Фёдора за стол обратно.

— Стара история-то, — вспоминал Ефимыч. — Охотничал я в аккурат на Пустоши. И как-то раз кабанчика там подранил. Пошёл добирать. Кобелёк со мной был, Грэй. Ну вот — иду по следу, слышу, закамлал пёс — я ходу добавил! Выскочил на поляну, вижу — здоровушкой медведь мово поросёнка задавил и от собаки отмахивацца. Меня увидал, взревел и покатился навстречу. Едва выстрелить успел. Саданул картечью, да неважно попал! Закрутился он и ломанулсЯ раненый в лес. Видно, зацепил я косолапого. А дело-то к ночи шло, тропить по темноте побоялся. Огляделся. Тут и подобрал два медвежьих пальца с передней лапы, вместе с когтями — отсёк я их выстрелом. Мякоть ножом срезал, а когти-то сохранил, посадил на шнурок и первое время — смешно, как индеец, на шее носил, а потом в избушке повесил.

— А почему те места Пустошью называют? — спросил Фёдор.

— А нет там на десятки километров ни леса, вообще ничего нет! Одни болота да топи непролазные, и так до самого Белого моря — Пустошь, одним словом. Вот отсюда и название. А ишшо тамо-ко одно козырное озеро есть! Забавное — будто глаз какой, овал правильной. С севера — словно бровью густой, плотным ельником от ветров прикрыто. А с юга — редким березняком берега поросли. А ещё по озеру плавучой остров, будто зрачок, болтается — кусок плавуна оторвало когда-то от берега, а обратно прирасти он таки и не может. Видно, так название

и взялось — Чальмозеро. Чальм — по-саамски глаз. Не сказать, што большое, но с километр посере́дке будет. Длинной — все два. Берега-то у него хлипкие, сплошной плавун. Ходить по нему шатко, боязно. Идёшь, а он проминацца, качат тебя, как на волнах. Только тропу до него по болоту знать надо. А щука там есть — и она огромна. Я это знаю — сам не раз её изловить пробовал. Только не далась она мне, — Ефимыч затих, потом ещё долго шарился в своём рюкзаке. — На вот! Сам ковал, всё думал — ишшо сгодицца. Но, похоже, твой черёд пришёл с ней бороться, — в его ладони лежали несколько огромных крючков.

— Ну, это точно на крокодила!

— Бери давай! Мне без надобности. Каждый в жизни должен споймать свою Большую Рыбу, а какая она будет, одному Ему известно, — Ефимыч воздел вверх указательный палец.

— А мне про тропу на Пустошь расскажешь? — загорелся Фёдор.

— Расскажу, коли пойти надумашш.

— Годится, — крепко пожал его руку Фёдор.

На том и порешили.

Сутки по тайге шёл Фёдор, продирался сквозь густой ельник, переплывался через быстрые реки, обходил топкие болота. И когда, наконец, он выбрался на вершину огромного каменно-го утёса, перед ним во всей своей красе распахнулась Пустошь.

Где-то совсем далеко, за Чальмозером, брела одинокая сизая туча. За ней в синеватой дымке волочились по расписному болотному ковру тонкие нити дождя. На тёмно-зелёном сукне низинных болот, посреди пятен кирпичного цвета жижи, чернели окна мёртвой воды, ртутными каплями сверкали впаянные блюдца мелких озёр, и от них водоносными венами расходились нити ручьёв. Он стоял у края обрыва. Его голову оведал несущий свободу ветер. И над всем этим висело красное солнце.

...И ещё через пару часов пути он был на месте. День остывал. Кумачовое солнце тонуло в дрожащем розовом горизонте. Казалось, что огромная капля раскалённого металла медленно просачивалась и уходила в тёмный шлак земной тверди, и была она уже наполовину там — в дне следующем. Чёрными точками в червлёном небе летели косяком птицы с Белого моря, уже близкого. Комары гудели как-то по-особенному низко. На Чальмозере была необыкновенная гладь и царило полное безветрие.

Он разбил лагерь, накачал резиновую лодку, которую принёс на озеро ещё в прошлом походе. Поужинал сытно и погрузился в воспоминания...

Вспоминалась Фёдору дача деда на Волге. Ему тогда восемь лет было. Он с отцом ловит лещей с лодки. Отец вытаскивает большого бронзового леща. Огромный, как поднос в школьной столовой, лещ, изгибаясь, норовя выскочить за борт, гулко прыгает по дну лодки. Маленький Федя смело бросается и накрывает его своим телом. Но рыба сильна, она неистово бьётся и выскальзывает из-под него, а он, весь в рыбной слизи, в отчаянии кричит, едва удерживая её: «Папа, папа, помоги, а то он меня сейчас выкинет из лодки!»

В тот год в Национальном музее Казани он впервые увидел громадное чучело белуги. Маленький Федя молча, открыв рот, долго разглядывал исполина. Потом повернулся к отцу и сказал:

— Когда-нибудь я обязательно поймаю Большую Рыбу...

* * *

...На следующий день Фёдор задумал просто поселиться на блуждающем острове и, путешествуя вместе с ним, обловить озеро.

На лодке он привёз на остров сухих дров — несколько ходок сделал. Наломал елового лапника на подстилку. В самом центре острова, в аккурат между рыжими берёзками, установил палатку. Остров он окружил по кругу десятком крепких жердин, на которые установил жерлицы с толстенной леской и мощными крючками. Сам тоже без дела не сидел — активно работал спиннингом, меняя различные приманки. Иногда, правда, после плотного обеда его валил сон, и он, лёжа в палатке, безмятежно всхрапывал...

Три дня остров дрейфовал по озеру — и три дня Фёдор ловил жадных щук, жирующих перед скорой зимой. Попадали разные: большие, средние, маленькие, но трофейных экземпляров в уловах не было. Он отпускал почти всю пойманную рыбу, оставляя себе лишь на еду, да ещё мелких щучек ставил на жерлицы, оснащённые коваными крючками Ефимыча — на эти снасти у него была особая надежда. Фёдор почему-то думал, что Большая Рыба обязательно позарится на своих соплеменниц.

...Ночами, как только закрывались его глаза, он снова и снова тянул из озера Большую Рыбу, которая никак не хотела сдаваться.

На четвёртый день лёгкий ветерок подогнал остров к высокому берегу и безнадежно стих на целые сутки. Фёдор долгого стояния на месте не выдержал и ранним утром, как только порозовело над горизонтом небо, ещё по мокрой траве собрал лагерь, погрузился в лодку и вернулся на постоянное место стоянки. Так что его задумка поймать Большую Рыбу на дрейфующем острове бесславно провалилась.

Похолодало. С севера длинными рваными строчками потянулся гусь в тёплые края. День с самого утра задался хмурый, и потому низко летел гусь под тяжёлыми облаками, едва не касаясь свистящими крыльями вершушек елей. Фёдор полдня бесплодно провёл у костра, варил уже поднадоевшую уху, подолгу пил обжигающий губы брусничный взвар. Сидел на берегу и смотрел на дородную чайку, чистившую крепким жёлтым клювом холёные перья. После туалета она остановилась, вытянула шею, приподнялась на перепончатых лапах, оттолкнулась резко и взлетела. Сделав небольшой кружок, сложила крылья и камнем упала в воду. Поднялась чайка над озером с трепыхавшейся в клюве рыбкой, отмечая пустое уже место выпавшей из неё белой кляксой.

Перед обедом Фёдор решил запастись дровами. Когда пошёл за валежником, наткнулся на целый ворох глухариних перьев, устилавших небольшой вытоптанный пятачок в черничнике, — видно, лиса изловила птицу и здесь трапезничала. Фёдору нестерпимо захотелось дичи.

На следующий день он решил добыть дикого гуся. Взял ружьё, патронов с крупной дробью подобрал. Другой осеннего гуся не взять: на рану тот крепок, да и перо плотное. Час сидел на берегу Фёдор, держа ружьё рядом. Косяки облетали его стороной. Наконец дождался: небольшая стая, голов так в тридцать, дав широкий круг над озером, пошла на посадку и опустилась на воду в нескольких сотнях метров от него. Берегом пошёл Фёдор, близко к птице подобрался, можно было ещё ближе, но хрустнул сухой сучок под нетвёрдой ногой, и вся стая, гортанно крича, поднялась с озера, оставляя исчезающие дорожки на тихой воде. Фёдор выскочил из подлеска, вскинул ружьё и выстрелил, почти не целясь, потом моментально переломил ружьё и загнал второй патрон, но это уже было лишнее.

Большая сильная птица, споткнувшись об убийственный свинец в воздухе, кувырнулась через себя, крикнула на исходе, прощаясь со стаей и, распластав крылья, плюхнулась в озеро.

Следом за ней, медленно кружась, в ещё дрожащем от предсмертного крика воздухе, лёгкое серое пёрышко опустилось на тяжёлую осеннюю воду.

Гуся он варил долго. Слой жёлтого, прозрачного, в палец толщиной жира покрывал всю поверхность варева. Через час после закипания закинул в котелок пару резаных луковиц, лаврового листа, посолил, поперчил густо — так он любил. Подкидывать дров в костёр больше не стал: жара углей ещё на добрый час томления хватит. Сладкий дух тушёного гуся висел над стоянкой. Фёдор прилёг отдохнуть на лапник...

...Всё чаще в его мыслях жила лесничиха Тоня: он познакомился с ней в конторе леспромхоза почти год назад. Так было и сейчас, хотя не всегда у него было с ней ровно: ссорились, бывало. Лицом Тоня была кругла и правильна. Волосы светлы и легки. Кожей — особенно бела. К такой коже хочется прикоснуться и провести пальцами с восхищением, будто по вазе гладкой фарфоровой, и была она спелой женщиной из тех, что не красотой лица ослепляют, а от ладности её фигуры мужик рот открывает.

...Он вспоминал, как прошлой зимой Тоня принимала его. Ужин ждал. Перед ним они по-семейному шли в баню. Войдя в парилку, она смело подкидывала ковшик крутого кипятка на каменку. Пообвыкнув к нестерпимому поначалу жару, она, велев ему лечь на лавку, ещё раз поддавала кипятка на раскалённые камни и парила его берёзовыми вениками с двух рук хлётко и безжалостно. Покрякивая от удовольствия при особо сильных ударах, он млея, радостно жмурился, затем, распаренный до красноты, с радостным рёвом выскакивал в клубах пара из бани и с размаху валился в пушистый снег, плавил его раскалённым телом, затем, перевернувшись несколько раз, поднимался на ноги, блаженно воздеявая руки к небесам. Степенно шёл обратно и потом ещё долго сидел на лавке в предбаннике, с наслаждением попивая клюквенный морс.

Тоня, заслышав его, смеясь, выглядывала из парной и манила обратно. Отдышавшись, он возвращался, смело закидывал ковшик кипятка на каменку. На свободу вырывался грозный паровозный «уф-фф», и Фёдор почтительно пригибался, благо-разумно опасаясь за уши, когда над головой завихрялся жгучий парной шар. Расправлял спину медленно и ещё минуту свыкался с адским жаром. Затем хватал запаренные в тазу веники и сёк её с двух рук, уже лежащую на полках, отчаянно проклеивая спину, ягодицы, бёдра липким берёзовым листом. Она сначала подзу-

живала над его неуверенной жаростойкостью. Он, всё больше распаляясь от этого, поддавал на каменку кипятка и лупил её вениками неистово. Тоня замолкала, иногда при особо сильном ударе из неё вырывался лишь слабый стон. Ему казалось, что вот-вот, вздрагивая в ответ гладким телом, она не вытерпит, взмолится, попросит пощады, и он гордо остановит эту чёртову порку, но нет — первыми не выдерживали адского пекла его руки. Ему казалось, что ещё немного — и кисти обуглятся, превратятся в головёшки, и Фёдор, побросав веники в таз, пульей выскакивал из бани. Тоня, торжествуя, босая, раскрасневшаяся и гладкая, издевательски медленно выходила следом, неся ведро холодной воды. Также медленно, обдав его ослепительно зрелой красотой, она грациозно поворачивалась вокруг себя, поднимала ведро над головой и смело опрокидывала. Затем бросала ведро и с визгом неслась обратно в баню.

После, напарившись, она приоткрывала дверь в парилку. Горячий берёзовый дух врывается в моечную, клубами нависал под потолком. В это время они, разгорячённые, уходили в предбанник, закутавшись в полотенца, сидели на лавке и ждали, пока устоится уютная теплота в мойке.

Он обожал, когда Тоня мылила его мочалкой, медленно и тщательно, как мать своего маленького ребёнка. Он стоял, как заговорённый, не шелохнувшись, боясь вспугнуть и развеять истинное наслаждение.

Она поворачивала его спиной к себе, становилась перед ним на колени и с усердием натирала жёсткой мочалкой голени, бедра, ягодицы, затем поднималась и тёрла ему спину, намеренно касаясь его затвердевшими сосками. Потом наступало его время. Он медленно намыливал её всю, трепещущую и ждущую... и это ей казалось невыносимо, как приятно, но невероятно и мучительно долго... и он, возбуждаясь до крайности, не выдерживал первым...

...После, задохнувшись от счастья, они валялись на мокрый дощатый пол — им ещё долго не хотелось воскресать.

...Тоне хотелось выйти за него. Она хоть и справно вела хозяйство, но в деревенском доме нужна была мужская рука. И когда Фёдор бывал у неё, она цвела, гремя кастрюлями, ветерком летала по кухне, а он, взяв топор, уходил во двор наколоть дров, поправить покосившийся забор или ещё по каким-то хозяйским делам. И были прозрачные намёки с её стороны. Фёдор чувствовал это. Сначала это умиляло его. Но потом где-то

в глубине зарождалось то предательское, мнительное чувство раздражения, когда холостого и уже немолодого мужчину торопят лишиться собственной свободы. И он, не в силах перебороть это, уходил. Дышал волей до следующих выходных, а потом, не выдержав одиночества, возвращался, и всё повторялось заново.

Но долгих отношений не выходило.

Сидя у костра, Фёдор выпивал водки, вволю ел мясо дикого гуся. Много думал о Тоне, и у него засосало под ложечкой от предвкушения сладкой встречи.

* * *

Фёдор поставил живца на самоловку и стал ждать. Непогода надвигалась на Пустошь. Наступало то тревожное время перед сильным дождём, когда затихало всё: умолкали птицы, хоронились звери. Носившиеся над водой вёрткие кулики оседали в прибрежных зарослях. Становилось душно. Облака стремительно наплывали, и вот уже полнеба захватила разгневанная чернота. Где-то, пока ещё очень далеко, пророкотал глухой раскат грома. Ещё минута-другая — и налетит лихой, крепнувший с каждой минутой ветер, всколыхнёт лес растущим напором, явит свой необузданный нор и начнёт с хрустом ломать тяжёлые ветви. Мелкая рябь побежала по озеру. Загустел перед грозой воздух. Всё ближе и явственней доносились зловещие громовые раскаты. По верхушкам деревьев, подпирающих зловещие облака, зашуршал ветер. Большая редкость — гроза в октябре. Она рождается лишь на полном сломе погоды, и после неё уже не будет сильных дождей, только гнусная морось затянется на несколько суток.

Фёдор уже подумывал уйти в лагерь и переждать непогоду в палатке, но показалось, что ветка, к которой была привязана самоловка, дрогнула. Сначала он подумал — налетевший ветер виноват. Но нет, ветка сильно наклонилась — в этот раз это точно был не ветер. Шнур натянулся и изменил положение. Потом ещё сильней закачалась ветка — и тут же пошла бодрая размотка шнура с рогатки! В этом случае торопиться нельзя. Надо немного обождать, когда заглотит щука наживку, а то не выйдет ничего путного. Не проявишь выдержку — подсечёшь рыбу раньше времени и вырвешь у неё из пасти живца, тогда уйдёт хищник, знал это Фёдор.

Он подошёл медленно, стараясь не шуметь, к качающейся ветке, тихо за шнур взялся. Выждал, считая про себя нужные секунды, и подсёк резким движением. Почувствовав на том конце

тяжесть, с ходу выбрал пару метров и ещё раз дёрнул сильно, чтоб наверняка, с гарантией, пробил кованный Ефимычем крючок костистую пасть, засел в ней прочно, и не было обидного схода. Тут же откликнулась Рыба, потянула снасть в озеро. Не рывком, тяговито пошла, мощно, уверенно. Заскользил шнур, обжигая ладони, не смог его удержать Фёдор. Хорошо, что от ракиты снасть не отвязал, а то не удержал бы. Помогла ему ветка, спружинила, погасила первый рывок. Струной зазвенел шнур и пошёл по дуге, тёмную воду вспарывая, будто косой выкашивая прибрежный камыш.

Ярким светом моргнула гроза. Содрогнулась от множественных разрядов земля. Гул прокатился по Пустоши, и на землю упали первые тяжёлые капли. Распахнулись вспоротые огненным тесаком брюхатые тучи, и потоки воды хлынули на землю...

Нет, никогда он ещё не чувствовал такой силищи. В висках стучало. Коленки подрагивали от напряжения, дико, на адреналине колотилось сердце. Слух, зрение — всё обострилось до предела. Ладони, кончики пальцев чувствовали тетиву шнура каждой клеткой своей. Неотступно стучали мысли — выдержит ли шнур? Не разогнётся ли крючок кованный, не поломаётся?

Всё вокруг исчезло. Потерялся счёт времени. Он не заметил, как несколько раз падал и поднимался на скользкой траве. Он не заметил, как, неистово хлеща по озёрной гребёнке, пузырился дождь, как промок весь до нитки под ливневыми потоками. Он не заметил как, раздирая громогласные небеса жутким голубым огнём, перестали колоть грешную землю трескучие молнии. Он не заметил, как смолкла бушевавшая над озером гроза, ушла дальше на север и выкатилось из-за опустевших туч лучезарное светило.

Иногда Фёдору казалось, что слабеет Рыба, умаялась, и ему удавалось отвоевать, выбрать несколько метров капрона. Она будто бы давала ему фору, но только затем, чтоб подразнить его, взлелеять на секунды мечту о ней, Большой и пойманной. И тут же, не дав ему передохнуть, Рыба уверенно отбирала шнур обратно...

И уже болели кисти, затёкшие от длительного напряжения. Руки гудели от усталости, но всё равно работали интуитивно и, едва почувствовав слабинку, выбирали шнур, а испытав чрезмерную тягу и чувствуя опасное натяжение капрона, отдавали. Он не допускал в борьбе ошибок и уже не видел ничего, кроме непрерывно режущего воду шнура, и не слышал ничего, кроме его надрывного стога.

Ему хотелось видеть её на поверхности. Знал, что если она покажется, глотнёт воздуха, задуреет от него и тогда затрясёт зубастой пастью, отчаянно пытаясь освободиться от крючка, запаникует, потеряет веру в себя, сильную, и пойдёт кутерьма.

И вот шнур изменил угол наклона и стал подниматься. Поверхность пошла бурунами, и тут родилась волна. Ещё секунда — и могучая спина, раздвинув тяжёлую воду, показалась над водой. От размера увиденной Большой Рыбы вылетел изо рта Фёдора мат — в высшей степени восторженный! Изогнувшись, она, взбурлила могучим телом воду и, образовав водоворот, опять ушла в толщу воды.

— Поднял-таки, поднял!!! — сотрясая окрест не своим голосом орал Фёдор.

Первая, хоть и незначительная победа! Укрепилась в душе надежда! И пошла работа. Иногда Фёдору удавалось выбрать шесть или, может, чуть более метров шнура, и было радостно видеть у ног кольца отвоёванного капрона. Большая Рыба, почувствовав приближение враждебной ей суши, тут же отчаянными рывками заставляла попустить шнур обратно. Но он верил в стойкость кованного Ефимычем крючка, верил в крепость капрона и при малейшей слабине выбирал шнур с удвоенной силой.

Фёдору показалось, что она стала уставать. Всё чаще он видел её широченную спину, всё больше выбранного шнура у него было под ногами.

Когда до берега оставались считанные метры, она, коснувшись дна белым сытым брюхом, почуяла смертельную для неё землю и тогда обезумела вовсе. Веретеном закрутилась, пытаясь освободиться от крючка. Разметала, подняла густой ил со дна. Взбила могучим хвостом светлую воду до коричневой, кисельной густоты.

Фёдора подмывало бросить шнур, добежать до ружья и, вернувшись, всадить ей заряд в голову и закончить всё. Но тут же на ум приходило другое: дашь ей слабинку, выпадет из пасти крючок, и уйдёт она обратно в озеро. И тогда не будет у него больше шанса. Да потом и нечестно это, подло по отношению к ней. Его мозг с человеческой жадностью уже измерял, взвешивал её на весах алчности, ещё не поверженную и не пойманную. Но подавлял это Фёдор, отметал мысли лукавые, не давал им воли: не на берегу она ещё, не в его власти!

И вот уже подтащил он её на мелководе, к самому берегу. Дальше тянуть за шнур было делом проигрышным. Понимая,

что шнур может не выдержать мощных рывков Большой Рыбы, заскочил Фёдор в воду, схватил её обеими руками за головой под жабры и поволок из озера. Она дёрнулась всем телом и освободилась от захвата, и в этот же момент он увидел, как из развернутой пасти вылетел кованый крючок. И она почувствовала это. Похолодело в груди Фёдора. Он упал перед ней на колени, успел просунуть руки под извивающееся тело, попытался прижать её к груди. И у него получилось! Но когда Фёдор попытался подняться с колен, Большая Рыба изогнулась дугой и, резко распрямившись обратно, выскользнула из его объятий, и плюхнулась обратно в воду!

Фёдор навалился на неё животом и отчаянным усилием, схватив поперёк тела в борцовский замок, перекатился с ней к берегу раз, а потом ещё раз. Он боролся с ней. Они слились, сплелись в один организм. Кисть правой руки провалилась под жаберную крышку и наткнулась на зубы. Острая боль полоснула руку. Кровь, рыба слизь, озёрный ил, пот, застилающий глаза, огромная сотнезубая пасть, тело её, сильное и скользкое, могучая спина, мягкий, податливый, словно женский, белый живот — всё мелькало перед глазами. Порой он не понимал, что происходит.

Наконец, скользя на коленках в береговой няше, Фёдор, будто бульдозер, сумел вытолкнуть её из воды и оттащить подальше от кромки берега, и у него подогнулись ноги. Человек в изнеможении упал перед Большой Рыбой, преградив своим телом путь к воде.

Тяжело дыша, Фёдор лежал на берегу. Ему казалось, что он все силы оставил в этой борьбе, в глазах стало темно, не хватало воздуха. Огромная, немногим меньше его ростом, измождённая Большая Рыба находилась с ним рядом на мокрой траве, и лишь мощные плавники слегка подёргивались от напряжения.

Фёдор повернулся к ней. И только сейчас он смог разглядеть её. По объёмным, бронзового окраса бокам бежали светлые пятна. Спина — зелени густой, почти чёрной, широкая, будто лавка деревенская, засмолённая. Сытое, холёное брюхо белело ярким пятном. Угрожающе раскрыв усеянную сотнями острейших зубов пасть, раздувая широкие жаберные крышки, она бревном лежала на мокрой траве. Обессилев от борьбы и захлебнувшись воздухом, она некоторое время лежала неподвижно. Но потом вдруг очухалась, отошла. Угрожающе заворочала плоской мордой. Зло зыркнула исподлобья хищными глазами на него и по-

шла в безудержный пляс, скатываясь в озеро. Фёдор попытался удержать её руками. Да где там — мощным движением Большая Рыба высвободилась и, извиваясь, поползла вниз к воде по пологому берегу.

...И в это время он услышал рык, низкий и глубокий. Фёдор повернулся и медленно поднялся. Огромный медведь, вздыбив седую холку, стоял в двадцати метрах от него, низко опустив косматую голову. Фёдор косым взглядом нашёл ружьё — оно было близко, всего в пятнадцати шагах стояло прислонённое к дереву. А в это же самое время из-под ног Фёдора, изгибаясь всем огромным телом, Большая Рыба, будто почуяв поддержку, медленно сползала к береговой кромке по мокрой траве...

Сердце колотилось бешено... надо хватать ружьё... но как это сделать? Медленно, повернувшись к медведю лицом, отступить к нему, не делая резких движений, или кинуться сломя голову и одним броском добежать до оружия? А дальше что?

Огромная щука, стремясь к свободе, отчаянно изгибаясь, всё ближе и ближе соскальзывала к воде.

Человек и зверь застыли в выжидании... Фёдор решился и в несколько прыжков достиг ружья. Схватив его, направил ствол в сторону медведя. Зверь не кинулся за ним следом. Он стоял на том же месте, но теперь поднял морду, угрожающе заревел и стал ещё больше — материстей.

Большая Рыба, извиваясь всем телом, уже почти достигла воды, и это придало ей новые силы... ещё несколько секунд, и она уйдёт в озеро. Мозг Фёдора работал холодно и расчётливо. Ему показалось, будто он отчётливо видит картинку со стороны — всего лишь задачка с двумя неизвестными! В кого стрелять? В медведя? В голову ему метить — в надежде пробить бронебойный лоб? В грудь стрелять вообще без толку — если и шкуру пробьёшь, то в тяжёлых мышцах свинец завязнет и до сердца не дойдёт. Останется только в шею целиться. А если промажешь и только подранишь зверя? Тогда всё — конец... сомнёт тебя такая зверюга, как бумажный пакет магазинный.

В этого медведя уже стрелял опытный охотник Ефимыч и не убил. Убить из ружья Большую Рыбу, в надежде, что зверь может испугаться выстрела и уйдёт в лес? А если не уйдёт? Бросится на него — тогда картина нарисуеться следующая: Фёдор у него будет на первом, а Большая Рыба, как говорил Ефимыч на верхосытку останется. Да и медведь, надо полагать, какие-то мысли на этот счёт тоже имеет. Но поди-ка загляни ему в голову!

И тут ещё раз похолодело в груди Фёдора: один патрон в стволе, да и тот с дробью! «С дробью!» — простучало в голове! Он же не собирался на крупного зверя — ружьё на гуся было заряжено!

Большую Рыбу дробь, может, и остановит, а вот медведя только разозлит. Патроны с пулями есть, но они в палатке, а до неё не добежать... покажешь медведю спину — всё, моментально у него сработает инстинкт хищника, убегает жертва — стопроцентно кинется в догонку... а убежать от зверя, который двигается быстрее человека более чем в два раза, невозможно!

Оставалось ждать. Просто ждать. Да и не мог он бежать: мечта была рядом и держала его прочно.

Двигалась лишь Большая Рыба. Она уже находилась наполовину в воде, и до чудесного спасения ей оставалось совсем немного.

Медведь жил здесь всегда и потому не выдержал первым. Покачивая огромной головой, он сделал несколько угрожающих шагов вперёд. Фёдор прицелился. Шерсть на седой хребтине вздыбилась. В маленьких глазах огромного зверя ни страха, ни сомнения не было. Было видно, как широко раздувались его ноздри. Он чуял тугой, знакомый ему с детства запах рыбы, его раздражал ненавистный, чуждый дух человека и в то же время вгонял в дрожь смертельно опасный, маслянистый смрад убийственного металла. Фёдор не шевелился...

Медведь пригнулся ещё ниже, напряг готовые к прыжку задние лапы, ещё раз повёл носом. Но потом поднялся на задние лапы во весь свой чудовищный рост, устрашающе взревел, широко раззявив пасть с жёлтыми клыками. И оцепенело всё в округе — затих многоголосый лес, испуганно слетели птицы с окрестных деревьев, наострили уши охваченные ужасом звери... И в этом рёве Фёдор слышал всё — торжество могучей силы хозяина Пустоши и презрение к нему, человеку, нарушившему границы его владения.

И когда Большая Рыба, на прощанье взмутив воду могучим хвостом, исчезла в тёмной глубине озера, седой медведь опустился на четыре своих, медленно, с достоинством развернулся и неторопливым шагом направился к притихшему лесу, оставляя на берегу глубокий след трёхпалой лапы...

Через два дня Фёдор был у Тони. Сели обедать. Фёдор открыл бутылку вина.

Всероссийский конкурс «Экология души»

— Мне не наливай! — она прикрыла бокал ладонью.

— А что так? — и он увидел её глаза, тревожные и вместе с тем счастливые.

— Нельзя мне, — сказала она тихо и вдруг смущённо полыхнула румянцем.

Он долго смотрел на неё и наконец понял.

— Ошибки быть не может? — осторожно спросил Фёдор.

— Нет, не может. Я уже два раза тест делала.

— Какой срок?

— Два месяца уже.

Фёдор резко поднялся. Некоторое время молчал. Затем глубоко задышал. Ей показалось, что ему не хватает воздуха. Он бросил взгляд на часы и выскочил из кухни в коридор. Там, суетливо накидывая куртку, ещё долго не мог попасть руками в рукава. Наконец это ему удалось, он обулся в кроссовки и трясущимися руками принялся за шнурки.

— Ты не останешься? — она не могла понять его реакцию на новость.

— Нет... — твёрдо отрезал Фёдор и ещё раз взглянул на часы. — Собираться пошёл! К ужину хочу успеть! — чмокнул Тоню почему-то в лоб. — С чемоданом жди! Не выгонишь? — и, не дожидаясь ответа, широко улыбнулся и бегом выскочил из хаты.

На дворе шёл дождь.

Она вышла проводить на крыльцо и долго смотрела ему вслед. Бежал он странно — прямо по лужам. Иногда двигался боком, взрывая унылые лужи веером брызг приставным шагом, то одним плечом вперёд, потом резко, как по команде на уроке физкультуры, разворачивался другим плечом. Заметив перед собой висевшую ветку черёмухи с пожелтевшими листьями, разбежался и, высоко подпрыгнув, достал её кончиками пальцев. Она, качнувшись в ответ, щедро обдала его водяным душем. Он, смешно съёжившись, вжал голову в плечи, хохотнул, отскочил в сторону, мотнул головой, стряхивая капли с волос и глядя в хмурое небо, что-то радостно выкрикнул. Потом вдруг опять взглянул на часы и припустил заново...

Яна Ишмухаметова

Птичьи песни

Стихи

* * *

Я маленькую Эмму веду к большому храму,
где нам пообещали бессмертье подарить,
давно неизлечимо больна у Эммы мама,
и я, увы, не в силах ей маму заменить...

Ни плюшевая нерпа, ни новые мелочки,
ни салочки, ни прятки её не веселят,
и маленькая Эмма, поднявшись на носочки,
с иконы чудотворной не опускает взгляд.

А я молчу, стараясь, стараясь очень сильно
не дать свободы горьким беспомощным слезам,
и слышу, как исходит от образа кадильный,
как будто настоящий, душистый фимиам...

И Эмма, рассмеявшись, мне говорит:
«Послушай,
теперь я знаю точно, что мама не умрёт,
я видела на небе сияющие души —
как дивен и прекрасен свободный их полёт!»

Всероссийский конкурс «Экология души»

* * *

Птицам за песни не платят, они поют,
следуя зову сердечному,
Божьей воле.
Бросишь на землю крошки —
они склюют,
в небо помчатся с вестью о хлебосоле.

Наперебой рассказывать станут, что
ты угощал их семечками и салом...
Птице подобно, бедное своей гнездо —
станешь крылатым,
коль будешь доволен малым.

* * *

Кукушка плакала в ночи	«Жена — женой,
зимой унылою.	война — войной,
Твои тугие кирзачи	моя красавица».
слезами мыла я,	
ведь мне с разлучницею злой	Кукушки плач в ночи глухой
никак не справиться...	давно не слышится.
	Ты умер.
	На передовой.
	И мне не дышится.

* * *

По тёмному лесу иду, спотыкаясь,
на ощупь иду, наугад.
Я пламенно верю и истово каюсь:
«Прости меня, я виноват!»

Соделавший ухо, я знаю, ты слышишь,
придумавший око, ты зришь.
И сердце становится глубже и тише,
в него ты, как в бубен, стучишь!

Владыка, гляди-ка, уж звёзды погасли,
и птицы умолкли в глуши...
Приди и возляг в сиротелые ясли
моей бессловесной души!

Всероссийский конкурс «Экология души»

* * *

Я бы хотела съездить с тобою в Северск,
Новокалиново, Марьинку, Часов-Яр:
там, на полях уставших, лиловый вереск
артиллерийский клонит к земле удар.

Ты на прощанье сказал мне:
«Иди по следу,
птичьему следу,
скользящему к небесам».

Можно я тоже...
Тоже с тобой поеду?
Можно я никому тебя не отдам?..

Сердце моё не сердце уже, а море:
чаек отчаянных слышен надрывный гам.
Свежей землёю пахнет большое горе,
можно я и земле тебя не отдам?..

* * *

Моя любовь подобна сорнякам,
в твой буйный сад пробравшимся украдкой, —
ты вырвешь их,
они, прильнув к рукам,
несмелые оставят отпечатки.

И даже в этом, нежностью томясь,
я угляжу невиданную милость,
так небом не дозволенная связь
молитвами твоими
не случилась.

* * *

Не беспокойся, друг, о дне грядущем,
Ведь в настоящем радостнее жить!
Кофейную разглядывая гущу,
Спокойствия души не сохранить...

Пути Господни неисповедимы...
Всё суета, всё суета сует!
Мы странники, скитальцы, пилигримы,
Идём на свет.

Всероссийский конкурс «Экология души»

* * *

Решили в землю тебя втоптать
ботинком грязным?
Послушай, чадо:
ты — семя!
Семечку ли не знать
о жизни вечной под сенью сада?

Чем глубже втопчут, тем выше ты
поднимешь голову через время...
Ни зла не бойся, ни темноты —
расти тихонечко,
Божье семя!

* * *

Я певчая в заброшенной церквушке,
мне подпевают птицы и лягушки,
и хор кузнечиков, от радости ликуя,
провозглашает миру:
«Аллилуйя!»

Я причащаюсь зёрнышком ячменным,
я знаю, милосердные блаженны,
и потому-то от рассвета до темна
перечисляю ваши имена

Христу Спасителю, Отцу, Святому Духу,
в закрытое шепчу от взора ухо:
«Помилуй, мол, того-то и того-то...»
И соловей, высокую взяв ноту,

гнездится на земле и засыпает...
И чудится мне, что благоухает
цветочный ладан — жертва для Царя,
и я сама усну у алтаря...

Екатерина Суворова

Черника, сахар и человечность

Рассказ

Баба Нина живёт через два дома от меня. Если в Тумботине и есть человек, который умеет заряжать солнечным светом, то это она. Ей уже под восемьдесят пять, здоровье шалит: то давление скакнёт, то ноги ноют, то сердце прихватит. Но когда заходишь к ней — а она всегда рада, всегда зовёт чай пить с мятой и сушками, — забываешь обо всех болячках. Она светится. У неё морщинки собираются в лучики вокруг глаз, голос звонкий, а смех такой заразительный, что даже хмурая соседская кошка, и та начинает жмуриться и трётся о её ноги.

Я часто прихожу к ней просто посидеть на лавочке, послушать истории. Их у неё — вагон и маленькая тележка. Про жизнь, про любовь, про людей, про Тумботино, которое она помнит ещё совсем другим — с деревянными тротуарами, с керосиновыми лампами, с запахом сена и паромом, который ходил через Оку на вёслах. Она рассказывает так, будто не было этих восьмидесяти лет, будто всё было вчера: тепло, подробно, с улыбкой и с лёгкой грустинкой, которая делает каждую историю особенно родной.

А однажды она рассказала такое, что я до сих пор вспоминаю с комом в горле и улыбкой одновременно.

Это был тёплый летний вечер. Мы сидели у неё в палисаднике, пили чай с мятой, и я спросила, помнит ли она войну. Баба Нина задумалась, помешала ложечкой в стакане, а потом начала говорить. И голос у неё стал тише, но не дрожал — она давно уже пережила эту историю, переварила её, оставила в душе только светлое.

— Это в войну было, — начала она, поправляя платок. — Мне тогда лет десять, не больше. У нас в Тумботине боёв не было, слава Богу. Но за посёлком, в лесу, госпиталь стоял. Раненых привозили, наших солдатиков. Кто полегче — те сами ходили, кто потяжелее — лежали в палатах.

Медсёстры бегали в белых халатах, такие молоденькие, красивые. Мы, ребятня, иногда заглядывали, но нас гоняли: не мешайте, дети, тут война.

Она отхлебнула чай, улыбнулась чему-то своему.

— А место там, за госпиталем, знатное было — черники видимо-невидимо. Прямо поляны целые, ягода крупная, сладкая, аж губы синели. Мы каждое лето туда бегали. Наберём корзинки — и домой, мамка потом варенье варила, пироги пекла. Духовитое такое варенье, с дымком, потому что на печке варили. До сих пор тот запах помню.

Она замолчала, глядя куда-то вдаль, сквозь палисадник, сквозь время.

— И вот как-то раз подружка моя, Зинка, прибегает и говорит: «Нина, пошли на нашу поляну, там, у госпиталя, самая черника уже поспела. Пока другие не набежали, надо успеть!» Я мамку попросила, она отпустила, только наказала: «Далеко не ходите, к госпиталю близко не подходите, там раненые, не до вас». Мы кивнули и побежали.

Баба Нина прикрыла глаза, и я поняла, что она сейчас там, в том лесу, семидесятилетней давности.

— День был солнечный, жаркий, даже душно. Лес пах смолой, нагретой хвоей и земляникой — она уже отходила, но запах ещё витал. Мы с Зинкой бежим по тропинке, смеёмся, птицы поют, кукушка кукует где-то далеко-далеко. Красота такая, что словами не передать. Вышли на поляну — и ахнули. Черники там было... ну, прямо море! Кусты низкие, а ягода крупная, чёрная, на солнце блестит, будто кто-то бусинки рассыпал. Мы сразу на коленки, давай собирать. Руки синие, губы синие, корзинки быстро наполняются. Настроение — лучше не бывает.

Она перевела дух, и в глазах её мелькнула тень того давнего, детского страха.

— И вдруг из леса, прямо из кустов, выходят двое. В чужой форме, серо-зелёной, не нашей. Я сразу поняла: немцы. Раненые: у одного рука перевязана, через бинты кровь проступает, у другого голова замотана, одна глаз почти не видно. Они вышли и остановились, смотрят на нас. А мы с Зинкой как застыли. Ягоды из рук посыпались на траву, я даже не заметила. Стоим, дышать боимся. Сердце колотится где-то в горле, ноги ватные.

Она покачала головой, и на глазах у неё блеснула слеза, но она смахнула её быстрым движением.

— Понимаешь, нас же с пелёнок учили: немец — враг, зверь, чудище. Они детей убивают, дома жгут, никого не жалеют. Мы в школе плакаты видели, на собраниях нам говорили, взрослые шептались. И тут — вот они, живые, стоят в двух шагах. Я думаю: всё, смерть наша пришла. Сейчас схватят или постреляют. Или в плен увезут, и мы больше никогда мамку не увидим, никогда домой не вернёмся. Я даже попрощаться мысленно не успела — так страшно стало.

А они, эти двое, стоят, смотрят на нас и вдруг... улыбаются. Не зло, не насмешливо, а так... устало, но тепло. Один, тот, что с перевязанной рукой, что-то говорит другому на своём, по-немецки. Я ни слова не понимаю, но голос у него мягкий, не злой. И они медленно, осторожно, будто боясь нас спугнуть, начинают подходить ближе.

— Я Зинку за руку схватила, — продолжает баба Нина, — она трясётся вся, холодная. Хотели бежать, да ноги не слушаются. А немцы подходят прямо к нам, останавливаются рядом. И вдруг наклоняются и начинают собирать чернику! Прямо в наши корзинки! Аккуратно так, крупную ягоду, самую спелую — и кидают. Один что-то приговаривает, улыбается, показывает на ягоды — мол, смотрите, какая хорошая, берите. Другой кивает, тоже собирает, хоть ему, видно, трудно: рука-то больная.

Она замолчала, и я увидела, как её губы дрогнули в улыбке.

— Мы с Зинкой стоим, рты разинули, не верим своим глазам. Враги, немцы, фашисты — собирают для нас чернику! Я смотрю на их руки: у одного пальцы тонкие, длинные, в садах, у другого — заскорузлые, рабочие. Не звериные руки, а обычные, человеческие. У меня в голове всё перепуталось: как же так, нам же говорили, а они...

Они набрали нам корзинки почти до верха. Потом тот, что с перевязанной рукой, выпрямился, посмотрел на меня и улыбнулся — и такая у него была усталая, добрая улыбка, что у меня страх потихоньку отпускать начал. Он полез в карман своей гимнастёрки, долго там шарил, а потом достал... сахар! Завёрнутые в серую бумажку кусочки, знаешь, такие белые, твёрдые, довоенные, наверное, берегли для себя. Он развернул бумажку, аккуратно взял эти кусочки и каждому из нас положил прямо в ладошку — по три штучки.

— Берите, берите, — сказал он по-русски, но с таким смешным акцентом, что мы с Зинкой даже хихикнули от неожиданности. — Маленький подарок. Черника сладкая, а с сахаром ещё слаще.

Баба Нина смотрит на меня, и глаза у неё влажные.

— Представляешь? Он по-русски умел, хоть и с трудом. И этот сахар... Я потом много раз думала: откуда он у них? Может, последний был? Может, самим не хватало, а они нам отдали. Просто так, двум чужим девчонкам в лесу.

Она вздохнула, перевела дух.

— Потом они оба закивали, заулыбались, погладили нас по головам — я даже дёрнуться не успела, а прикосновения были лёгкие, осторожные, как у своих. Развернулись и ушли обратно в лес, туда, откуда пришли. Тихо так ушли, будто их и не было. Только ветки качнулись.

Мы с Зинкой долго стояли, молчали. Потом я посмотрела на свою корзинку — полная, даже с горкой. На сахар в ладони посмотрела — он на солнце поблёскивал, такой красивый, белый. И вдруг как заревели! Обе в голос. Не от страха уже, а от всего сразу: от облегчения, от неожиданности, от того, что доброта пришла оттуда, откуда её совсем не ждали.

— А потом мы бежали, — продолжает баба Нина, вытирая глаза платком, но улыбаясь. — Со всех ног домой, через лес, через овраги, корзинки прижимали к себе, сахар в кулаках зажали так, что он потом растаял почти. Прибежали, Зинка сразу к себе, я к себе. Мамка увидела меня всю в слезах, перепугалась: «Что случилось, доченька? Обидел кто?» А я ей корзинку показываю, сахар разжимаю и сквозь рыдания рассказываю: «Немцы, мама, немцы в лесу, они чернику собирали и сахар дали!» Мамка сначала не поверила, думала, я придумываю или брежу со страху. А я сахар на стол выложила — три кусочка, немножко подтаявшие, но настоящие.

Она замолчала, и в тишине было слышно, как стрекочут кузнечики в траве.

— Мамка долго смотрела на эти кусочки, потом перекрестилась и сказала: «Значит, и среди них люди есть. Не все звери. Запомни это, дочка. На всю жизнь запомни. Война — это одно, а человек — это другое». И я запомнила.

Баба Нина посмотрела на меня, и в её глазах, выцветших от времени, стоял тот самый свет, который я так в ней люблю.

— Я потом часто думала: вот они, солдаты вражеской армии, раненые, может, сами голодные, может, последние силы теряют, а нашли в себе улыбнуться детям, остановиться, помочь, поделиться тем, что есть. Не просто не тронули — обласкали почти. И ведь понимали, что мы для них — чужие, что языком не владем, что боимся до смерти. А они по-человечески поступили. По-простому.

Она помолчала, погладила старенький фартук.

— Война войной, а человек человеком остаётся. Я всю жизнь это помню. И когда слышу, как про немцев или про кого другого говорят: «Все они такие», — я всегда вспоминаю тех двоих в серой форме. С перевязанными руками, с усталыми глазами, с добрыми улыбками. Они для меня — напоминание, что зло оно не в национальности, не в форме, не в языке. Зло — оно в душе, если душа чёрствая. А доброта — она без паспорта. Она везде прорастёт, как черника на лесной поляне.

Она снова улыбнулась, и морщинки собрались лучиками.

— Эти двое, не знаю, выжили ли они, дошли ли до своих, вернулись ли домой. Но я им до сих пор благодарна. За то, что не дали моему детскому сердцу ожесточиться. За то, что показали: даже в самые страшные времена можно остаться человеком. И за сахар тот. Сладкий был, не забыть. Вкуснее в жизни не ела. Наверное, потому что со слезами смешался и с добротой.

Я сидела и смотрела на эту удивительную женщину. На её руки, тонкие, с выступающими венами, которые пережили войну, голод, потери, но остались тёплыми и открытыми для каждого. На её глаза, которые видели столько страшного, но сохранили способность светиться. На её улыбку, которая согревает всех вокруг, несмотря на возраст и болезни.

И думала: вот на кого я хочу быть похожей в старости. Чтобы так же встречать каждого с распростёртыми объятиями. Чтобы так же верить в людей, несмотря ни на что. Чтобы так же помнить, что даже в самый страшный час, даже в лесу, даже оттуда,

откуда ждёшь только смерти, можно встретить тех, кто подарит тебе три кусочка сахара, полную корзинку черники и надежду на то, что мир на самом деле не делится на чёрное и белое. Он разноцветный. И человечность есть везде. Нужно только не закрывать глаза и не дать страху застелить сердце.

— Баба Нина, — спросила я тихо, — а вы Зинку потом видели? Помните её?

— Ой, дочка, — вздохнула она. — Зинка моя через два года после войны в город уехала, в Горький, вышла замуж, редко приезжала. А потом и вовсе потерялись. Но я её всю жизнь помню. И тот день, и как мы вместе ревели на поляне, и как сахар этот ели, по кусочку, растягивали удовольствие. Хорошая была подружка. И память у нас с ней общая — на двоих. Думаю, она тоже всю жизнь тех немцев вспоминала. И добрым словом, и молитвой, может быть. Ведь они нам жизнь подарили. Не тронули. А могли ведь...

Она замолчала, и мы долго сидели в тишине, глядя, как солнце садится за Оку, окрашивая небо в нежно-розовый цвет. Где-то залаяла собака, заскрипела калитка у соседей, запахло вечерней сыростью и цветущим табаком.

— Вот так, дочка, — сказала наконец баба Нина. — Жизнь... она сложная, но в ней всегда есть место чуду. Даже в лесу, даже в войну, даже когда ждёшь смерти, а получаешь чернику и сахар. И ты запомни: никогда не дели людей на «наших» и «не наших» по одежке или языку. Сердце у всех одно. И доброта — она без паспорта. А зло... зло оно от беды и от боли, а не от того, что человек родился не в той стране.

Она поднялась, кряхтя, опираясь на палку, и посмотрела на меня сверху вниз с той особенной, бабушкиной нежностью.

— Приходи завтра, я пирогов с черникой напеку. Как раз ягода в этом году уродилась, помнишь, мы вместе собирали? И тот сахарный вкус вспомним. Только без слёз, ладно? Всё уже прошло. А добро осталось.

Добрые традиции в Кротовке

7 февраля 2026 г. завершился II Открытый Фестиваль-конкурс литературы и культуры «Добрые традиции». Закрытие Фестиваля-конкурса проходило в культурно-досуговом центре сельского поселения Кротовка, Кинель-Черкасского района Самарской области.

На Фестивале-конкурсе были представлены работы участников литературного конкурса в двух детских поэтических номинациях (8-13 лет и 14-17 лет) и трёх номинациях для участников старше 18 лет (поэзия, малая проза и прозаическая миниатюра). В фестивале принимали участие начинающие и опытные литераторы. География фестиваля растёт и охватывает всё больше: на суд жюри были представлены более 90 произведений из 33-х городов России — от Санкт-Петербурга до Магадана и Владивостока. Среди участников было много сильных авторов, и членам жюри приходилось не просто принимать решение, когда кто-то из участников набирал равное число баллов. В номинации «Малая проза — старше 18 лет» многие участники получили очень высокие баллы, а стихи Надежды Супруновой из Екатеринбурга (Лауреат 1 степени) приятно удивили.

Церемония награждения победителей и финалистов прошла в торжественной обстановке. В течение всего мероприятия со сцены победители читали стихи, звучали песни в исполнении Фёдоровой Марии, а также зрителям были представлены номера

*Вдохновитель и организатор
Фестиваля-конкурса «Добрые традиции»
Юрий Быков*

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

хореографических коллективов «Смайлики», «Солнышки» и «Искорки».

Отдельно благодарю за помощь в организации и проведении Фестиваля-конкурса литературы и культуры «Добрые традиции» главу сельского поселения Кротовка А.Н. Данильцеву, директора ГБОУ СОШ «ОЦ» с.п. Кротовка Л.Н. Гарееву, а также работников МБУ КДЦ с.п. Кротовка под руководством Г.И. Гончаровой — Т.Н. Апаликову, Д.С. Чернову, Е.В. Самсонову, А.Д. Чувилкину.

II Фестиваль-конкурс литературы и культуры «Добрые традиции» прошёл на высоком уровне и собрал много сильных авторов из разных городов и населённых пунктов нашей страны. Фестиваль проходил без лонг- и шорт-листов, число финалистов было ограничено. Жюри судило строго и непредвзято. В итоге прошли в финал и стали лауреатами очень сильные авторы.

Для журнала «Русское эхо» жюри Фестиваля-конкурса представляет лучшие литературные работы победителей и лауреатов.

Юрий Быков

*Зрители и участники заключительного мероприятия
Фестиваля-конкурса «Добрые традиции»*

Надежда Супрунова

г. Екатеринбург

Гематома

Макушка церкви как нательный крест —
Стоять внизу, смотреть и вдруг заплакать.
Ты думала, что жить не надоест,
Что смерть не ждут — ты думала. Однако

На небе, одиноком и пустом,
Заката разливалась гематома,
Ты шла под аркой, деревом, мостом,
Вдоль дома, дома, дома, дома, дома,

Высоток, круглых, будто бигуди,
Киоска шаурмы, универсама.
И горечь, затвердевшая в груди,
Сбивала ритм дыхания и шага.

Пин-код

Режет рельсов полоса
Параллельно оба края.
Сжался мир до колеса
Жёлто-красного трамвая.

Наш вагон ушёл пустой:
Ты не сел — и я не села.
Ты на этой — я на той
Стороне. А я хотела

Ехать. Впрочем всё равно —
Я сама не понимаю:
У меня внутри одно,
А снаружи я немаю.

Я сжимаюсь до кольца,
До нуля в твоём пин-коде.
А у Бога нет лица,
Но твоё ему подходит.

Скрежет

Небо будет светло-серым —
Утро, около шести —
Скрипнет створка шифоньера,
Что века в себя вместил,

Зазвенит кольцо трамвая,
Двери выплюнут людей,
Сквозь карманы заиграют
Телефоны всех мастей.

Крики, слёзы, дети, мамы,
Остановка, магазин,
Из динамиков — реклама,
Гул моторов, шорох шин,

Скрежет, визг дверей
железных —
Всё неслышным станет мне.
Больше нет меня. Исчезла
В невозвратной тишине.

Наталья Колмогорова

ст. Клявлино, Самарская обл.

Мужество

Я, мама, не родился храбрым,
Про смелость в книгах лишь
читал

И под высоким сводом храма
Не так уж часто и бывал.

Но для меня всегда примером
Был подвиг деда на войне...
На СВО, одним из первых,
Ушёл по огненной стерне.

Здесь, что Андрей —
то Первозванный,
Здесь каждый знает, смерти —
нет!
И крест нательный
православный
Не раз спасал меня от бед...

Да, мы держали оборону
Сегодня утром, за грядой,
Я обнаружил в небе дроны
И с командиром принял бой...

Семья, работа, дом, рутина —
Я не был в жизни храбрецом,
Но жизнь спасал я командиру,
Когда ударил дрон свинцом.

А жизнь, она бесценна —
точно!

Вдруг слышу, рядом —
шорох крыл...

Уйду за радугу досрочно —
Как жаль, жену не долюбил!

Мы с младшим сыном
так похожи,
Со старшим тоже сходство есть.
Мальчишки!
Знайте, что дороже
Всех благ —
достоинство и честь!

А у жены, как небо, сини
Глаза и очень добрый взгляд...
По всем, погибшим за Россию,
Пусть литургию отзвонят.

И вы две жизни проживите,
Товарищ старший командир,
А я теперь небесный житель,
Прощай, огромный бранный
мир!

В садах здесь утопают храмы,
И небо — цвета «фиолет»...
Твой сын всегда был храбрым,
мама,
Как не пришедший с фронта
дед.

Группа крови

Пью вино без закуски я,
Не пьянею... Это — не в счёт.
Группа крови «пятая русская»
В моих жилах течёт.

Звёзды в небе — моллюски,
А луна — белый кит,
И с рожденья, по-русски,
Бог со мной говорит.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

Шрам в душе заскорузлый
От вестей и тревог,
Бог мне пишет по-русски:
— Возвращайся, сынок!

Колошматят по кровле
Сводки злых новостей...
Группа пятая крови
С каждым днём всё сильнее!

Группа пятая крови
Широка, как река,

И сплелись наши корни
Меж собой в ДНК.

Наша жизнь — это ребус,
Странный сон наяву,
Отрицательный резус
У меня на войну.

Но я рядом с ребятами,
Там, где дрон щерит пасть,
Кровь — та самая, пятая,
Не даёт нам упасть...

Кристина Иванова

г. Юнокоммунаровск, ДНР

Меланхоличная

Шумит родная улица густой листвой
нестриженной черёмухи и белых яблонь.
Спины не разгибая, призрачный забор
поклоны, будто в реверансе, отбивает
тому, кто помнит краску на его щеках,
чья память соткана из самых светлых нитей...
И сердце плачет от наитий до наитий
рабыни божьей в целомудренных летах.

Вот шаг остановился у живых картин —
полотен сельской жизни на холстах убогих:
щекочет пятки низким облакам люпин,
и вишни окунают в буйство красок ноги.
Пустые окна как глаза слепых старух.
В них страшно посмотреть, ещё страшней смириться,
что их хозяева домой, как с юга птица,
не возвратились после выпавших разлук.

Ни магазина, ни часовни. Тишь и глушь.
Разорванную цепь уныло пёс волочит.
И с каждым взглядом я всё больше дорожу
уже не тем, но всё же светлым домом отчим.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

С него и начиналась Родина моя.
Пшеничные поля, акаций белых стражи...
Советская открытка снова в руки ляжет,
и встанет пред глазами прежняя семья.

И до мурашек по спине тоска пронзит
лучами проклятой луны оконный ставень,
и сад черёмухой расплачется навзрыд,
как будто ждёт, что я его от мук избавлю.
А я уеду завтра в город, где трамвай
не видел Родины моей меланхоличной,
с деревьев, без заботы дольше, чем обычно,
лишь пару веток над калиткой обломав.

Счастье — это печь на завтрак для детей блины

Неяркий свет зари туманами разбавлен вновь,
Мне холодно в погруженной квартире в затяжную осень.
И Пресвятую Богородицу душа о солнце просит,
А вместо магазинного печенья хочется блинов.

Плита — как в деревенском доме старенькая печь,
Мука — как снег, вода — как из колодца, тесто —
как у мамы...

И утреннему звону колоколен разливаться рано,
И я себе позволю вспомнить детство и напечь

Горячих блинчиков, коль кухней Бог не обделил,
В запасе есть и время, и возможность, и на месте руки,
И сыновья ещё так сладко спят, и котик вислоухий
На подоконнике разлёгся набираться сил.

И что мои заботы? Так должно и быть. Всегда.
За здоровье родных и близких у икон свечу поставлю.
Моя любовь не измеряется блинами, но я знаю,
Она в нажаренных блинах и чашке молока.

И что ни осень, как деревья ни обнажены,
На кухне снова будет пахнуть тёплым мёдом и сметаной,
И большего от Господа просить я никогда не стану,
Ведь счастье — это печь на завтрак для детей блины.

Андрей Пучков

г. Сосновоборск, Красноярский край

Знамя

На первый взгляд, это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребята, играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако временами начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но дело не в этом — мало ли, как бывает. Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычно то, что они иногда замирали на месте и начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если, не дай бог, в это время где-то раздавался громкий звук, неважно, какого происхождения, они, как по команде, срывались с места и бежали к подвалу.

Поначалу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Все они круглые сироты. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго.

Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но ничего не вышло. Каким-то непостижимым образом вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше между собой не встречались. Из двенадцати детей только трое знали друг друга — их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, обнаруженными в разрушенном неподалёку магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого мне пришлось выделить для них отдельное помещение и создать семью, состоящую только из этих ребят. Но самым кошмарным оказалось то, что на ночь они забирались спать под кровати.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с ног сбились, пытаясь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале...

В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — откликнулся я и негромко добавил: — Не заперто.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! — впрорхнула в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. — Алексей Николаевич, баба Надя... простите, Надежда Ефимовна, — смущённо поправились она, — просит, чтобы мы сегодня разрешили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с Мариупольской группой...

— Присаживайтесь, Вера Андреевна, — кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница присядет и спросил: — И о чём же она собирается с детьми говорить?

— Я не знаю. Она не сказала, — растерянно пожала плечами Верочка. — Она давно работает, может, у неё получится как-то повлиять на них?..

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии.

— Ну, что же, пускай попробует, — согласился я.

— Так, хорошие мои! — раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади. — Давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж, и зашкрипели кровати.

— Ну, вот, вижу, разместились, — довольно проговорила баба Надя и вдруг со смешинкой в голосе добавила: — Осталось только нашего уважаемого директора позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не будете против, если он вместе с вами послушает?

Чертыхнувшись про себя, я толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного — девятилетнего Стёпки, он, накупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задибался со всеми, даже с мальчишками, которые старше его и явно сильнее. Но больше всего почему-то доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

— Я не знаю, правда это или нет, — между тем начала баба Надя, — случилось это на самом деле или придумал кто, но, скажут, что произошло это в вашем городе...

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях сверток.

— А чего произошло-то? — спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

— Чего, чего... — ехидно передразнил девочку Стёпка. — А то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

— Да, дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали волтузить их так, что только пух и перья летели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом и зашли в этот подвал...

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом тяжело вздохнула:

— Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины, и старики, и детки малые. Обрадовался самый главный нацик. Некому заступиться за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить. Приказал он своим солдатам, убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно...

Баба Надя замолчала и опять погладила лежащий на коленях сверток.

В комнате стояла тишина. Дети, открыв рты, замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Стёпка:

— Они же их не убили? — хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил: — Не убили ведь?.. Правда?!

Баба Надя, словно не слыша вопроса, продолжила:

— Увидели нацики полотно и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех! Всех!.. Никого не щадить!..» И начали они стрелять!.. Но ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от него и летели обратно, поражая их самих.

Долго стреляли они. Уже целая гора тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину... Не удержала она полотно... Выпустила его из ослабевших рук...

— Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! — прошептала Светик и закрыла рот ладошками.

— Нет, солнышко моё, — улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове. — Не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! — кивнула она Стёпке. — И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! — повторила она, возвысив голос. — И закрыл людей!

И опять закричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что, если не справится, выпустит его из рук, защитить людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям, и бросил в мальчика бомбу...

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлипнула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

— Не повезло главному нацику! Глупым он оказался и дурным! — вздохнула она. — Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось ...

Светик некоторое время смотрела на воспитательницу широко открытыми глазами, а потом засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати.

— Это неправда! — раздался вдруг Стёпкин голос. — Бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату кинул...

— Не знаю, хороший мой, может, и гранату, — грустно улыбнулась баба Надя, — не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги-ка мне вот это к стене прикрепить, — и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, с нарисованной в верхнем углу звездой.

— А я знаю, что это! — сказал вдруг Стёпка и провёл рукой по красному полотну. — Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

— Он ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. — прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. — Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у вас? А кто вам его дал?..

— Да, это оно, — засмеялась баба Надя, — а на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети, сами, во главе со Стёпкой, приколотили знамя кнопками к стене рядом с дверью и разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка, впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности.

Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в Мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Всё оказалось просто. Им нужна была защита, и баба Надя дала им эту защиту. Защиту, которая не только отражала нападение, но и могла уничтожить саму опасность.

Конечно, дети понимали, что простая ткань не может удерживать пулю. Но для них это знание не являлось определяющим. Всю свою сознательную жизнь они хотели жить в безопасности, и, как только им предложили её символ, они приняли его сразу же, безоговорочно. Ухватились за него как за спасательный круг.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

И, кроме того, баба Надя, словно подсмеиваясь над нашими специальными познаниями в области детской психологии, несколькими словами из ошестинившегося зверька сотворила защитника.

Я почему-то уверен в том, что Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Не сможет! Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Несложно догадаться, о чём баба Надя завтра будет рассказывать детям — о великой стране, одержавшей победу в грандиозной битве с чёрной силой. И о красном знамени, водружённом над логовом побеждённого зверя! Знамени, которое по прошествии стольких лет продолжает оберегать людей от зла.

Прорыв

Они подходят к микрофону и говорят. Кто-то говорит громко, проникновенным голосом. Кто-то, напротив, почти кричит, и в гневе сжимает кулаки. Они говорят для меня, для нас. С ними согласны все, кто здесь находится. Это заметно по лицам людей. Правильно они говорят. У меня такие же мысли.

Я стою неподвижно. Стою и слушаю. Я здесь не один, нас много! Такие же как я, стоят слева и справа от меня. Это мои друзья! Нет!.. Они не друзья, братья они мне. Родные братья! Мы одна семья. Они воины. Мы все воины. Мы рождены для битвы. Мы учились этому.

И вот время пришло!.. Родной земле понадобились наши силы и умения. Она обратилась к нам за помощью, и мы пришли. Мы не могли не прийти! Мы!.. Кровь от крови своей земли. Плоть от плоти её! Мы её дети!.. Мы всегда будем с ней, даже когда время для нас остановится.

Дана команда — и всё пришло в движение. И я услышал своё сердце. Оно грохочет и рвётся туда, где идёт бой. Где снаряды швыряют вверх раскалённые тонны земли и свистят пули. Где воздух пропитан горечью дыма. Где перестаёт быть всё живое. Где умирают деревья... Где погибают люди.

Мне не страшно. Мы сильные. Я сильный! Земля, из которой я вышел, дала мне эту силу.

Мы идём, пядь за пядью освобождая от чумы фашизма города, сёла, поля и реки, где его вдумчиво и заботливо возвращали враги рода человеческого. У них получилось. Они вновь выпустили зверя на волю и теперь смотрят, как он пожирает всё

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

живое! У них короткая память. Они забыли, что этого монстра приручить невозможно. Он, в конце концов, пожрёт и своих создателей. Пожрёт, если мы его не остановим.

Мы идём через разрушенные города и горящие деревни. Через покрытые оспенными воронками поля и уничтоженные сады. Через разрушенные колодцы и затоптанные родники.

Мы идём, спасая жизни людей и души заблудших врагов.

Мы идём!..

Мы идём через жару и пыль. Через дожди и грязь. Через мороз и снега.

Мы знаем, что за нашей спиной возрождаются города и смеются дети. Значит, правда на нашей стороне! Значит, мы всё делаем правильно!

Мы идём, теряя братьев и сестёр.

Я вижу, как, склонив головы, плачут солдаты. Они неумело вытирают слёзы... Это страшно, когда плачут настоящие мужчины. На это не надо смотреть. Но я смотрю. Смотрю, чтобы запомнить, чтобы это врезалось в меня снарядами осколками. Они не должны давать мне покоя. Раны от них должны болеть всегда! Болеть за погибших воинов, за женщин, за стариков. За наших мадонн!.. За убитых ангелов!.. За детей наших!.. За растоптанную веру!

Я не умею плакать. Плачу вместе с дождём, и слёзы-капли смывают с меня кровь моего брата. Я вижу, как ему закрывают глаза. Он остаётся... Прости брат!.. Прости, что не уберёг тебя!.. Ты навсегда останешься со мной. Я никогда не забуду тепло твоих ладоней. Не забуду твой голос. Не забуду, как ты говорил мне: «Не подведи, родной...»

Он остаётся... А нам надо вперёд!.. Только вперёд!.. Мы ещё не закончили свою работу. Где-то там впереди, по нашей земле ползают, разрушая храмы и сжигая книги, возрождённые из небытия звери-крестоносцы!

Но им недолго осталось топтать наши нивы! Я знаю, где они. Я открыл на них охоту!

Бойтесь, твари! Я уже рядом. Я пришёл!

Я, русский танк Прорыв!

Игорь Кощеев

г. Магадан

Купол красного цвета

Маме было 17, когда появился я.

Даже в 2025 подобное воспринимается обществом неоднозначно.

А в тот год, когда мой первый крик пронзил пространство над далёким северным городом, это считалось поводом для всеобщего осуждения и общественного порицания аморального поведения комсомолки.

Год, надо признать, был знаменательный: Нил Армстронг сделал на Луне свой маленький шаг, Вудсток похоронил эпоху хиппи, в Калифорнии родился интернет...

А в Магадане, как вы догадались, — я.

Но бравому астронавту Армстронгу, Детям Цветов, штату Калифорния, да и всему остальному миру, на это было глубоко до лампочки.

Я не спрашивал, а мама не делилась обстоятельствами моего появления. Знаю только, что аборт она делать отказалась. Причитали и уговаривали все. Моя бабушка, старшие сёстры, их мужья и даже мамы подружки.

Папа мой при рождении с горизонта не исчез и как честный советский солдат женился. Был он приезжим, которого судьба забросила с Урала на Крайний Север посредством всеобщей воинской обязанности. Во время отдачи священного долга он познакомился с моей мамой. И, толком не отдав один, умудрился влезть в следующий. Советские принципы воспитания, моральный облик гражданина СССР и разговор с замполитом воинской части сделали своё дело — мама с папой поженились. Но ненадолго.

Когда мне исполнилось три, мы остались с мамой вдвоём. Точнее, втроём: я, мама и бабушка.

Бабушка прошла войну от Ленинграда до Варшавы. Несколько боевых наград, в том числе медаль «За боевые заслуги», полученных старшим сержантом Захаровой, говорили о многом в характере этой стопроцентно советской женщины. После войны она с мужем, с которым познакомилась на фронте, абсолютно добровольно, по комсомольской путёвке приехали на Колыму. Дед работал инженером на прииске и за несколько лет до мо-

его рождения погиб при взрыве в шахте. В сорок лет бабушка осталась одна с тремя дочерьми, среди которых моя мама была самая младшая.

После развода мама устроилась на две работы, чтобы как можно больше не зависеть от бабушки. И как можно меньше думать о том, что ей только-только исполнилось 20, а она уже разведена и с ребёнком. Я был сослан в круглосуточный садик, в который детей сдавали по понедельникам, а забирали в пятницу.

В субботу, словно пытаясь искупить свою вину за то, что мы не виделись почти неделю, она брала меня за руку, и мы гуляли по городу.

Во время одной из таких прогулок мы наткнулись на скромную табличку рядом с неприметным входом в подвал сталинского дома: «Спортивный парашютный клуб «Полёт» при магаданском отделении ДОСААФ РСФСР».

Мы остановились. Когда тебе 20, мозг работает быстрее любой ЭВМ:

— А почему бы и нет? — мама сделала шаг в подвал.

Вы бывали в подвалах сталинок? Это не убогие подземелья хрущёвок. Потолки в таких подвалах повыше, чем во многих современных квартирах. И различных кружков и клубов в советское время в таких подвалах располагалось множество.

По коридору, вымощенному метлахской плиткой, мы дошли до нужной двери.

— Здравствуйте, вы девушек принимаете?

— Света, не занимайся ерундой, — реакция бабушки была бесхитростна.

— Мама, всего два занятия в неделю, одно в среду, когда Игорь в садике, и одно в воскресенье. Надо, чтобы ты посидела с ним лишь два часа.

— Нет. Нет. И ещё раз нет.

— Хорошо, я попрошу Люду (одна из маминых сестёр жила недалеко).

Люда оказалась ещё бесхитростнее:

— Дура ты! Отца сыну ищи, а не с парашютами прыгай!

В ближайшее воскресенье мы шагали к клубу вдвоём. На мне была будёновка, которую мама для меня сшила из старой дедовской гимнастёрки. Я обожал этот атрибут своего гардероба и на

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

прогулку выходил исключительно в нём. Мы прошли по знакомому маршруту и спустились в подвал.

— Здравствуйте, мне сына не с кем оставить, можно он здесь тихонько посидит?

— Что, красноармеец, сколько лет-то тебе? — спросил меня большой дядечка.

Я показал пальчиками свой возраст.

— Тоже хочешь с парашютом прыгать?

Я утвердительно мотнул головой.

Парашютное братство приняло меня, как сына полка. Молодые, крепкие парни по очереди подбрасывали меня к потолку и говорили, что из меня обязательно вырастет настоящий чемпион. Ты же в будёновке!

Мамины тренировки начались.

Родственники постепенно свыклись с необычным увлечением. Бабушка даже согласилась посидеть со мной, когда была сдача первых нормативов.

На одной из тренировок руководитель объявил, что клуб получил разрешение на проведение соревнований по прыжкам на воду. Их приурочили ко Дню ВМФ.

Праздник этот в городе в то время отмечался широко: с концертами на площади, массовыми гуляниями, проходом военных катеров акватории бухты.

Но для допуска новичкам нужно совершить ещё один прыжок, который будет проводиться совместно с Сусуманским клубом. До Сусумана 600 км по трассе, которая заасфальтирована только первые 50 км от города, а дальше — гравийка. Полтысячи км в досаафовской буханке по такой дороге — ерунда для жаждущих жизни молодых советских ребят. Доехали чуть измотанные тряской и дорожной пылью, но задорные.

За пару минут до первого десантирования изменился ветер.

Мама привычно шагнула в дверной проём «Аннушки». Как только хлопок раскрывшегося купола ударил по ушам, сразу поняла, что приземление будет совсем не в заданной точке. Её сносило в сторону, на сопку, и как она не старалась, но перенаправить траекторию у неё не получалось.

Верхушки колымских сопок — мох, мелкая растительность и скальник.

Приземлялась мама точно по инструкции приземления при сильном ветре: коснувшись земли, упала на бок, сделала перекат, приподнялась, попыталась ухватить нижние стропы, чтобы

подтянуть их и погасить купол. Но резкий порыв ветра распластал её на вершине.

Она быстро поднялась, многократно тренированным движением завела руку вокруг строп и снова попыталась их подтянуть. Но, видимо, поездка в буханке всё-таки подействовала — стропы превратились в стальные канаты. Притянуть их даже на несколько сантиметров стало — что пришвартовать вручную океанский лайнер. Ветер резко поменял направление. Маму развернуло, она пыталась найти упор ногами, но её волокло по склону. Попыталась задействовать замок быстрого отстёгивания, но и он не поддавался: то ли заклинило от песка, то ли не хватало сил отжать затвор.

Ветер швырял её по всей верхушке сопки и игрался, как ребёнок играет привязанным за нитку клочком бумаги, когда дразнит котёнка. Рот забился крупным песком от разрушенного скальника, ягелем и листьями брусничника.

Кто-то из подоспевших ребят перерезал стропы. Мама присела на ближайший булыжник и осмотрела себя: разодранные на лоскуты штаны, рукава куртки свисают ошмётками, ладони — словно преступница пыталась избавиться от папиллярных линий.

Её трясло, но она ощущала себя победителем.

В город вернулись в три часа ночи. Мама надеялась, что бабушка спит и будет возможность незаметно проскочить в ванную, чтобы хоть немножко привести себя в порядок.

Мы с бабушкой вместе ждали маму на кухне.

Услышали, как проворачивается ключ в замке.

— Мама, выйди сюда, пожалуйста, — раздалось из тёмного коридора.

Свет она не включила.

Бабушка прошла в коридор. Через минуту я был отправлен спать в дальнюю комнату. Спать не хотелось, я слышал обрывки приглушённого разговора. Из доносившихся бабушкиных криков шёпотом я понял, что мама сможет прыгать только через мёртвую бабушку. А со стороны мамы — что если бабушка не разрешит, то мама со мной переедет жить в клуб.

Я любил бабушку и не хотел её смерти, но и в клубе я бы тоже не отказался пожить.

В комнату вошла мама, легла рядом. Она чувствовала, что я не сплю, прижалась:

— Игорёш, скоро праздник. Скажи, ты хочешь, чтобы я прыгнула?

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

С высоты бухта выглядела настолько маленькой, что казалось: если прыгнуть в неё с самолёта, то запросто можно промахнуться и приводниться где-нибудь в открытом море. Как в бассейне, когда ты впервые поднялся на десятиметровую вышку. Кажется, что, прыгнув, можно не попасть и шлёпнутся на пол рядом.

Внизу посреди бухты мечутся маленькие точки катеров, которые будут подбирать приводнившихся парашютистов. А на берегу — тысячи и тысячи крошечных фигурок.словно все жители города собрались посмотреть на твой прыжок.

Господи, сколько же их там!

Комок в горле от понимания, что этот момент останется с ней навсегда.

Счастье есть!

Горожане заполняли склон берега. Сидели на песке, на траве, на газетах.

Ведущий мероприятия через мегафон рассказывал о славном пути нашего ВМФ, начиная с ботика Петра I.

Мы пришли всей семьёй и тоже расположились на берегу: бабушка, мамины сёстры, их мужья и мои двоюродные братья.

«Кукурузник» появился неожиданно. Низко пролетел над берегом, сделал круг над бухтой и взмыл вверх.

Одна за другой из него начали выпадать малюсенькие фигурки, над которыми через секунду раскрывался цветной купол. Синий, зелёный... Мама предупредила — сегодня у неё красный.

Когда раскрылся красный, я подскочил и закричал на всю бухту: «Смотрите, это моя мама!»

Ведущий, видимо, был предупреждён о цветовой дифференциации куполов:

— Единственная девушка-парашютист нашего города Светлана. Она недавно начала заниматься в клубе, но уже достигла отличных результатов. Давайте все дружно поприветствуем нашу смелую героиню.

Я помню, как огромная масса людей, облепивших берег, начала подниматься со своих мест и сначала вразнобой, но постепенно ловя общий ритм, всё более слаженно стала аплодировать. Моя бабушка, тётки, дяди, мои двоюродные братья с удивлением смотрели на сотни людей, которые окружали нас и аплодировали моей маме.

Вы скажете, невозможно, чтобы ребёнок в три с половиной года помнил событие в таких подробностях. Что-то потом мне

рассказывала бабушка. Что-то — мама. Но я, как вчера, помню ту бескрайнюю гордость, охватившую моё маленькое сердечко, когда я видел опускавшийся в море купол красного цвета с маленьким парашютистом.

И восхищённые лица сотен горожан, которые аплодировали стоя, пока красный купол медленно опускался к воде.

Я заворуженно смотрел и знал, что, когда вырасту, обязательно стану самым лучшим парашютистом в мире и мы с мамой обязательно будем вместе прыгать каждое воскресенье.

P.S. Полгода назад мне исполнилось пятьдесят. Я так и не прыгнул.

Мамуль, ты крутая!

Оксана Аншукова

г. Москва

Сашино утро

Саша закопалась в одеяло, укутала ноги, окуклилась. Голова утонула в мягкой подушке. Хорошо, тепло, уютно. Рождество. Ёлка уже три недели наполняет дом хвойным духом. Саша каждый вечер чистит мандарины, в основном для того, чтобы запах кожицы напоминал о празднике. Муж уже наелся и сошёл с дистанции, а Полина за свои четыре года не притронулась ни к одному. Вот и ест их Саша в одиночку.

И если бы только мандарины... Дочка вообще ничего не ест, кроме гречки и яблок. Из напитков жалуется только чай. В глаза не смотрит, не улыбается. Не показывает пальчиком. С этого всё и началось. Саша провела указательным по ранке на ладони: порезалась, пока заворачивала подарок для Поли, кукольный сервиз, в гляцевую золотую бумагу. Ранке не больно, а Саше больно. Оттого, что дочка, наверное, и не заметит, как тонкие сиреневые блюдца похожи на настоящие, фарфоровые, да и вообще не смекнёт, что это блюдца. А новенькую детскую кухню будет использовать как подставку, чтобы дотянуться до верхней полки шкафа и что-нибудь оттуда сбросить. Как Саша ни старается, Поля ни в какую не хочет играть в куклы. В лучшем случае отрывает ресницы да выковыривает пищащий «мама-мама» механизм. Заветное «мама» Саша слышит разве что от кукол... Но она старается. Покупает самые необыкновенные

игрушки, уморительно мычит за корову, гавкает за песика, воем за злого волка. Муж смеётся: «Соседей перепугаешь!» — спасибо ему, что смеется. Смех в их доме затих пару лет назад, когда врачи стали задумчиво хмуриться и прописывать препараты «для развития». Ещё пару месяцев попейте, «подтолкнём», и «запустится». Наверняка.

А растёт Поля быстро-быстро, и вообще, «девочка редкой красоты», как говорят бабушки-соседки по подъезду и уборщицы в поликлинике. Только вчера была пищащим комочком, и вот опять малы недавно купленные платья и туфельки. Вчера, когда дочка наконец заснула, Саша собрала почти не ношенные вещи, а заодно гору игрушек, и сегодня утром отнесла в церковь по соседству. В конце концов, игрушки созданы для того, чтобы в них играли. Пусть играют.

Каждый вечер перед сном Саша благодарит Бога за всё хорошее и просит милости. И малости — чтобы Поля заговорила. Или хотя бы заиграла. Чтобы перестала швырять вещи. Чтобы улыбалась. Чтобы не убегала на улице и с ней можно было бы гулять за ручку. Ответа нет, но Саша просит...

Вот и сейчас она бормотала свои привычные чаяния, пока не провалилась в нежную темень одеял, пока не улетела к центру Земли.

Утро ворвалось громким смехом. Саша подпрыгнула, открыла глаза, сощурилась от солнца.

— А эту как зовут?

— Люся.

— А эту?

— Катя.

— А медведя?

— А медведя — мишка!

— Мишка-топтыжка? — голос мужа утонул в шорохе и смехе.

Кто это у нас дома с утра пораньше? Саша выбралась из кокона, накинула халат, заглянула в зал. Под ёлкой, в ворохе разтерзанной золотой бумаги, сидели муж и Поля — сверкающая, в бирюзовом праздничном платье, с огромным бантом в волосах. Как это он умудрился бант прицепить, дочка же не терпит на голове ни заколок, ни резинок... Стоп. Этот хриловатый незнакомый голос, что, её?

— Топтыжка, топтыжка! — визжала Поля.

— Как так? — шепнула Саша, опустившись рядом с ними на пол. Муж только глаза округлил, мол, сам не пойму.

Фестиваль-конкурс «Добрые традиции»

— Мама, мама! — крикнула дочка, вырвавшись из папиных объятий, обняла Сашу за шею, повалила на пол. Муж встал, отряхнул с колен еловые иголки:

— Ну, я завтрак приготовлю.

— И я сделаю завтрак! — Поля принялась копаться в новом кухонном гарнитуре. Саша погладила её по волосам, и дочка не поёжилась, как обычно.

— Поля, я пойду папе помогу...

Саша на обмякших ногах вышла в коридор. Вдруг стенка наклонилась и паркетные доски закружились перед глазами... Хлоп! Диванная пружина с басовитым звоном вытолкнула Сашу из постели в туманное утро. Темнота, потолок, окно. Метель. Повернула голову — муж спит.

Встала, умылась, сварила кофе. Заглянула в зал, к мохнатой ёлке и запечатанным подаркам. Села на пол, уставилась в батарею. «Господи, спасибо тебе за всё. Но за что ж ты так... зачем ты. Так».

В детской прогрохотало. Наверное, Поля залезла на стул и опрокинула коробку с пазлами. Саша привычно вскочила, рванулась в коридор, вбежала в комнату. Поля восседала на горе рассыпанных половинок и четвертинок — хрюшек, зайчиков, цыплят. Внимательно рассматривала розовый пороссячий пятячок. Саша опустилась рядом с дочкой, хотела машинально погладить по голове, но вспомнила и отдернула руку. Поля обернулась.

— А-а-а, — протянула ласково.

— А-а-а, моя хорошая, — улыбнулась Саша.

— А-а-ама. А-ма, — Поля ткнула в Сашу пальчиком и улыбнулась в ответ, — а-ма.

Галина Разбаева

г. Самара

Концерт на вокзале.

Великий мистификатор Фриц Крейслер

С парохода по трапу сходит молодой человек. Он выделяется из потока пассажиров не только своей яркой внешностью, но и тем, что не торопится, в отличие от суетящихся и толкающихся мужчин и женщин. А ещё — в его руках футляр, в котором

вместе с ним путешествует скрипка. Молодого человека зовут Фриц Крейслер. Он возвращается из Америки, где давал сольные концерты. Успех окрылил его. Он направляется в Австрию, чтобы, наконец, покорить и её столицу — непокорную и ветреную Вену, вечно сомневающуюся в своих соотечественниках. Но до Австрии на пути артиста была Франция, где ему предстояло пробыть некоторое время.

Молодой человек не спешил, потому что его поезд, на который он решил пересесть для дальнейшего путешествия, должен прибыть на вокзал только через четыре часа. Вокзал и порт находятся рядом, и у молодого человека уйма времени. Конечно, его недостаточно, чтобы осмотреть город, но слишком много, чтобы торчать на вокзале в ожидании поезда.

Без труда добравшись до вокзала, Фриц вошёл в помещение и осмотрелся. Небольшой уютный зал вмещал несколько десятков человек, ожидающих своих поездов. Кто-то дремал, уютно устроившись на кресле и положив под голову шляпу, кто-то читал газету; путешествующие в компании непринуждённо общались. Вокзал жил своей жизнью.

Сидеть без дела Фриц не хотел. Ему пришла в голову неожиданная идея. Молодой человек нашёл два незанятых кресла: на одно из них он небрежно бросил плащ, на другое аккуратно положил футляр.

Музыкант достал скрипку, проверил её звучание и начал играть. На звуки скрипки, такие неожиданные в этом месте, сразу отреагировала вокзальная публика: прогуливающиеся внезапно остановили своё движение и развернулись в сторону звуков; сидящие на скамейках повернулись к музыканту и с любопытством стали прислушиваться и приглядываться. Постепенно вокруг молодого человека образовался круг. После первого произведения раздался аплодисменты.

— Что это за вещь? — спросил толстяк в цилиндре.

— Я исполнил Аллегретто Боккерини.

— Очень красивая пьеса, но я никогда не слыхала такой, хотя сама играю на скрипке и знаю много произведений Боккерини, — задумчиво произнесла немолодая дама в роскошной шляпе.

— Эту пьесу я разыскал в венской библиотеке. Она раньше никогда не звучала. Я сделал её транскрипцию.

— Маэстро, сыграйте что-нибудь ещё, — раздался голос из публики.

— Вивальди!

— Моцарта!

— Я сыграю вам неизвестную сонатину Тартини.

Концерт продолжался больше часа. Восторженная публика требовала все новых и новых произведений, а музыкант, почувствовав благодарных слушателей, музицировал, доставая из памяти неожиданные яркие сочинения.

В этот день ничего не подозревающая публика под видом сочинений Луиджи Боккерини, Луи Куперена, Антонио Вивальди, Джузеппе Тартини, Николо Порпора услышала сочинения самого Фрица Крейсlera, написанные в манере композиторов прошлого.

...Концерт закончился за несколько минут до прибытия поезда. Фриц, довольный реакцией публики, отправился покорять Вену. Теперь он точно знал, чем будет потчевать капризную венскую публику. В его композиторском багаже было немало подобных пьес. Обладая недюжинным воображением, Крейслер любил мыслью уноситься в прошлые века, примеряя на себя тот или иной музыкальный стиль, ощущая себя то одним, то другим композитором. Его исполнительский и композиторский опыт позволил без труда имитировать композиторские стили, приспособляя особенности музыки разных эпох к своим собственным сочинениям.

Музыкальный гений, поступивший в Венскую консерваторию в восьмилетнем возрасте и окончивший её через два года (единственный в истории случай!), взяв у своих учителей — Йозефа Хельмесбергера и Антона Брукнера — всё самое лучшее, отшлифовав полученные навыки в Парижской консерватории у блистательных Ламбера Жозефа Массара и Лео Делиба, Фриц Крейслер сделал (не сразу) блистательную карьеру, получив неофициальный титул «лучшего скрипача мира». Бурная творческая жизнь непревзойдённого скрипача и талантливого композитора будет всегда находиться под пристальным вниманием прессы.

Восхищаясь его непревзойдённым исполнительским талантом, журналисты будут разносить в пух и прах его «легковесные» сочинения, приводя в пример его же собственные творения, выдаваемые за неизвестные пьесы почти забытых мастеров прошлого.

Но однажды Крейслер решит поставить на место всех хулителей его сочинений. В одном интервью для уважаемой газеты он скажет с насмешкой, что всё, что только что слышали, и то, что с таким наслаждением ругали, и вальс «Прекрасный Розмарин», пьесу «Муки любви», «Китайский тамбурин», — принадлежит

одному и тому же человеку. О, это был грандиозный скандал! Впрочем на репутацию маэстро он не повлиял, но интереса к нему добавил. А когда репортёры на все лады стали упрекать композитора, он с гордостью ответил: «Кто слышал хотя бы одно произведение Пуньяни, Картье, Франкера, Порпору, Луи Куперена, падре Мартини или Стамица прежде, чем я начал писать под их именами? Они жили лишь на страницах музыкальных лексиконов, а их сочинения пребывали в забвении в стенах монастырей или пылились на полках библиотек. Эти имена были не более чем пустыми раковинами, старыми, забытыми плащами, которыми я воспользовался, чтобы скрыть свою собственную личность».

В жизни Фрица Крейсlera случится ещё много концертов, но этот, на вокзале, станет началом его мистификации, длившейся более тридцати лет и так неожиданно закончившейся, создавшей композитору славу великого музыкального мистификатора.

Вероника Воронина

г. Люберцы, Московская обл.

Дождись меня, Илья!

В детстве я читала былины как новости. Родившись в городе на краю Муромского леса, конечно, я сделала своим героем «старого казака» Илью Муромца. Тогда в моде была песня «Богатырская наша сила» о его учениках. Она ощущалась как зов. Казалось отличной карьерой сбежать из дома помогать Илье бить врагов.

Собираясь в дорогу, я складывала свои сокровища: открытки, пуговицы, фантики. Ценнее всего были доспехи и оружие: пластовые шлем и меч, оргалитовый щит с полуоторванной ручкой. Я была уверена: в первом же бою добуду доспехи получше.

Конечно, побег не удался. Взрослые отвлекли, а потом родители начали развод. В смутное время книга и доспехи затерялась. Стало не до былин. Да и веры в себя поубавилось.

Годы спустя книга нашлась. Нахлынули воспоминания. Что, если бы мой детский побег удался?

Снова тот зов! Не могу не думать: Илья где-то бьётся с врагами, ловит Соловья-разбойника, спорит с князем Владимиром. Вне времени, а значит прямо сейчас. Как и всегда.

Где мои пластмассовые доспехи? Где оргалитовый щит? Может, ещё не поздно бросить всё и рвануть в Муромский лес на подмогу «старому казаку»?

Дорогой Илья Муромец, дождись меня, я уже скоро!

Инна Часевич

г. Саров

Музыкальная мечта

Адушка села играть. Моцарт унёс в Одессу. Маленькая Аделаида сидела у окна одесской квартиры и слушала слепого скрипача. Как же она мечтала играть на рояле в красивом платье, на залитой светом сцене! И непременно Моцарта!

Но после войны в семье не то чтобы на пианино — на хлеб денег не было. «Музыкой сыт не будешь, иди на математика», — решила мать. И Адушка пошла. Математика — это ведь тоже музыка, мелодия формул и скерцо теорем, концерт гипотез и серенада цифр, к тому же ума и способностей у неё не на одно научное открытие хватит.

«Единственное правильное место для женщины-математика — школа. Вот распределение, в наукоград, кстати», — голос ректора прозвучал какофонией, заглушившей светлую симфонию мечты. Сколько потом ночей Ада не спала, помогая мужу в расчётах, чтобы на далёких полигонах у его группы не случилось промахов. Он уезжал, а её душа рвалась следом, туда, на испытания, где свободно парила математическая мысль...

Она поудобнее усадила огромного плюшевого тигра — подарок последних выпускников. До прихода следующего ученика, первого в их маленьком городке победителя всероссийской олимпиады по математике, можно успеть сыграть вступление ко 2 концерту Рахманинова.

Юрий Астанков

Чудо тишины

А мудрость — это....

И не пропасть, и не упасть,
в любые времена.

Ведь можно жить бездумно
всласть,
но бездна — вот она.

Но бездна руку протяни,
и холодом пахнёт.
Летят безудержные дни,
легко слагаясь в год.

И этих дней круговорот,
чем дальше, тем быстрее.
И я уже совсем не тот,
но вряд ли стал мудрей.

Зато узнал, что значит страх,
что умеряет прыть.
И даже понял второпях,
чем надо дорожить.

А мудрость — вишня у окна
и первый луч зари.

А мудрость — это тишина,
которая внутри.

О воспитании

Вот пляж, вот люди, вот вода,
вот солнце низко над домами.
И скоро первая звезда
зажжётся, как фонарь, над нами.

Вот девочку ругает мать.
Отчитывает зло и строго,
что та не хочет понимать,
песок нельзя руками трогать.

И бабушка, наморща нос,
ей повторяет наставление..
«Но почему?» —
простой вопрос
их повергает в изумление.

Юрий Астанков. Чудо тишины

Но, что поделать, есть семья,
где к малышам свои подходы.
Но с девочкой согласен я
и вместе с ней смотрю на воду.

Где пузыри бегут со дна
и розовеют на закате.
И набежавшая волна
чуть задержалась при откате.

И цапля в белом, шею сжав,
летит и будто ставит точку.
От препирательства устав,
бунтарку одевают молча.

Я с нею чувствую родство.
Мы оба в центре мироздания.
А мать не видит ничего,
себя измучив воспитанием.

* * *

Но старость — это Рим...

Б. Пастернак

1

От покаянья до позора
живу, с собою не знаком.
Но старость — зеркало,
в котором
я отражаюсь целиком.

Опутан завистью и ложью
и, принимая стыд и срам,
всё вглядываюсь осторожно,
не веря собственным глазам.

Черты похожие как будто,
И всё же я, а не другой.
И, просыпаясь каждым утром,
всё удивляюсь, что живой.

Что я ещё не предан смерти,
и что ещё не грянул гром.

И что Господь доселе терпит
меня в безумии моём.

До срока нянчится Он с нами
и открывает новый путь.
Но зеркало перед глазами,
и от него не отвернуть.

2

Не знаю, сколько мне осталось.
Но я дожил до одного.
Всего-то надо только малость:
чтоб мы услышали Его.

И на бегу остановились,
когда в груди горит пожар,
приняв всем сердцем
Божью милость
и не отвергнув этот дар.

И вдруг сияние ослепит,
и оглушённый тишиной,
не зеркало увижу — небо,
что распахнётся надо мной.

Музыкант

1

Отшумев, ночная буря
сломала,
и затихла в слабом сердце речь.
То ли вечность постучалась
в окна,
то ли время перестало течь.

А сверчок запечный то и дело
к струнам свой прилаживал
смычок.
Скрипка потаённая запела
просто так, не в такт
и ни о чём.

Он играл привольное раздолье
и в бескрайнем небе журавля.

Юрий Астанков. Чудо тишины

Речка без имени

Посмотрю на просторы, и сердце заноеет,
так не хочется с ними прощаться навек,
но в прогнозе метель, что всю землю укроет,
и здесь вспыхнет с утра белым пламенем снег.

Провожая, кручинясь, и утро, и вечер,
и иду по тропинке, что сам протоптал.
Там, где ива растёт у неназванной речки,
что морозною ночью лёд надолго сковал.

Я придумаю имя, ведь это несложно,
чтоб оно совпадало с заросшим ручьём,
с этим лесом вдаль, что стоит запорошен
и неровной чертой оттенил окоём.

Даже с этой деревней, где избы по краю
и сады так прозрачны, и так холодны.
В этом имени снег ранним утром сверкает,
и загадочный диск полуночной луны.

В этом имени времени стёрты границы,
Лето, осень, декабрь, Новый год, Рождество.
И на иву вспорхнёт в жёлтой шубке синица,
и на птичьём своём повторит мне его.

И вернусь в старый дом, где натоплена печка
и где кошка пригрелась, свернувшись в клубок.
Второпях нацарапаю имя для речки,
но забуду, куда задевался листок.

Я его не найду зимним утром туманным,
в ранний час, когда солнце касается крыш.
И останется речка моя безымянной,
там, где ива растёт и по краю камыш.

А весною над нею появятся птицы,
А весною над ней так белы облака.
И так часто она, безымянная, снится,
что течёт и течёт сквозь меня и века...

Любовь Бережнова

Пусть над миром плывёт благодать

* * *

Всё могло бы сложиться
иначе —
Оказалось, что жизнь на мели.
И попала лиса под раздачу,
Коли волка убить не смогли.
Как свершится судьба,
как свершится?
Разве есть у неё сто путей?
И металась, скулила лисица
Средь смертельно палящих
огней.

* * *

Душу ранят порою напрасно —
То ль нечаянно, то ли со зла.
И одно мне становится ясно:
Что её можно выжечь дотла.
Зло покروют блестящие стразы,
И откупят его серебром...
Только душу я вылечу сразу,
Коль на зло всем ответчу добром.

* * *

Опоздала чуток, опоздала
От расправы спасти журавля.
Его стая собак растерзала,
Кровь впитала сырая земля.
Это что за недобрые знаки?
Не смогла бедной птице
помочь.
И, насытившись, злые собаки
Уходили с побоища прочь...
Мне ночами журавлик
тот снится,
И дрожу перед каждым я псом.
И всё чудится мне, что я —
птица
С перебитым кровавым
крылом.

Любовь Бережнова. Пусть над миром плывёт благодать

Дворняга

Не влезая ни в чьи передряги,
Пёс позвякивал тихо цепями.
Лопухий чернявый дворняга
С понимающими глазами.
Не услышишь ни визга,
ни лая...
Может, зряшные это всё враки?
Но табличка висит, угрожая:
«Осторожно!

Здесь злая собака».

* * *

На весах уставших гири,
Как качели — вверх и вниз.
Что случилось
в нашем мире? —
Вот поди же разберись!
Чьи-то гири перевесят
Или, может быть, — ничья?
Всё гадая, в душу лезет
Философия моя.

Ласковая зоря

Облила всё закатная зорька
В земляничный и сладостный
цвет.
И откуда взяла краски столько,
Что хватило б на весь
белый свет?!
Заалел на берёзоньках иней,
Поцелуи послала кустам.
Улыбнулась светло и умильно,
Подарив свою ласку полям.
Не забыла взглянуть
на окошки,
Пожелать всем покоя и благ...
У зари поучиться б
немножко —
Почему у людей всё не так?!

О стихах

Отогреться б сейчас от мороза,
За порогом оставив грехи.
Отчего-то не пишется проза,
А всё рвутся на волю стихи.
Не согласны они на отсрочку,
Всех желают стихи обогреть.
Не с того ли душевные строчки
Заставляют и плакать, и петь?!

Глобус

Глобус весь в изгибах линий —
Он, наверно, вечен...

Купол неба синий-синий,
Звёздами подсвечен.

Глобус крутится на ножке,
В тайны вовлекая...
Звёзды тают понемножку,
С неба исчезая.

Мир велик, но он не крепок.
Глобус неподсуден,
Что на нём так много меток,
Где воюют люди.

* * *

Заалели малиново зорьки,
И притихла речная вода.
Да расплакалась ивушка
горько,
Да скатилась по небу звезда.
Разлетелась звезда на осколки
(Убежать от тоски я не прочь),
Словно в душу вонзились
иголки —
Кровоточит она день и ночь.
Убежали стыдливые зорьки,
И уснула в слезах речки гладь...
Попрошу у судьбы я лишь
только,
Чтоб над миром плыла
благодать.

Игорь Рабштейн

«Побольше воздуха в стихах...»

Сверчок

Под ложечкой в груди скребётся и саднит:
Там маленький сверчок под сердцем поселился.
Он стрёкотом своим мне душу исцелит,
Поверьте, мне друзья, я в этом убедился.

Стрекочет мой сверчок всему наперекор.
Когда придёт тоска, а с ней беда нагрянет,
Стрекочет мой сверчок, как маленький мотор,
И, верно, оттого беда не сильно ранит.

Несчастную любовь, предательство и ложь —
Я всё переживу, ведь мне сверчок поможет.
Обида полоснёт острее, чем финский нож,
Стрекочет мой сверчок, и боль не так уж гложет.

Бегут мои года, под горку жизнь течёт,
Стрекочет мой сверчок, трещит, не унывая,
О стрёкот обопрусь я, будто о плечо,
Стрекочет мой сверчок, ему я подпеваю.

И думать не хочу, что он умолкнет вдруг,
Что сердцу моему вновь станет одиноко.
Не умолкай, сверчок, стрекочущий мой друг,
Не покидай меня, дружочек, раньше срока...

Палец указующий

Ценю я палец указующий,
Ну а вернее — направляющий,
Судьбы моей, всегда
ревнующей
И редко болеутоляющей.

Ценю, но очень редко
слушаюсь,
Не из упрямства, а из глупости,
Поскольку нараспашку душу я
Ношу без всяческой
премудрости.

Меня судьба учить замучилась,
Она устала мне подсказывать.
Я не могу припомнить случая,
Намёк, чтоб понял
с первой фразы я.

А сколько шишек с гематомами
Набил я по неосторожности.
И я, ведомый феромонами,
Сам нахожу себе же сложности.

Судьба рукой махнуть
готова уж,
Не то что пальцами указывать.
Но свято верю, что бордовый
плюш
Ещё не времечко заказывать!

Судьба не раз в осадок выпадет,
Поражена моим везением.
Она уж удивлённой выглядит,
Как будто перед потрясением.

Вот так, задумавшись
над будущим
И выбором, всегда петляющим,
Ценю я палец указующий,
Ну а вернее — направляющий.

Случайные слова

Твои случайные слова —
Как дождика слепого капли,
Что брызнули и вмиг иссякли,
И сух асфальт, суха трава...

Дождь исчезает без следа,
Но волглость слов в душе
осталась,
Казалось бы, такая малость,
И уж, конечно, не беда.

Да, не беда... Вот только боль
Останется от слов случайных,
Что я невольно замечаю,
Когда в размолвке мы с тобой.

И даже если ты права,
Я не сравнил бы их с нектаром,
Они — как хлесткие удары,
Твои случайные слова.

Начисто

Много обид и лжи
Людам познать пришлось.
Не перепишешь жизнь.
Издавна повелось!

Издавна повелось:
Лгут всегда миражи.
Загнан в распятыё гвоздь —
Не перепишешь жизнь!

Не перепишешь жизнь,
Как бы кто ни хотел,
Чётко размер межи,
Вымерен наш предел.

Вымерен наш предел,
Время вперёд бежит.
За чередой дел
Не перепишешь жизнь!

Игорь Рабштейн. «Побольше воздуха в стихах...»

Не перепишешь жизнь
Начисто, набело!
В поле озимой ржи
Снега уж намело...

Снега уж намело,
Время пурге кружить.
В пальцах дрожит стило,
Не перепишешь жизнь...

Вечер

Тягучий предзакатный вечер,
Он, как на плёнке,
 чуть засвечен,
Он оплывает темнотой,
Он мимолётен, он и вечен,
Он мной самым очеловечен,
Он, словно кровь небес,
 густой...

Заката жёлто-красным лаком
Он отделяет нас от мрака,
От мрака, что нам дарит ночь.
Завыла в сумерках собака.
А вечер дождиком заплакал,
Ему не в силах мы помочь...

Прохожих редких вереницы
Своих зонтов раскрыли спицы,
Закрашен тучами закат.
Густится тьма, не видны лица,
И нужно с вечером проститься,
Сегодня, как и век назад.

А век назад такой же вечер,
Накинул, словно шарф,
 на плечи
Закат, сияющий, как медь.
Предрешены разлуки, встречи,
Бег времени давно размечен,
Как нашей жизни круговерть.

Пятно

На снегу пятно осталось.
Красно-бурое пятно...
Галкам ягодой казалось,
Но не склёвано оно...

Это пятнышко и ныне
Людам пишущим видно.
Всё дымится, не остынет
Красно-бурое пятно...

Будто злое многоточье
На мелованном листе,
Как невидимый подстрочник,
Мне мерещится везде.

На заснеженном побережье,
Там, где Чёрная река,
Будет видеться, как прежде,
То пятно через века.

Воды времени не смоют
То печальное пятно,
Только чёрной полосой
Мне мерещится оно...

Осень

На рубеже добра и зла,
Тепла и холода
Златая осень вознесла
Свою преграду.

Она привыкнуть нам даёт
К похолоданию,
Смягчив погоды поворот
И увяданье.

Листвой багряною она
Ковры расстелет,
И, как от терпкого вина,
Душа теплеет.

Спасибо осени моей
За передышку.
Меж золочёных тополей
Бегу вприпрыжку.

И пусть ноябрь на пути,
Ещё не стужа.
Ах, как мне хочется пройти
Босым по лужам...

Подвздошьё

Когда болит моё подвздошьё,
Сжимая, будто бы клещами,
Я с некой внутреннею дрожью
Предельность жизни ощущаю.

Я ощущаю неизбежность
Конца, ведущего к началу,
Там, где когда-то
Божья нежность
Безбрежность жизни
обещала...

Я в мыслях путаюсь и в сроках,
В предчувствиях
и в предсказаниях,
Всё отдаляюсь от истока,
Основ и смысла мироздания.

Я, как надломленная ветка,
Качаюсь на ветру безвольно.
Жду и боюсь порывов ветра,
От дуновений этих больно...

А жизнь бежит, течёт рекою.
Порой бурлит по слову Божью.
Покоя, хочется покоя,
И всё саднит моё подвздошьё.

Биенье строк

Олегу Портнягину

*Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*

Павел Коган

Есть в геометрии стиха
То, что не смерит транспортир:
Избёнка,
жухлая ольха,
Стожок,
речушка,
целый мир.

В нагроможденье
строф и строк
Порхает, крыльями шурша,
Незримый лёгкий мотылёк,
Людская память
иль душа.

Нельзя при помощи лекал
Проверить строчек кривизну.
Неважно, угол иль овал,
Увидеть только б в них весну!
Побольше воздуха в стихах,
Пульсации, биения строк,
Чтоб на исписанных листах
Читатель Бога видеть смог!

Таких, увы, линеек нет,
И формул тоже не найти,
Чтоб точно выверил поэт
«Четыре четверти пути».

Четыре четверти стиха
Не просчитать,
как ни стремись!
Кренится на ветру ольха,
И дым печной стремится

В высь...

Татьяна Гоголевич

Перелётные сады

Рассказ

Сергею Пиденко

В Морквашах, на восточном склоне Могутовой горы, освещённая утренним и дневным солнцем, росла груша.

Её хозяин, родом с юга России, был из тех, кто строил ГЭС и потом обосновался в Жигулях. Устроившись здесь, год за годом привозил он с родины саженцы южных растений. Некоторые из них не укоренялись на известковой земле правого волжского берега, иные приживались, но не жили больше трёх-четырёх лет из-за неровного нашего климата. И он снова привозил саженцы.

Так делал не он один. В пятидесятые со всего Союза приезжали на строительство плотины по комсомольским путёвкам, а ещё больше на стройке было политзаклужённых. Главным образом люди из последних разводили у нас сады, привнося в поволжскую флору новое.

Лето в наших местах бывает обманчиво ласковым, а иногда по-южному долгим и горячим: начнётся в апреле, протянется на полтора добрых осенних месяца. Одни старожилы знают, как стремительно безмятежный, будто бы бесконечный покой усто-

явшейся погоды сменяется жестоким штормом. Как не приходится год на год. Разные травы цветут у нас в разные года, на разные плоды, ягоды и грибы приходится урожай и неурожай. Некоторые травы по несколько лет не выходят из земли. Бывают зимы, когда после длинной оттепели, раскрывшей землю и вспучившей почки, температура за день падает на три десятка градусов и гектарами вымерзают сады привычных к климату растений.

А засуха, в которую прежде вымирали целыми сёлами... И снег в июне — тоже не редкость. В горах и лесах деревья и травы сами уходят с ветров и северных склонов, прячутся в ложины от жары. Но в садах они беззащитны.

Словом, старожилы осторожны. Конечно, и среди аборигенов находились одержимые вроде моего отца — он тоже вёз сюда ташкентские абрикосы, грецкие орехи из Ферганы, алычу, какой-то особенный виноград — ещё в ту пору, когда районированных сортов здесь почти не встречалось. Ему не давало покоя, что в Северном Китае, например, и зимы холодные, и климат будто бы ещё более резкий, а виноград и грецкие орехи растут.

Но я отвлеклась, Читатель. Хозяин груши был непосредственным соседом моих морквашинских тётки Нины и дяди Гриши. Из мест, где жил прежде, привозил он крошечные грушевые деревца, раз за разом вымерзавшие. Прививал южную грушу на дички из-под Саратова и Волгограда. Но ни подвои, ни привои не переносили нашей зимы. Уже зарёкшись делать прививки, сосед договорился, чтобы ему доставили с Дальнего Востока уссурийскую дикую грушу, которую видел своими глазами в цветении — ради её прекрасного цвета и формы дерева, и потому что она способна переживать морозы, сильные ветра и влажный холод (которого у нас тоже в избытке). Привезли ему примерно трёхлетний саженец, и он принялся. Не удержавшись, сосед ещё раз съездил к себе на родину и сделал последнюю прививку. Вдруг всё получилось.

Эта груша — наибольшее эстетическое потрясение моего детства. Она была самой красивой в Морквашах, а может быть, и на всём белом свете. Истории с неудавшимися прививками происходили до моего рождения, а помню я довольно большое дерево в возрасте 10-12 древесных лет. Когда же всё закончилось, груше было не меньше пятнадцати, а мне девять.

Моркваша как село стоят с XVI-XVII века, и дома, конечно, и прежде окружали сады, но часть, где находился тётин дом, построенный дядей Гришей, была относительно новой. Деревья

там появились в середине пятидесятих. В шестидесятые они ещё были молоды. Мне тогда они казались огромными — и яблони, и сливы, и вишни. Но груша, быстро набирающая высоту, была выше всех деревьев в окружающих дворах.

Село разделялось проездами, и тётин, шестой от Волги, был предпоследним, а проезды, в свою очередь, пересекались улицами. Проезды шли параллельно Волге, а улицы — параллельно горе, на склоне которой лежало село. Угловой сад хозяина груши располагался ниже сада тёти и дяди, а ещё ниже лежала улица — немощёная, в невысокой траве, пробившейся сквозь щебень, который насыпали, чтобы сначала телеги, а потом машины в распутицу и дождь не вязли в грязи.

Она росла в огороде у забора, граничащего с улицей, поскольку сначала задумывалось, что она вырастет пятнадцатиметровой уссурийской грушей. Лучший вид на неё открывался с тётино крыльца, которое было выше по склону, второй по живописности — с улицы за забором, к которому она прижималась.

Как рассказать о ней... (как рассказать о тебе, красота).

Моркваши тогда были деревянными, одноэтажными, с деревянными печами (голландка в доме и большая печь на кухне). Воду приносили из уличных колонок. Уже при мне в дома провели газ и воду, но печи и колонки долго не убрали. Над крышами небольших, тонувших в зелени, украшенных резьбой домов, над баньками поднимались в небо дымы. Село было частью пейзажа, и оттого сильнее чувствовались горы вокруг и Волга, и сами сады.

В садах и возле домов в то время росли другие растения, другие цветы — проще и обычнее. У входа рябина, берёза, иногда сирень. Обычными были малина, смородина, крыжовник, грядки садовой клубники и палисадники с весенними тюльпанами, осенними астрами и георгинами. Ещё сажали в палисадниках маки, львиный зев, ноготки, душистые горошек и табак, анютины глазки, бархатную турецкую гвоздику, разноцветный портулак с сочными иголками. Выглядывали из-за заборов подсолнухи, выходили за калитку мальвы, флоксы, золотые шары, космеи сеялись сами собой, сбивались в стайку прямо на дороге. Пионы и ирисы были редкостью, на них приходили смотреть, а розы и вовсе водились только в одном знакомом мне дворе.

Огороды незатейливо пахли укропом и огурцами, помидоры вымахивали в леса, где можно было спрятаться, потому что в каждом доме держали кур, гусей, коров и навоза было не занимать. Но

всё это потом, вместе с вечно новой радостью спеющих плодов: клубника-малина-вишня-смородина-сливы-яблоки, — и всё не стоило её одной, цветущей, даже когда на ней созревали плоды, и когда сосед по-соседски приносил таз или ведро с грушами, к слову, очень вкусными, это было уже не чудесно, а просто хорошо.

Цвела же она каждый год по-разному: то, вспыхнув, отцветала в неполную неделю, а то затягивала цветение на пару добрых недель, и мы успевали приехать и увидеть это дважды.

По некоторым приметам можно было понять, как скоро это случится. Что пришло время, говорили маленькие жёлтые тюльпаны, взбиравшиеся по склону Могутовой, разговоры о сморчках и строчках, первые лиловые фиалки и дубравные ветреницы — дикие анемоны.

Село присоединялось к ней запахами вишни, яблонь, мокрых, ещё не тинистых брёвен из дока. В ней была та лёгкость, что поднимает дерево над садами, и вместе с нею взмывали в небо другие деревья, все сады, и небольшие дома, и док, и словно сама Могутова туманилась, сиюсь взлететь, смешаться с облаками.

Вначале груша вся покрывалась нежно-розовыми тугими бутонами, выцветающими затем до снежной белизны. От дикой уссурийской привитому сорту — летней бере — достались тёмно-алые, почти фиолетовые тычинки, обильные щитки цветов и — аромат, который не встретился больше ни в одной цветущей груше, ни в одном парфюме, где бы говорилось о груше. Он был не навязчивый, но ощущаемый издалека, как запах Волги. Его можно было почувствовать в самом низу села, на рельсах, по которым в то время ещё ходил поезд. Сначала он осторожно дотрагивался до тебя, затаивался среди других ароматов, вбирая запахи железа и опилок от поленниц, мимо которых шли, молока и коровьих лепёшек, а потом, горячий и хрупкий, налетал чистой океанской волной, целиком забирая тебя себе. Горячий — но не сладкий, а как бы немного горчащий.

Мама моей морквашинской подружки, учительница, рассказывала нам, что у культурных груш тычинки в основном золотые, как у яблонь, а тёмные, фиолетово-красные характерны для диких. Мы как раз стояли под грушей, и она говорила это; проходившая мимо её знакомая остановилась послушать, и учительница, кивнув ей, добавила:

— Вот так: выходишь замуж, и всё меняется, а имя остаётся...

Хозяин груши обрывал большую часть бутонов, чтобы, становясь плодами, они не отягощали дерево, но когда оставшиеся

распахивались, их всё равно оказывалось слишком много. В глубине белой, вытянутой вверх кроны всё солнечное время гудели пчёлы. Обильные гроздья шевелились, собирались горстью, рассыпались. Кроме пчёл, в цветах копошились смешные толстые шмели, похожие на щенков. Иногда в одной кисти собиралось несколько коричневых пчёл и один-два шмеля.

Налетал ветер, ветви стукались друг о друга, дерево вздыхало, и словно приоткрывалась дверь куда-то, словно все двери открывались во всех садах, и тогда, в детстве, я не смогла бы объяснить даже себе, куда они ведут. Но как-то это связывалось с запахом, который принадлежал всем, красотой, тоже принадлежавшей всем.

Когда она зацветала, всё вокруг просыпалось окончательно, птицы пели по-особенному, и казалось счастьем жить рядом с ней и видеть ежедневно, как разворачиваются новые лепестки, прозрачные и упругие, такие тяжёлые на вид и легкие, как шёлк, на ладони, текучие, как вода. Набираться стуками, шорохами, треском, птичьим пеньем, понять, как из грубой морщинистой коры, совсем недавно неживой, появляется жизнь — такая нежная.

Опавшие лепестки лежали в саду на вскопанной под огород земле и на улице, на траве, пробившейся из камней и песка. Несмотря на то, что весна подряд не переставала удивляться, как ярко они, белые на чёрном, как приглушены, но всё равно светятся по другую сторону дощатого забора на дороге, и не могла выбрать, как лучше.

Последний раз я видела её — цветущую — в снегу. Снег пошёл вдруг, не совпав с приметами о черёмушных холодах, шёл два дня, а она набрала цвет и успела раскрыться, она всегда немного опережала другие деревья. На левом берегу, на дачах у нашего города в заморозки задымляли или дождевали зацветшие сады: так не всегда спасали урожай, но сохраняли деревья. Собственно, это делали везде. Но в тот год я не помню нашего сада.

Папа тогда не хотел брать меня к тёте, ссылаясь на холод. Всё же мы приехали вместе в начале вечера и сразу увидели её, снизу, от железнодорожных путей под селом. Стояла (действительно) настоящая зимняя стужа, воздух был чистый и очень прозрачный и краски — яркие и ясные. Тёмные снеговые тучи разошлись, солнечный луч задел верхушку грушевого дерева — оттого она сияла золотой звездой и издали притягивала взгляд.

Снег облепил дерево, лёг на лепестки; ветви и раскрывшиеся и нераскрывшиеся почки покрылись наледью, цветы за день обросли маленькими текучими сосульками, вновь отвердевши-

ми к вечеру. Всё это вместе словно было схвачено стеклянной, переливающейся сетью, и в дереве, как в зеркале, фрагментами отражались соседние сады, и разноцветное небо, и трава, и одновременно сквозь ледяную корку просвечивало оно само — кусочки серо-коричневой коры, смятые белые цветы, ещё нераскрывшиеся, алые, как кровь, бутоны.

Мокрые полосы на сером деревянном заборе тоже отражали небо, темнели, застывали. Хрипловатый, глухой гром громыхнул на севере, там, где была Волга, а прежде отвесно в воду ушла серебряная молния. Струи колючего воздуха потянулись оттуда, сосульки на лепестках звякнули едва слышно.

Папа стал рассказывать о снежных грозах и потянул меня к тётиному дому.

Потом меня на всё лето увезли в Сибирь, а когда мы вернулись, я снова уговорила папу поехать к ней (и он снова сопротивлялся, и снова уступил). И вот — знакомое: элеватор, шлюзы, козловые краны, ГЭС, белые чайки у слива, жёлтые облака тополей на песчаных берегах — осень пришла в тот год прежде обычного. Шестой проезд, нет, седьмой, мы сошли с автобуса раньше... папа повёл меня другой дорогой, уговаривая сначала зайти к тёте, но всё-таки вышло, что мы спустились сначала туда, где она росла.

Она больше не возвышалась над садами. Мы обогнули угол и увидели соседа: разобрав забор, он выносил и складывал поленицей сухие грушевые ветви. Было много опилок, на спиле пенька, везде. Сосед не смотрел на нас. Он казался неожиданно горбатым и старым.

— Вот, — сказал папа, — дочка хотела посмотреть на грушу. Не верила.

Распрямившись, сосед вытер рукавом рубахи лицо и объяснил, что дерево не справилось с большим обморожением. Слишком много было цвета, нужно было оборвать, а он пожалел.

— Улетел мой ангел, — сказал. — А груши есть, — добавил тут же, — как раз земляк привёз такую же.

Он сходил в дом и вынес несколько груш:

— Моя всегда отдавала горчинкой. А эта — настоящая бере.

Взглянул на меня, на моего отца и, отвернувшись и глядя в небо на собирающиеся тучи, произнёс:

— Иногда они переживают нас, иногда — мы их. Они — как перелётные птицы... только так можно относиться к этому...

Александр Карякин

Хозяин

Рассказ

Рыбак по прозвищу Репей встречал своё восьмидесятилетие на реке в компании с четырнадцатилетним внуком Женькой. Ранним утром в целях экономии горючего они прошли на лодке гребями по Сызрану мимо ГЭС, за железнодорожный мост, где уже начиналась Волга. Тёплый южный ветерок дул им встреч и волновал воды великой русской реки. Идти на вёслах стало трудно. Репей завёл лодочный мотор «Ветерок», и он, тарахтя, повёл лодку в сторону протоки «Собачья тропа».

В протоке дед с внуком настроили спиннинги и блёснами обманули пяток щук, после, подбившись к островку лилий-кубышек, поплавочными снастями наудили крупной сороги и линей. Утро ушло за Кашперские горы. Новый день, обдуваемый югом, накалялся, суля жару. Рыба перестала кормиться и, предчувствуя солнечный пал, свалилась в прохладную глубину омуты.

«Всё, сматываемся, — скомандовал Репей внуку, — солнышко упёрлось в темя. Печёт. Нет терпелу. Гребки к берегу». На берегу дед, чтобы не испортилась пойманная рыба, спрятал её от жары в густую прибрежную траву, а сверху накрыл мокрой тиной. Женька тем временем набрал сухого камыша и веток. На старом кострище, где имелся неизвестно когда и кем сделанный

таган, развёл огонь и в котелке вскипятил воду для чая. Репей, управившись с уловом, сел в лодку и завёл её в заросли тальника. После, взяв пакет с провиантом, подошёл к костру и уселся в тени старого осокоря, прислонившись спиной к стволу. Внук, что-то пряча за спиной, улыбаясь, подошёл к деду.

— Ты что это удумал? — улыбаясь в ответ, спросил Репей. — Опять хочешь дедушку лягухой напугать?

Но Женька со словами:

— Дорогой дедушка, поздравляю тебя с днём рождения! Живи долго и счастливо! — преподнёс на вытянутой руке подарок в виде жестяной коробочки, на которой был нарисован слон и была красивая надпись: «Чай Индийский натуральный».

— Да родной ты мой человечек! — воскликнул Репей, принимая подарок. — Вот угодил, так угодил дедушке. Ить я скоко годов мечтал о нём! Сейчас натуральной-то индюхи днём с огнём не сыщешь! Одна грузинская подделка!

Репей подошёл к внуку и хотел поцеловать в щёку, но чмок пришёлся Женьке в ухо. Внук, хохоча, отскочил в сторону:

— Деда, ты чё? Щекотно же.

— Ну, извини. Так получилось. Дедушка старенький. Не считал. Вчера ещё был пожилой, а сегодня уже старый, — смотря весёлым взглядом на внука, оправдывался он.

Женька тёр ухо и продолжал смеяться в голос.

— Прекрати хохотушки! Давай заваривай, а то я слюной подавлюсь, — с требовательной ноткой в голосе обратился Репей к внуку.

Женька снял с коробочки крышку. Насыпал на ладонь горку заварки и спросил у деда:

— Хватит?

— Подсыпь ещё маненько и хватит. Гулять так гулять!

Внук всыпал содержимое ладони в котелок с кипятком. Репей наблюдал за его действиями и руководил процессом: «Подвинь, подвинь котелок-то поближе к жару. Подними на чае шапку, чтобы он всю силу отдал».

Время перевалило за полдень. Солнце медленно начало скатываться по небосклону. Репей сидел под юбкой тени, отброшенной густой кроной дерева, швыркал из алюминиевой кружки ароматный обжигающе горячий чай и сам с собой беседовал:

— Свезло же этим индийцам, кажон день не по разу пьют такую вкуснятину. Оттого, наверное, всю жисть поют и пляшут. Счастливы народ.

Женька слушал деда и уплетал за обе щеки пожаренные на костре сосиски. Репей, допив индийский чай, закусил его подсолённым русским огурцом и ржаным хлебом. Задумчиво помолчал, выбирая крошки из окладистой бородки, и вдруг торжественно произнёс:

— А у нас зато Волга есть! — и, ткнув куда-то в сторону скрюченным указательным пальцем, продолжил: — Какой толк с ихнего океяна? Ни сороги в ём, ни карася. Да и вода вся солёная. Как там люди живут? Умом не пойму. А чай? Что чай? Ежели кажон день его пить, припьётся. Надоест.

После такого, как ему показалось, точного определения, Репей облегчённо вздохнул. Выдержав паузу, он, уже с тёплой ноткой в голосе, резко сменив тему, обратился к внуку:

— А пачпорт твой, конечно, пойдём получать вместе. Я наде-ну кустом и все свои награды. Как же? Такое событие! Для меня самый большой праздник!

После этих слов Репей лёг на землю, поросшую муравой, сунул под голову кулак и через минуту погрузился в чуткий старческий сон. Женька, собрав оставшийся после перекуса мусор в пакет, отправился к лодке, где для него заботливой рукой деда из охапки лугового разнотравья была приготовлена постель.

Возвращались домой вечером, когда солнышко уже сидело на верхушках деревьев.

— Эх, как марит! В ночь, наверное, гроза будет, — сделал вывод Репей, показывая пальцем на танцующее над водой облачко мошкеры, — вот и гнус поднялся. Верный признак к дождю.

На стрелке, где сливается Крымза с Сызраном, дед заглушил мотор и сел за вёсла.

— Нагрелся сильно наш моторчик, — объяснил он свой поступок, — как бы ни стуканул. А на вёслах много не находишь. Будем шмыгать только по Сызрану, а на Волгу и думать не смей. Ты ещё не вырос для такой работы, а у меня уже обратный отчёт и в силе, и в жизни.

Пройдя под автомобильными мостами, Репей предложил:

— Давай-ка причалим к роднику. Наберём Христовой слезы домой.

У родника дедушка осенил себя крестом и со словами оправдания стал умываться бодрящей ключевой водой:

— Ну и что ж, что я коммунист. Иисус Христос тоже за весь мировой пролетариат радел, за всех...

Женька так же омыл лицо и грудь, затем, встав на колени, припал губами к холодной струе, вытекающей из скалистого берега.

— Не увлекайся, не увлекайся, — предостерег его дед, — эту водицу надо пить глоточками, а не хлебать. Вмиг ангину подхватишь или того хуже — бронхит. Хоть это и природный лексир. Многие люди, страдающие кишечным недугом, приходят сюда набрать этой воды. Говорят, помогает.

Когда отошли на вёслах от источника метров сто, Женька, лежавший в носу лодки и видевший весь фарватер впереди, командовал деду:

— Возьми правее. Прямо по курсу бревно.

— Откуда ему здесь взяться? — возмутился Репей.

Поднял вёсла и стал разглядывать плавающий в воде предмет. Лодка по инерции плыла вперёд. Вдруг бревно ожило. Согнулось дугой. Крутанулось на воде, подняв большой бурун и махнув рыбакам хвостом, ушло под воду. Поднявшаяся от этого волна качнула лодку.

— Деда, кто это? — придя в себя от восторженного испуга, спросил Женька.

— Это, внучок, нам сам хозяин объявился. Хозяин всех ГЭС-овских омутов. Говорят, кто честно поймает такого сома, тот навсегда становится хозяином его владений, а точнее — фартовым рыбаком.

— Вот бы заудить его, — мечтательно произнёс внук.

— Неплохо бы было, — согласился с ним Репей, оценив мечту внука по-своему, — тут и новые кроссовки тебе к школе, да и горючкой бы запаслись к осенней рыбалке.

Он опустил вёсла в воду и, работая ими, рассуждал:

— Ежели с умом подойти да правильную снасть связать, то обмануть его можно. Жратвы у него здесь прорва. Надо будет лакомую наживку ему подобрать. Я думаю, мы с тобой с этой задачей справимся.

Дом Женьки, где он жил с родителями, стоял на одной улице с домом деда. Утром, проснувшись с рассветом, Женька направился к нему. Репей уже сидел во флигеле, вязал сомовник и рассуждал сам с собой:

— С моих снастей в жизни ещё ни одна рыба не сходила, и ты, усатый, не сойдёшь, — увидев внука, он улыбнулся и ласково поприветствовал: — Доброе утро, внучок! Садись, поешь. Чай и еда на столе. Потом сходишь в овраг к ручью, наберёшь вы-

ползков, пока солнышко зевает — они в росе купаются, а в куче перегноя нароешь медведек. Всю замануху уберёшь в погреб.

Позавтракав и выполнив задание, Женька сидел рядом с дедом и наблюдал, как тот маскирует свинцовый груз. Покрасив его чёрным водостойким лаком, Репей обвалял груз в песке, и он приобрёл вид речного голыша.

— Ну, вот и всё готово, — хлопнув себя ладонями по коленям, радостно сообщил Репей, — не любит сом ни запаха свинца, ни его блеска. Вот и приходится измудряться.

Основная снасть состояла из полуторамиллиметровой прочной лески, килограммового груза, двух пробок от шампанского на метровом поводке из такой же лески и большого кованого крючка. Длина её была чуть больше пяти метров. Этого метража было мало. Репей решил добрать его и усилить капроновым шнуром. Соединив леску со шнуром петля в петлю, он сматал готовую для рыбалки снасть на мотовило. Встав с табурета, хотел убрать её на стеллаж, где лежали все рыбацкие принадлежности. Но, сделав шаг, остановился, посмотрел на внука и тихо промолвил:

— Что-то поплохело мне. День в глазах гаснет. Помоги мне, Женья, добраться до кровати.

Кровать находилась здесь же, во флигеле. Репей с весны и до поздней осени жил в нём. Женька подскочил, подставил своё плечо деду и довёл его до места.

Прошла неделя с того дня, как дед занемог. Лучше ему не становилось. Мать Женьки, дочь Репья, перевела отца в дом.

В воскресный день Женька с друзьями шёл по соседней улице в сторону спортзала. Навстречу ему из переулка выбежала десятилетняя соседка Галя и затараторила:

— Ты где шляешься? Тебя мать ищет и меня попросила поискать. Иди домой. Дедушка уходит. Внука зовёт, — и, подняв стоптанными сандалиями облачко дорожной пыли, умчалась по своим делам.

Женька быстрым шагом устремился к дому деда.

В комнате, где находился больной, дневной свет был приглушён шторами. В углу под иконами теплилась лампада. Репей лежал на постели, по грудь укрытый тёплым одеялом. Без бороды и без упрямых, торчащих ёршиком и не поддающихся ни одной расчёске волос, из-за которых он ещё в детстве получил своё прозвище. Увидев внука, он улыбнулся и жестом показал, чтобы тот подошёл поближе. Разговаривал дедушка тихо:

— Всё, внучок, ухожу я...

Женька дрожащим голосом спросил:

— А как же я?

— А ты останешься вместо меня. Дом свой я тебе подписал дарственно заранее. Помогай матери. Отец выйдет на свободу, не отталкивай его, как-никак он твой родитель. Да и тюрьма иногда выводит человека на правильный жизненный путь, — говоря уже почти шёпотом, давал наставления Репей внуку.

Женька слушал деда, не перебивая, размазывая ладонью по лицу солёные слёзы.

— Не плачь. Не расстраивай меня, — стараясь успокоить внука, ласково произнёс Репей и продолжил наставлять: — Держись хороших людей, они всегда помогут в трудную минуту.

— Деда, а как я узнаю, хорошие они или нет? — растерянно спросил внук.

— А ты сам будь хорошим. Живи без худых мыслей, и хорошие люди сами тебя найдут, — уже еле слышно пояснил дед.

После сказанного Репей поднял руку, пытаясь обнять и поцеловать внука. Но пугающий холод от руки пробежал по всему телу Женьки. Он отпрянул в сторону и выбежал на улицу.

После похорон деда Женька при живых родителях почувствовал себя одиноким. Отец, укравший на железной дороге какие-то подкладки и пропивший с друзьями полученные за них во вторчермете деньги, сидит в СИЗО. Мать, чтобы выволить его из неволи, с утра и до ночи без выходных работает.

Получать паспорт Женька ходил один. После торжественного вручения документа пришёл домой и на кухонном столе обнаружил записку от отца. Она была адресована матери, но он развернул и прочитал её:

— Дорогая Лизонька, Христом Богом молю, найми хорошего адвоката. Вызволь меня из этого узилища. Век буду помнить и спиртного в рот не возьму. Передачу принеси в пятницу. Примут. Твой единственный и любящий тебя до безумия муж Коля.

— А обо мне и словом не обмолвился, — выразил вслух свой упрёк отцу Женька, — никому я не нужен. Вот был бы жив дедушка... — но всхлип обиды прервал его речь, и он через силу удержал слёзы.

Постояв в раздумье несколько минут, Женька на обратной стороне записки написал: «Я на реке. С ночёвкой». Взял рюкзак. Покидал в него продукты, спички, соль, лёгкую ветровку. Замкнул дом. Зашёл во двор дедушкиного дома. Достал из по-

греба выползков и медведок. Проверил их пригодность. Они были живы. Во флигеле взял сомовник и отправился на оставку.

Выйдя из автобуса у мужского монастыря, он по дороге вдоль него спустился к реке. Перейдя её по нижнему автомобильному мосту, Женька низом берега пошёл вверх по течению. Место, напротив которого им с дедушкой объявился «хозяин», он запомнил хорошо. Скалистый берег в том месте дугообразно отступал от воды, уступая пространство небольшому песчаному пляжу, посередине которого лежал большой валун. Возле него-то Женька и расположился. Перекусив сосисками и хлебом, он сходил на отмель, которая находилась ближе к ГЭС, и на дне набрал перловиц. Солнце скрылось за деревьями. Лёгкий ветерок приносил с реки приятную прохладу. Размотав сомовник по пляжу так, что бы при установке его не было никаких помех, и привязав свободный конец к молодому карагачу, Женька приступил к насадке наживки на крючок. Первым шло мясо ракушки-перловицы, после — чередование с ним выползков и медведок. Завершало этот бутерброд, уплотняя всю наживку, снова мясо перловицы. Закончив насадку, Женька поднёс шевелящийся комок приманки ближе к глазам и, убедившись, что всё сделано правильно, удовлетворённо, с улыбкой произнёс:

— Ам.

Груз был тяжеловат для заброса с руки. Доставлять снасть до места пришлось вплавь. Выйдя из воды после установки сомовника, Женька обнаружил, что приличная часть шнура была не выбрана и находилась на берегу. Закрепив шнур, ушедший в воду, на сторожке из кленовой ветки, воткнутой в песок, прищепкой с колокольчиком, он собрал оставшийся шнур витками и оставил его здесь же на берегу.

Летняя ночь была безветренной. Женька сидел на песке, прислонившись спиной к тёплому валуну, нагретому дневным солнцем. Над ним было высокое звёздное небо, отражавшееся в речном зеркальном просторе. Он был счастлив, созерцая это великолепие природы, и от этого в голове роились только добрые мысли: «Всего сома маме отдам. Только бы клюнул. Тяжело ей. Пусть поможет отцу. Так-то он добрый. Плохого слова от него не слышали ни я, ни мама. Во всём виновато вино. Я пить не буду никогда! А кроссовки ещё нормальные. Можно ходить». Под этот добрый размеренный ход мыслей Женька заснул. И ему

приснилась Волга. Будто бы он один плывёт по реке в лодке без вёсел вниз по течению и видит, что навстречу ему идёт человек прямо по воде.

Поравнявшись с ним, Женька узнаёт дедушку и удивлённо спрашивает: «Дедуль, а как это ты так ходишь?» Дедушка молча улыбнулся, наклонился к нему и тронул его за плечо рукой. На этом сон прервался. Женька проснулся и услышал непрерывный звон колокольчика. Он вскинулся и метнулся к снасти. Но какая-то невидимая сила подхватила его, и он мгновенно оказался в реке. Ещё не поняв, что произошло, Женька ринулся к берегу. Но кто-то в воде с невероятной силой дёрнул его за ногу, и он с головой ушёл под воду. Вынырнув, кашляя и барахтаясь, Женька бил руками по воздуху, пытаясь найти хоть что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Вдоль берега росли небольшими пучками камыши. Женька ринулся к ним. И опять кто-то с силой увлёк его в глубь реки. Сопrotивляясь всем телом неведомой силе, Женька вновь смог вынырнуть. Работая руками, как вёслами, выбрасываясь из воды вперёд, он всё-таки сумел ухватиться за камыши. Держась за них, он стоял по горло в воде, в позе ласточки на одной ноге, а за вторую кто-то постоянно дёргал, не давая ей найти точку опоры на дне. Отдышавшись и немного придя в себя, Женька понял, что с ним случилось. Когда он побежал к снасти, то одна нога попала между витками шнура, смотанного на берегу, и в то время, как сом пошёл на ход, они петлёй захлестнулись у него на ноге.

В предутренней дымке Женька видел склонённое до земли деревце, к которому был привязан сомовник. На камыши он не надеялся и понимал: если деревце не выдержит сопротивления рыбы, то она утащит его вместе с камышами в омут. Он думал и никак не мог найти решения для дальнейших действий. От волнения и потери сил Женьку бил озноб. И ему вдруг до слёз стало жалко маму. Он ругал себя за то, что, поддавшись пустяковой, капризной обиде, самовольно ушёл на реку. Мысленно он попросил у матери извинения и уже было попрощался с ней, как вдруг увидел двоих рыбаков. Они по тропке спустились с яра и шли низом вдоль него. Женька обрадовался и, собравшись с последними силами, закричал:

— Помогите!..

Крик долетел до берега и, разбившись о камни, дробным эхом рассыпался вдоль реки. Рыбаки остановились. Один из них бросив свою ношу, и со словами:

— Похоже, кто-то тонет! — опрометью кинулся к реке. Спрыгнув в воду прямо в одежде, он сгрёб Женьку в охапку, пытаясь вытащить его на сушу.

Рыба, почувствовав движение снасти вверх, с силой дёрнула её в обратную сторону. Спаситель, державший Женьку в объятьях, от такого рывка сделал шаг в глубь реки, но устоял на ногах и спросил:

— Это кто у тебя там?

— Сом, — ответил Женька и с печалью в голосе добавил: — Я в снасти запутался.

— Понял. Потерпи. Сейчас разберёмся.

В это время подошёл его товарищ и спросил:

— Ну, что там, Славян?

— Да вот здесь сомяра рыбачка закуканил, — с иронией в голосе ответил Славка и распорядился: — Ты, Димон, иди, отвяжи шнур. Намотай его на руку и тихонько подходи к нам. Я попробую мальчишку освободить.

После этого, улыбаясь, он спросил у Женьки:

— Давно сидишь в воде?

— Давно.

— Вот и хорошо, значит, рыбина вымоталась. Легче будет выводить.

Димка, отвязав шнур, стал не спеша подходить к берегу. Славян молча наблюдал. Увидев, что шнур ослаб и лежит спокойно на песке, он разжал объятья, нырнул под воду и освободил из петли Женькину ногу. Вынырнув со шнуром в руке, толкая Женьку в спину, крикнул:

— Давай на берег! — после скомандовал другу: — Димон, а теперь выбираем снасть!

Сом сопротивлялся. Шнур в воде уходил то вправо, то резко влево или останавливался и натягивался.

— Ты смотри, что творит «шельмец», — возмущался Славка, — хвост загнул и цепляется им за свал!

Но в какой-то момент снасть пошла свободно.

— Всё, сдался «поросёнок!» — радостно крикнул Димка.

И вот на поверхности воды образовался большой воздушный пузырь. Через долю секунды он лопнул, и из воды показалась голова сома с открытой пастью, из которой выходила леска сомовника.

— Тяни смелее, Димон! — крикнул Славка. — Крючок у него в «шахте». Не сойдёт. Я его встречу. Ты будь наготове. Поможешь мне.

Когда сом оказался на расстоянии вытянутой руки, Славка ухватил его за нижнюю челюсть, предварительно надев свою бейсболку на руку, чтобы не поранить её о мелкоигльчатые зубы. Димка, прыгнув в воду, проделал то же самое.

Вытащив сома на берег, рыбаки, тяжело дыша, со звуком «ух», уселись на песок. Сом, перевернувшись с бока на живот, издал точно такой же и, шевеля усами, уставился маленькими злыми глазками на людей.

— Ты смотри, ещё и дразница. Не хочет признавать своего поражения, — смеясь, воскликнул Славян и обратился к Женьке: — Ну, что, рыбачёк, забирай свой улов.

Женька посмотрел на сома и растерянно спросил:

— А как?

— Как, как, — передразнил его Славка и ответил: — Не знаю как. Ты поймал. Ты и думай.

Женька стоял, понутив голову. Славян, выдерживая паузу, пристально глядел на него. И вдруг, как будто бы вспомнив что-то, воскликнул:

— Постой, постой! Мне кажется, я уже тебя когда-то видел на реке. Ты внук Репья?

— Да.

— А почему дед с тобой не пошёл?

— Он там, — и Женька показал на небо.

Славян перекрестился:

— Царство небесное. Вечный покой ему. Хороший был человек и рыбак грамотный.

— А отец чем занимается? — не унимался Славка.

— В тюрьме сидит.

Славян резко вскочил на ноги и, обращаясь уже к своему другу, с раздражением в голосе громко спросил:

— Димон, может быть, ты мне ответишь, что стало с мужиками? Отцы от сыновей по тюрьмам прячутся!

— Беда! — с тревожной ноткой в голосе ответил Димка.

— Вот если бы у меня был сын...

Не договорив, Славка достал из своей сумки ключи от машины и ушёл. Через некоторое время он вернулся и принёс в руках мешки, пакеты, большую клеёнку, два ножа и топор. Перевалив сома на расстеленную клеёнку, рыбаки приступили к потрошению рыбыны.

Солнышко уже подглядывало из-под мостов. Утро раздавало природе положенные краски. Откуда-то со стороны, увидев не-

простую суету людей на пляже, подошёл мужик со спиннингом в руке. Женька узнал его. Это был знакомый дедушки по прозвищу Учитель. Поздоровавшись, он погладил свои гусарские усы, измерил рыбину взглядом и произнёс:

— Извините за тавтологию, но мне интересно знать, кто хозяин этого хозяина?

Славка рукой, в которой был нож, показал на Женьку. Учитель подошёл к нему, потрепал его кудри и хвалебно произнёс:

— Ну, ты, парень, молодец! Такого «битюга» выволок! Как же ты его одолел?

— Да мне помогли, — смущаясь, ответил Женька и, посмотрев в сторону своих спасителей, добавил: — Вот эти хорошие люди.

Учитель, улыбаясь, тоже посмотрел в их сторону и, подмигнув им, спросил:

— Снасть чья?

— Моя, — ответил Женька.

— Значит, сомяру поймал ты, — уверенно сделал вывод Учитель и добавил: — А помощь на реке — это святое дело!

После всего сказанного он, пожелав всем удачи и здоровья, отправился урезом берега, на ходу ухитряясь блеснить.

Разделка сома подходила к концу. Женька тоже принимал в этом активное участие. Славян с отцовской завистью наблюдал за его умелой работой, от которой при необходимом усилии на загоревшем теле подростка рельефно вырисовывались мышцы.

Город оживал. По автомобильным мостам непрерывно сновали машины. Лёгкий свежий ветерок будил дремавшие камыши и расчёсывал прибрежным ивам кроны. Сложив сомятину в мешки, Димон со Славкой взвалили их на плечи и двинулись к машине. Женька, закинув за плечи рюкзак и взяв в руки пакеты с потрохами сома, потопал следом. Миновав пляж, он вошёл в арку, созданную естественным способом в зарослях клёна, на высоком берегу Сызрана.

Эдуард Филь

Карусель судьбы

Рассказ

Манит, манит, манит карусель...

Ночь укрывала осенний город плотным чёрным одеялом. Сильный ветер, предвещая дождь, заставил горожан отказаться от вечерних прогулок. Лишь редкие огоньки такси, словно заблудшие светлячки, тусклыми пятнами прорезали сумрак городских кварталов.

Игорь Петренко, бывший военный врач, измотанный долгим днём в поликлинике, решил заехать к приятелю, с которым они когда-то вместе служили. Сергей Иванов сегодня дежурил в местной больнице. Полночь миновала, а Игорю позарез нужно было поставить капельницу в доме у одной состоятельной пациентки, и Сергей мог выручить и физраствором, и медикаментами.

Подъезжая к больничному корпусу, Игорь заметил у служебного входа Сергея: тот нервно оглядывался по сторонам и затягивался сигаретой. А курящий врач — это, надо сказать, не про знания, а про выгорание.

— Серёга, привет! Всё в порядке? — окликнул Игорь, выходя из машины.

Сергей обернулся. Его лицо было напряжено. В воздухе витал странный тревожный гул.

— Привет, Игорь. Рад тебя видеть. Да тут... послушай сам.

Из приоткрытого окна палаты, расположенной на первом этаже, доносились странные ритмичные звуки: «А... А... А...». Эхо разносило их по ночной тишине — пугающие, жалобные и завораживающие.

— Что это такое? Это крики? Чем там у тебя занимаются? — брови Игоря удивлённо взлетели вверх.

Сергей глубоко вздохнул, на губах появилась усмешка.

— Это, брат, история, достойная кино.

Они присели на лавочку у входа.

— Представь: два молодых патрульных. Ну, знаешь, такие уверенные в себе полицейеры с горящими глазами. Решили они расслабиться под конец смены. Забрели к аттракциону «Американские горки», что на Дыбенко поставили пару лет назад, а там сторож, как оказалось, знакомый одного из ребят. Или родственник, но это неважно.

Сергей сделал паузу.

— Ну, парни решили воспользоваться моментом. Покататься им захотелось. А карусель эта — та ещё штука: волосы дыбом встают по всему телу! Я один раз прокатился с младшей дочкой, и больше меня туда не заманишь. Попросили парни их прокатить. Чтобы сторож согласился быстрее, угостили его водкой, изъятой ими в ларьке. Дядька этот к тому моменту уже от скуки и сам пригубил немало... Распили они на троих быстро, без закуски. Сторожу полный стакан, естественно. Включил он им чудо техники, а сам через минуту отключился в будке. Видимо, «несвежая» водочка попалась.

Игорь слушал, пытаясь уловить суть.

— А ребята крутились, довольные. Бесплатно и с ветерком! Один круг, второй... пятый... И тут им стало не до смеха. Начали кричать: «Останови!» Затем их начало выворачивать. А на следующем вираже они просто отключились — от перегрузок и адреналина. Сторож их, конечно, не слышал...

— И что потом?

— Кто-то из прохожих услышал крики, постучал. Охранника разбудили, аттракцион выключили. Парни без сознания подъехали к платформе. А что делать? Представители власти в таком нездоровом виде. А ближайшая больница — наша. Так их ко мне и привезли — продолжающих издавать эти странные ритмичные крики.

Сергей кивнул на здание:

— Когда ты приехал, один уже очнулся и спит. А второй... всё ещё «катается».

Эдуард Филь. Карусель судьбы

«А... А... Не надо! Хватит!» — снова донеслось из больницы, подтверждая слова врача.

Игорь покачал головой, не зная, смеяться или ужасаться. Ребят было, конечно, жалко. Ночные смены в больницах полны таких курьёзов. А эти ритмичные крики теперь обрели вполне реальное, хоть и абсурдное, объяснение.

— Ну, артисты. Надолго запомнят эти горки, — выразил сожаление Игорь.

— Что-то затих боец... — заволновался Иванов.

— Пойдем посмотрим. Да заберу у тебя, что просил, — поддержал Петренко.

В палате Игорь увидел перекошенное мучительной гримасой лицо молодого человека с выпученными глазами.

Тот уже не кричал, а сипел в потолок:

— Хватит... Хватит...

И вдруг с последним звуком парень обмяк и стих.

Сергей быстро подошёл к кровати, потрогал лоб, проверил дыхание и обратился к Игорю:

— Всё, и этот успокоился. Уснул. Пойду второго гляну и пакет тебе отдам.

Пора было возвращаться и Игорю: его ждала пациентка, да и погода портилась. За окном начинался осенний дождь...

Петренко вышел во двор, завёл мотор. В зеркале мелькнул силуэт Сергея в полумраке у входа. В голове Игоря всё ещё звучали эти странные «А... А...», но теперь они вызывали почему-то горькую усмешку. Он представил двух молодых парней в бесконечном цикле аттракциона: их крики смешались с адреналином, осенней темнотой и страхом.

«Карусель судьбы», — подумал Игорь. Как часто мы оказываемся в подобных замкнутых кругах — будь то работа или череда нелепых случайностей? Не в силах вырваться. Не понимая, что на самом деле происходит, пока не станет больно. Пока не вырвет от происходящего, не вывернет наизнанку. Обычная ночная поездка обернулась сюрреалистическим приключением. Или написанием... О чём? О том, что стоит десять раз подумать, куда садиться и чем это может закончиться.

Дождь усиливался, барабания по стеклу. Капли искажали очертания фонарей в призрачные пятна. Дворники мерно двигались по лобовому стеклу в такт тем звукам из больницы. Он подумал о своей пациентке — богатой, властной и не знающей границ

приличия. Социальное расслоение, конечно, глобальная проблема, которая не сулит ничего хорошего стране. Он, офицер, награждённый медалями, вынужден крутиться, чтоб сводить концы с концами и поддерживать стареющую мать.

Крутится карусель... У каждого своя. Внезапно Игорь вспомнил: он так и не спросил у Иванова, как же именно удалось остановить аттракцион. Неужели сам сторож просто выключил рубильник? Или пришлось вызывать спасателей? Эта незначительная деталь теперь не давала покоя. Он представил этих двоих ребят после случившегося: будут ли они смеяться над собой или это станет поводом для насмешек сослуживцев и городским пересудам жёлтой прессы? Скорее всего, и то, и другое, и третье. Именно такие абсурдные моменты делают жизнь непредсказуемой и запоминающейся.

Игорь свернул на знакомую улицу к коттеджу пациентки. Дождь уже не казался неприятным: он смывал пыль с города и остатки тревоги от услышанных криков. Теперь это была лишь часть необычной истории для будущих рассказов о том, что у каждого человека может быть своя «карусель», своя «судьба», как и своя «карусель судьбы».

На следующий день после обеда Игорь заехал к Сергею «вернуть долг». Выходя из машины, он за углом заметил двух молодых парней в больничных халатах: они жадно курили. Ребята хихикали, что-то горячо обсуждая, и хлопая друг друга то по головам, то по плечам.

— Ой, артисты! — с добродушной улыбкой промолвил Игорь, узнав одного из них по короткой стрижке.

Он пожелал ребятам больше никогда не попадать в такие ситуации и поспешил к входу в здание, чувствуя облегчение от того, что для молодых полицейских всё закончилось относительно благополучно в отношении здоровья.

Осень же вступала в свои права, исподволь хитрой рыжею лисицей проникая в город. Проказник ветер срывал первые золотые монетки с берёз, они кружились в воздухе и тихо падали под ноги задёрганных людей и шины пугливых авто, а из радио звучала знакомая песня...

*Манит, манит, манит карусель
В путешествие по замкнутому кругу.
Дарит, дарит, дарит карусель
То надежду, то досадную разлуку...¹*

¹ Песня «Карусель». Слова Регины Лисиц, музыка Игоря Азарова.

Международный клуб «ЛиТерра»

Так вот и получается, что планета наша не особо велика. Да что там говорить — сегодня она полностью огибается одним кликом мыши, одним нажатием на экран смартфона, одной фразой, начинающейся со слов «Алиса, покажи мне...» Некогда бескрайние моря и океаны небрежно смахиваются в поисках популярного пляжа на райском острове, а горные массивы перемещаются ради потрясающей видовой фотографии. Но вот что интересно: куда бы ни упал взгляд пытливого интернет-путешественника — везде он встречает одну странную, но, безусловно, приятную деталь. Везде звучит русский язык. Поначалу может показаться, что это проделки онлайн-переводчика, но стоит только приблизить любой объект до состояния полного погружения в какофонию шума улиц, как в каждой из стран, в любой части света явственно проступает такое привычные нашему уху: «Боже мой! Ну, куда ты опять лезешь!» Русский язык везде. Он решает проблемы с авиабилетами, выбивает столики в ресторанах, отпугивает аллигаторов и носорогов в джунглях, призывает холод и одновременно жару в туристических автобусах. Он гремит, шелестит, поёт! Рвёт и мечет. Но никогда не стихает. И знаете, что кажется? Будто именно из этих простых слов и соткана та невидимая сеть, которая не даёт смешаться всему, что есть в мире, в клубок безудержного хаоса. Наш язык на всех континентах, во всех странах мира. И почти в каждой такой стране есть люди, которые заботливо слово за словом укладывают его величество на бумагу. Зачем? Кто его знает, может, для того, чтобы упрочить эту скрепу, а может, просто чтобы запастись впрок его великую силу и красоту.

Международный Клуб непрофессиональных авторов, пишущих на русском языке, «ЛиТерра» на сегодняшний день насчитывает более пятидесяти авторов из более чем 15 стран. Это и есть те самые биографы великого русского языка, забредшего так далеко от дома ради того, чтобы наша такая маленькая большая планета никогда не стала безликой!

Подборка их произведений предлагается ниже для ознакомления каждому читателю альманаха «Русское Эхо».

Дмитрий Камынин,
член Общественной палаты Самарской области,
председатель межкомиссионной рабочей группы
по вопросам общественной дипломатии
и международного сотрудничества

Ирина Ака

Турция

Не на месте

В полутёмный кабинет свет попадал через узкое окно с матовыми стеклами и оттого казался казённым, мертвенно-белым. Настя смотрела на край стола, где облупился лак и обнажил потемневшую древесину. Голову заполнял белый шум, из-за которого голос следователя доносился словно издалека.

— Анастасия Игоревна, вы меня слышите? — следователь Стрельников не кричал. Он буднично, почти скучающе, перекладывал бумажки. — Мартынов Вячеслав Дмитриевич. Директор вашей фирмы. Знакомы?

— Да... — Настя сглотнула. Горло пересохло, словно она наелась песка. — Но я...

— Отношения? — перебил он, не поднимая глаз от протокола. — Любовники? Вражда?

— Ничего такого, — Настя дёрнула плечом, и этот жест ей самой показался виноватым, вороватым. — Он директор. Я менеджер. Мы почти не общались.

Стрельников наконец поднял голову. Глаза у него были как у рыбы в гастрономе — холодные и немигающие. Он выудил из папки лист, исписанный мелким почерком.

— «Почти не общались»? А в прошлую среду? Весь офис слышал, как он честил вас на парковке. Свидетели говорят, что вы грозили ему, что он «за это» поплатится.

— Это... это просто слова, я не всерьёз, — Настя сжала под столом кулаки, ногти впились в ладонь. Вспомнилось, как Мартынов брызгал слюной, как было стыдно перед коллегами. — Я просто неудачно припарковалась. Он вспыльчивый человек. Я имела в виду, что он однажды нарвётся. Вы же не думаете...

— Мы всегда «думаем», Анастасия Игоревна, — Стрельников отчётливо, с наслаждением стукнул колпачком ручки по столу. — Думаем и сопоставляем. Вчера, в одиннадцать вечера, ваш «Пежо» сбил господина Мартынова.

— Нет! — вскрикнула она, оглядываясь на второго полицейского. Тот сидел за соседним столом, методично набивая что-то на клавиатуре. Клавиши клацали, словно зубы, готовые сожрать. Он даже не повернул головы.

— Где вы были вчера с десяти до полуночи?

— Дома. Спала.

— Подтвердить есть кому? Кот, муж, соседи?

— Я одна живу, — Настя почувствовала, как по спине поползла холодная капля пота. — Я же не знала, что мне понадобится алиби... — она попыталась улыбнуться, но губы онемели. Стрельников вместо ответа выложил на стол три фотографии. Настя не сразу поняла, что на них: темнота, свет фар, размытый силуэт человека на капоте. И яркое, ядовито-жёлтое пятно за лобовым стеклом.

— Ваша куртка? — вкрадчиво, будто даже с сочувствием спросил он. Настя посмотрела на свои руки. На рукав пуховика цвета спелого лимона. Того самого, который она купила на распродаже чуть больше месяца назад. — Таких курток сотни... — прошептала она.

— На бампере вашей машины кровь, — следователь подался вперед, в его голосе звучало удовлетворение.

Настя почувствовала запах дешёвого кофе и табака.

— И волос. Завтра экспертиза скажет, что они принадлежат Мартынову. Хотите что-то добавить про «сотни курток»?

Настя открыла рот. И закрыла. Она вспомнила, что утром машина стояла совсем не слева, а справа от подъезда. Она ещё подумала: «Странно, неужели так закрутилась, что забыла, куда встала?»

— Её угоняли, — вытолкнула она из себя. — Мою машину ночью угоняли.

Стрельников переглянулся с помощником. Тот перестал печатать. В кабинете повисла гулкая, тяжёлая тишина. Следователь за соседним столом приподнял голову — его внимание немного приободрило Настю.

— На дверце были следы взлома? В салоне — посторонний запах? Уровень бензина изменился? Вы заметили на автомобиле какие-то повреждения? — второй следователь буквально засыпал Настю вопросами.

— Да не знаю я! — Настя чуть не плакала, нервно теребя большой палец в попытке успокоиться. — Понятия не имею! Утром я торопилась на работу — мне в голову не пришло осматривать машину. Села и поехала. Всё было как всегда.

— Зря, — в голосе первого следователя сочувствия не было. — Вот, возьмите бумагу. Опишите со всеми деталями события вчерашнего и сегодняшнего дня. Внизу — число и подпись. Потом можете идти. Мы вызовем, как понадобится. Ну и,

сами понимаете, подписка — не покидать город до окончания следствия.

Настя писала, низко опустив голову, пытаясь припомнить любую деталь, но чем больше листок покрывался текстом, тем явственнее приходило понимание — все факты против неё. Уже в дверях второй следователь спросил:

— А где обычно вы держите ключи от машины? В сумочке?

— Нет, — Настя остановилась, удивлённая, — в кармане куртки. Сумки я иногда меняю, а куртка у меня одна, — пояснила и раздраженно подумала: «Ну, зачем я это сказала».

— А враги у вас есть? — следователь ободряюще улыбался.

— Нет, — Настя растерянно помотала головой и вышла.

Когда за девушкой закрылась дверь, Антон Быстряков обратился к старшему следователю Стрельникову:

— Похоже, эта Анастасия Верховцева не виновата, Анатолий Петрович.

— Разберёмся, — ответил Стрельников, складывая фотографии в папку. — Ты случаем на эту Верховцеву не запал? Чего-то быстро её из подозреваемых исключаешь.

— Нет, Анатолий Петрович, сами посудите: поехать на работу со следами крови на капоте, да ещё и в той же куртке — она же не полная идиотка!

— Не скажи, Антоша, не скажи, — задумчиво проговорил Стрельников, подходя к окну. — Смотри, как у неё всё гладко: мол, машину украли, а я ни при чём, про сбитого начальника ни слухом ни духом не ведаю. Может, наоборот, слишком хитроумная — вот улики и не удалила, будто, мол, я сама жертва. Как этот Мартынов на неё орал, весь офис слышал. Так что мотив налицо.

— Да, вы посмотрите на неё, — с жаром воскликнул Антон, — не похожа она на убийцу-мстителя! Вон как нервничала! — Угу, — промычал Стрельников, о чём-то размышляя. — Ты это, защитник невинных, мотнись-ка ещё раз в офис и порасспрашивай народ про отношения Верховцевой с Мартыновым. Так ли они были близки, как хотела нас уверить его жена. А я заскочу в одно место — идея появилась.

Глаза Антона заблестели.

— Анатолий Петрович, может, я с вами?

— Нет, езжай-ка в офис и набери побольше информации.

Антон встал и направился к двери.

— Да! И заскочи в больницу — узнай, как там Мартынов, — крикнул Стрельников ему в спину.

— Так я был там с утра, — Антон обернулся в дверях. — Говорят, пока рано что-либо говорить. Состояние тяжёлое — пытаются стабилизировать.

Стрельников кивнул и добавил:

— Ты на фирме особо про здоровье Мартынова не распространяйся. Но между делом, проговорись, мол, врачи обещают, что сегодня-завтра из комы выйдет. А сам присмотришь, кто за нервничает.

Антон понимающе кивнул и скрылся за дверью. А Анатолий Петрович Стрельников достал мобильный и позвонил.

— Альбина Витальевна? Это Стрельников из уголовного розыска. Мы с вами сегодня уже беседовали. Вы дома? Появились новые обстоятельства, я подъеду? — послышался взволнованный женский голос, Стрельников поморщился и прервал поток льющийся из трубки слов. — Мне такой информации не поступало. О самочувствии вашего мужа узнавайте в больнице. Я хотел уточнить, откуда стало известно, что у вашего мужа интрижка с Верховцевой?

— И ради этого вы поедете ко мне? — раздался откровенно недовольный голос в трубке, — лучше бы убийцу моего мужа допрашивали! Мне уже сообщили, что её арестовали!

— Кто сообщил? — оживился Стрельников.

— Мир не без добрых людей, — голос Альбины Мартыновой снизился на октаву, даже через телефон стало понятно, что вопрос её смутил, — мне бы не хотелось подставлять неравнодушных людей.

— Ну, хорошо, — легко уступил следователь. — Но я всё же подъеду.

Женщина неопределённо хмыкнула и повесила трубку.

* * *

Квартира Мартынова была в новостройке. Дверь открыла сама Альбина в лёгком халатике. Лицо её немного покраснелось.

— Спортом занимались? — спросил Стрельников, разуваясь и проходя вслед за хозяйкой, показывающей дорогу и одновременно вытирающей лицо бумажным полотенцем.

— В смысле? — не поняла та.

— Запыхались, пот вытираете. Вот и спрашиваю — спортом занимались?

— Ааа! Нет! — протянула хозяйка, кинув бумажное полотенце на консоль. — Маску делала, стимулирующую кровообращение. Так что вы хотели спросить?

— Альбина Витальевна, — начал Стрельников, — мы проверили телефоны вашего мужа и Верховцевой — и никаких переписок между ними не было. Сообщите нам, от кого вам стало известно об их связи?

— Откуда я знаю?! — вспыхнула Мартынова. — Я — что, обязана помнить, кто именно сказал? Кто-то из офиса! Может, их сисадмин, а может, секретарь! Разве это важно? Вы расследование ведите, а не сплетни собирайте!

— Успокойтесь, гражданка Мартынова! — сухо ответил Стрельников, перейдя на официальный тон. — Я этим и занимаюсь — веду расследование. Отвечайте по существу: от кого, когда, при каких обстоятельствах вы узнали, что ваш муж изменяет вам с Верховцевой.

— Да не знаю я! — Мартынова раздражённо махнула рукой, села на диван и задёрнула распахнувшийся халатик. — Он тот ещё кобель, всё время за кем-то таскается. Я что, учёт должна вести, где и какая змея мне опять на него настучит? — в голосе Мартыновой появились истерические нотки. Она убежала и через минуту вернулась с новым бумажным полотенцем, которым промокнула густо накрашенные глаза. — У вас всё? — недовольно спросила она. — Мне к мужу в больницу надо — не хочу, чтоб он очнулся среди чужих людей.

Стрельников, которому так и не предложили присесть, только кивнул.

— Да, хорошо, Альбина Витальевна, — сказал, выходя, — если что-то вспомните, то сразу нам сообщите.

Выйдя на улицу, он позвонил сначала Антону, затем в больницу и в лабораторию. А следом остановил катавшегося на велосипеде мальчишку:

— Эй, пацан, а где у вас тут мусорка?

* * *

Возвращаться на работу, с которой её забрали в полицию, не было сил, поэтому Настя прямо от следователя пошла в поликлинику. Увидев её, врач быстро выписал больничный. Но дома легче не стало. Настя раз за разом прокручивала в голове собы-

тия: как в среду её вызвали на парковку, и обычно спокойный директор орал, в прямом смысле брызгая слюной. Она неловко, рывками, пыталась переставить машину, а несколько сотрудников, вместе с женой босса Альбиной, громко комментировали «блондинку за рулём». Это было ужасно — она не сомневалась, что уволят. Но всё обошлось, чтобы теперь вылиться в новый кошмар. «Лучше бы уволили», — думала Настя, по-детски веря, что одним несчастьем можно откупиться от другого, большего.

Дома было тихо и буднично, а её переживания, как теннисные шары, отскакивали от стен и возвращались к ней снова и снова: спать легла совсем измученной. А утром проснулась от звонка:

— Настюх, ты чего не на работе? — раздался в телефоне бодрый голос сисадмина Кости.

— Я на больничном, — простонала Настя, зарываясь головой в подушку и мечтая, чтобы весь вчерашний день оказался просто страшным сном.

— Ааа... — протянул Костя. — А тут такое! Жену Мартынова вчера вечером арестовали. Говорят, около её дома нашли куртку, как у тебя. Следаки надавили, и она раскололась. Говорят, ты вообще ни при чём — просто Альбине под руку подвернулась. Мартынов, кстати, пришёл в себя. А ты, Настюх, теперь героиня дня! Приходи скорее — всем не терпится тебя увидеть.

Настя буркнула в трубку «угу» и совсем отключила телефон. Сон пропал. Она ещё полежала, прислушиваясь к себе. Потом рывком скинула одеяло и стремительно поднялась: вместе с нахлынувшим облегчением созрела мысль: «Ну их всех на фиг, сама уволюсь... и уеду — подальше».

Ксения Любенская

Беларусь

Красная нить на запястье

Сквозь грозовые бинты открывается раной
Рваный рассвет, сердцу не позволяя забыть.
Рано в толпе городской успокоилась, рано...
Не затянула, не справилась красная нить!
Снова судьба об меня «набивает костяшки»,
В ближнем бою демонстрируя свой апперкот.
Тонкие пальцы дождя завивают кудряшки,
Слышится ласковый шёпот:
— Всё скоро пройдёт.
Все неудачи и лживые хитросплетения
Чёрным узором украсят цветное сукно,
Напоминая, что сила любви и прощения
Грязные воды дождя превращает в вино.

Отражающие

Мы встретились в разбитых зеркалах,
Все в трещинах, в надежде исцелить свои сердца,
Застывшие обиды на губах
Напоминали прошлого закоренелый страх.
Ты отражался в зеркале моём,
Чертами чёткими, среди размытых лиц,
Тускнел, как антикварный медальон,
Потрёпанный годами — медь застаренных амбиций...
Я видела в тебе, как отражается душа —
Моя душа, с ошибками неповзрослевших лет,
Мне захотелось исправлять с начала до конца
Седые упущения проигранных побед.
В бездонном зазеркалье, там, где правда как обман,
Среди осколков гордых, еле выживших сердец,
Мы раскрывали панцирь наслоившихся мембран,
Глубокими обидами насытившись вконец.
Снимая с тел тщеславные одежды... обнажив
Родник души в растресканных, измученных сердцах,
Повержено бросали оружейные ножи
И видели, как рубцевались раны в зеркалах.

Международный клуб «ЛиТерра»

Непредсказуемо изменчив жизненный удел,
Не сразу нам открылся путь земного бытия.
На перепутье, в одночасье, каждый повзрослел,
И каждый изменился, глядя в зеркало —
в Себя.

* * *

Февральская весна в моих глазах,
Божественная зимняя улада,
Сквозь ледяные слёзы снегопада
Рождается весна на этажах.

На этажах бетонных шалашей
Под тёплым одеялом дышит счастье.
Когда так нежно трогаешь запястье,
Нет более надёжных крепостей.

Возможно, силой ревности гоним,
Февраль роняет крокодилы слёзы.
Возможно, отношения серьёзны
Иль несерьёзно мы с тобой грешим...

Безумно радуемся серым дням,
Гуашью радости рисуем живописно
С желанием пройти дорогой жизни,
Не изменяя нашим феврялям.

Февральская весна в моих глазах...

Вернуться

О нас забудут... а затем забудут тех, кто нас забудет,
Недолг жизненный удел в земном приюте.
Скалы высокая гряда падёт холодным водопадом,
И станет пеплом мерзлота под звездопадом.
Тому, кто стрелкой на часах считает дни и циферблаты,
Не стать легендой на устах, не быть распятым.
Но даже в капельке росы — чреда рассветов и закатов,
И в каждой линия судьбы без дубликатов.
Я так хочу вернуться вновь, когда забудут все и всюду,
Мелодией ночных стихов... из ниоткуда...

Держи мои руки

Если бежать,
Взявшись за руки в облаке счастья,
По снежным барханам, по раскалённым снегам,
Осеннюю красную нить завязав на запястье,
Весеннюю негу разбрасывая по годам,

Если дышать
Перламутром морских побережий,
Где море ласкает скалистую плоть берегов,
Сердцем вдыхать в каждый камень живую надежду,
Освобождая себя от превратных оков,

Станет другим
Каждый день, каждый шаг в неизбежность,
Земля под ногами расстелет небесную высь,
Согреет своей теплотой бархатистая нежность!
Ты только держи мои руки! Не остановись!

Любовь уходит босиком

Любовь уходит босиком
По битым стёклам, острым
льдам,

А следом по её следам
И счастье покидает дом.
Не страшен ей далёкий путь,
Ни снег, ни дождь, ни Рубикон,
Когда уходят босиком,
Ушедшего не развернуть.

Что остаётся позади
Зыбучих жизненных песков?
Солёный привкус ручейков,
Что задержались на груди...
Бесформенная пустота,
Безвкусный кофе по утрам.

По вечерам цветной экран,
Где двое не одна строка.

Любовь идёт искать свой дом.
Вдруг повстречавшись на пути,
Её босую приюти,
Не сомневаясь, что потом!
На день, на ночь, а может быть,
И несколько часов в любви
Твои венчальные огни!
Того, что может и не быть!

Любовь уходит босиком,
Оставив вещи и дела,
Когда вдруг стала не нужна!
И в этом женщина права!

Юлия Бут-Хагман

Швеция

Я и Катя

Нам обеим было около тридцати. Наши браки разваливались, как сказочные замки, которые строили десятилетние сыновья на пляже. Младших, как выяснилось, мы рожали в Симферопольском роддоме практически в одно время, но умудрились не только не познакомиться там, но не пересечься и до этого на дорожках маленького крымского городка, в котором обе уже давно жили. Так, видно, было задумано, чтобы мы катили рядом немодные, выцветшие коляски с годовалыми карапузами именно тем летом. Одновременно окликаая старших, усакавших наперегонки к парку, покупали по пути мороженое:

— Нет, нет, не это. Давай посмотрим в другой тележке. Может, там есть пожирнее, — и не уставали удивляться бесконечной нашей похожежности.

— О, крем-брюле!

— Ты тоже любишь крем-брюле?!

— Да, и я мечтаю поправиться! — смеялась Юля и поднимала ладошку для встречного хлопка — жеста, ставшего нам уже привычным.

— А Саша говорит: «Приляг, отдохни, потом всё сделаешь!»

— И мой Саша так говорит!

Ладошки встретились.

— Такой же выбор сделала в семью...

Хлопок.

— Да, тоже пишу стихи...

— И я так много вижу, чувствую, но ощущаю, что неуместна...

После мороженого, по Юлиному совету, чтобы уж наверняка поправиться, мы покупали пиво. На поляне, усеянной жёлтыми и голубыми первоцветами, расстилали старое покрывало, отпускали детей ползать и бегать, а сами говорили, говорили сердцем, душой...

Юля достала пачку сигарет.

— Ты куришь?

А вот и первое «нет», которое мне тут же захотелось оправдать:

— Наверное, курила много в прошлой жизни. Сейчас я обожаю запах дыма. Но дома никто не курит, и это невозможно.

— Попробуешь?

— Давай.

Я затынулась. Смакуя. Глубоко. И тоже удивилась, что не закашлялась. Дым тут же унёс меня в какие-то парижские воспоминания и в состояние свободы...

В которой как будто нет этой сжимающей плечи ответственности за ребёнка, опять тянущего в рот какую-то дрянь, и так уже чуть не умер однажды. А второй что-то долго не появляется. Только бы они на озеро не умчались!

Так в моей сумке появилась розовая пачка сигарет лайт, сейчас уже не помню точно, как они тогда назывались.

Дома, жонглируя бесконечными делами, я всё время поглядывала на телефон. «Она позвонит? Или самой набрать?» Юля потом призналась, что также наматывала круги у аппарата. Чуть позже у меня завелась корзинка с мелким рукоделием (подпороть, починить, пришить пуговицу) для долгих разговоров, когда сижу возле тумбочки в прихожей, прижав трубку на длинной пружине к плечу. Потом Юля ради наших созвонов без отрыва от хозяйства установила у себя беспроводной телефон и договорилась с мастером о таком же для меня. Муж начал ревновать и пытался пресечь даже прогулки:

— Зачем, у нас ведь свой дом, дети и так на свежем воздухе...

Но его слова я слышала уже спиной, мчась с детьми в обтягивающих бежевых брючках в парк к Юле. Потому что давно, аж с позавчера не виделись. Полузнакомые мамы с колясками принимали нас за сестёр. Но разве бывают сёстры похожими? Если только не близняшки. И даже если размышлять эзотерически — это тоже не про нас.

Да, мы были очень похожи внешне. Обе тонкие, длиннокостные, с маленькой грудью и рыжевато-каштановыми волосами. Только я — с длинными, а у неё стрижка каре. Крупные карие глаза у обеих широко посажены. Но мои переливают болотно-зелёным, а её были тёмными, как ночное крымское небо, скрываясь под которым, мы однажды поцеловались.

А разными были, как свет и тьма, как день и ночь, как то, без чего не бывает целого.

Я увязла на тот момент в хороших семейных ролях. Юля открыто заявляла: «Я — ведьма!»

Я кропотливо и усердно вела дом. Юля только взмахивала правым, левым рукавом, не заботясь о том, что куда падает.

Я оглядывалась на людей и шикала на неё:

— Юля, так нельзя!

Она только пожимала плечами:

— Мне всё можно!

Я смотрела на неё и видела себя семнадцатилетнюю. Ту, которая играла факультетами, а преподаватели в ответ качали головой: «У этой девочки всё, что ни захочет, получится». Без Юли я могла бы совсем себя забыть. Теперь же не боялась развода, и его колесо стало раскручиваться быстрее.

А чем наша встреча была для неё? Это станет понятно позже. Тем летом она только хохотала мне в лицо:

— Ты — мой ангел.

И, наверное, что-то в этих словах было.

Почему я так много думаю о ней сейчас? Потому что опять, наверное, пришёл тот момент, когда надо вспомнить о своей силе.

— Юль, послушай, — я развернула сложенный вчетверо листок и стала читать то, что накануне написала мужу:

Прости, коль сможешь, мой уход.

Фату разрезала на части.

Ждала, надеялась: ну, вот

Господь услышит стон о счастье...

— Ты его ещё любишь, если пишешь такие стихи, — Юля соврала травинку, задумчиво пожевала её кончик.

— Да, но теперь я выбираю себя.

— Но он просто так тебя не отпустит.

Лист со стихотворением затрепетал в моей руке:

...Я улетаю, здесь мне тесно.

И беспокойная душа

Что ищет? Людям интересно.

Возможно, я сошла с ума.

Юля захохотала:

— Одной сумасшедшей больше!

Я тоже засмеялась. Она потянула меня за кофту, мы вместе упали на покрывало, обнялись и кубарем покатались в траву. Тут же с гуканьем на нас залезли малыши, а старшие сыновья начали скакать вокруг, с восторгом крича:

— Мама дерутся! Мама дерутся!

Когда отдышались и отряхнулись, Юля сказала:

— Но ты мне правильная нравишься!

Я нахмурилась:

— Не осталось больше сил быть правильной.

— Для других! — поправила Юля.

Я кивнула, а она с улыбкой продолжила:

— Но когда в нашем холодильнике только солёные огурцы остались, ты просто как с небес явилась с мешком продуктов! — и вдруг резко, с металлическими нотками прозвучало: — И до приезда нашего папочки мы всё-таки дотянули.

Я вытерла карапузам носы и вернулась на плед:

— Мы всегда с помощью, когда допускаем её для себя.

Юля откинулась на спину, заложила руки за голову:

— Не дрейфь, подруга. Всё будет нормально.

— Это ты себя успокаиваешь?

Ветвистая тень ясеня, под которым мы устроились, нарисовала узоры на её лице:

— А ты что, не боишься?

— Да у меня как будто крылья за спиной растут! Новый вдох к жизни делаю.

Юля ничего не ответила. Заскулили старшие:

— Ну, можно, мы у того пруда поиграем?

Я с сомнением посмотрела на подругу.

— Да пусть идут! — махнула она рукой.

— Хорошо, — строго сказала я и крикнула им уже почти вдогонку: — Только маленьких поближе к нам подтащите!

— А я на работу устроилась, — как бы невзначай бросила Юля.

Я воскликнула:

— Как?! Куда?! И молчала!

— Санитаркой в Бурденко.

— Ты?! — ещё больше удивилась я.

— Ну, не делай большие глаза.

— Так у тебя же такое образование!

— Какое такое?! — Юлин голос взвинтился, она села.

— Но ты же биолог!

— Катя, мне детей кормить нечем! — Юля достала сигареты.

— А с кем ты их будешь оставлять? — спросила я уже тише.

— С бабушкой, с кем... — волнистый дымок потянулся к ажурной листве. — А ты там в Петербурге смотри, хорошо устройся!

Дети начали вырывать друг у друга игрушку, и оба разревелись. Я подскочила, начала их мирить. А Юля быстро затушила окурок и сорвала с дерева несколько семян:

— Смотрите, смотрите, самолётики!

Дети подняли мокрые, пухлые личики и заворожённо уставились на кружащие крылатки, которые медленно фланировали между небом и землёй.

Ясень, ясень, научи меня жить.

Твои корни, как прошлое,

Крона ведает путь

К солнцу, свету

И жизни в радости.

Помоги в ветвях не запутаться.

Только спустя годы я узнала, что санитаркой Юля проработала недолго.

В коляску инвалида усадить, помочь одеться, отвезти на процедуры... Она не просто выполняла всё, что требовала должность, она со своими подопечными разговаривала. Я вполне могла себе представить, как они рассказывали ей свои истории, а Юля слушала и знала ответы на вопросы, которые, казалось, и не задавали... Она это всегда умела.

— Не дрейфь, мужик, всё будет нормально!

И ей верили, и начинали улыбаться впервые после травмы... Тогда Юля поняла, для чего оказалась в этой санатории, и пошла в кабинет главврача.

— Сергей Петрович, хотите повесить кривую выздоровления?

Тот повёл густой бровью, как Юля мне потом рассказывала, и молча указал ей на стул против своего стола. Она села:

— В санатории нужен психолог!

— Кому нужен? — главврач откинулся на спинку кресла и расстегнул халат, стягивающий живот.

— Больным! То есть выздоравливающим!

— Пациентам, — поправил главврач.

— Да, пациентам.

— Это не входит в перечень наших услуг.

— Вот за этим я к вам и пришла. Давайте введём такую должность!

Он засмеялся густо, раскатисто:

— Юлия, как вас по отчеству?

— Александровна.

— Юлия Александровна, мне докладывали о вашей бойкости, но это уже слишком превышает ваши полномочия. Вам не кажется?

Юля кивнула:

— Кажется, Сергей Петрович! Поэтому и думаю, что если вы несколько расширите мои полномочия, то я могу быть гораздо более полезной санаторию.

— Это чем же? — главврач нетерпеливо посмотрел на массивные часы на запястье.

— Во-первых, моим уровнем образования. Я очень умная, Сергей Петрович!

— Не сомневаюсь.

Юля проигнорировала иронию:

— Во-вторых, я хорошо чувствую людей, с разными умею находить общий язык. Стала даже другом для многих!

По столу застучала блестящая синяя авторучка с золотым ободком посередине. Юля продолжала:

— Коляски катать и другие могут. Мне интереснее давать людям мотивацию на лечение. На дальнейшую жизнь, если хотите.

Главврач поднял взгляд:

— Я хочу?

— Но вы же понимаете, Сергей Петрович, насколько результаты процедур зависят от состояния духа человека? — Юля подняла ладонь вверх.

Этот её театральный жест, я и сейчас его вижу.

Главврач усмехнулся:

— Красиво говорить вы тоже, смотрю, умеете. Но допустим.

— К нам приезжают после тяжёлых травм, аварий. Почти у каждого семейные трагедии. С войны мужики поступают!

— Это мне известно.

— Так вот моему слову они доверяют! Плачут даже иногда, душу открывают, сидя передо мной на коляске! А у меня времени нет на внимательную психологию. Бегаю между палатами, кабинетами...

— Слово-то какое модное — психология, — перебил главврач.

— Да! — горячо воскликнула Юля. Когда она была вдохновлена, её несло: — За психологией будущее, я верю! Скоро будет больше специалистов, во всех лечебных заведениях станут работать. И мы, можем быть, в этом на передовой! — она опять взмахнула рукой. — Кому, как не нам?!

— Но вы же не психолог!

— Я хочу учиться. В Симферополе от университета есть курсы. Буду ездить два раза в неделю.

— Ну вот когда выучитесь, придёте ко мне с дипломом, тогда и поговорим, — широкая ладонь хлопнула по дубовой столешнице.

Юля со стула не поднялась, не в её характере было сдавать позиции:

— Так это сколько времени пройдёт! А у нас сейчас Петров лежит носом к стенке и Капанадзе от процедур отказывается, — она заговорила быстрее: — Я пока могу быть просто консультан-

том-администратором. Встречать, чай пить с приезжающими, беседовать о наших услугах... И не в этом халате пугающем, а красивая, в платье, — Юля вытянула спину, повела подбородком, глазами.

Главврач улыбнулся в усы и протянул:

— Почему бы нет... Подумаю.

Должность Юля получила с возможностью ездить на курсы, которые благополучно окончила, а потом и другие... Работала психологом в частной клинике в Симферополе. В санатории к тому времени появился другой дипломированный специалист. Через несколько лет Юля открыла в родном городе свой психологический центр для детей и подростков.

Но всё это будет позже. А пока мы, смеясь, стояли у парапета вечернего парка и одной рукой покачивали коляски, а другой отводили в сторону края длинных юбок-солнце, у меня — шифоновой, чёрной, а у Юли — шёлковой, белой. Одели, не сговариваясь, на последнее перед разлукой свидание. Я любовалась ею, сияющей в ореоле фонарного света. Она внимательно смотрела на меня:

— Ночь тебе к лицу.

— Хорошо, что мы встретились!

— Мы не могли не встретиться.

Разрыв на части с мясом, кровью

И с возвращением даров.

А телеграммы без ответа

для встречи с новой собой...

В Петербурге у меня получилось быть сильной.

Надежда Ляшова

Беларусь

Беглянка

Маленькая белокурая девочка потерянно шла по заросшей тропинке, обдуваемая северным пронизывающим ветром. Она не знала, куда ей идти и где переночевать.

Много напастей выпало на долю малышки Лёли. Когда ей было 5 лет, то умерла её мама и она осталась совсем одна в этом огромном мире. Папа исчез в неизвестном направлении, когда узнал о том, что у него будет ребёнок, и девочка ни разу не

встречалась с ним. В свидетельстве о рождении зиял коварный прочерк в графе «отец». Мама старалась создать для дочки уют и окружить её любовью, но частенько денег не хватало не то что на нарядное платьице или плюшевого друга, а даже на постную кашу. Девчонка росла смышлёной не по годам: глубокие философские мысли посещали её голову и удивляли окружающих людей своей мудростью и пониманием сути этой жизни.

По вечерам она слушала сказки от мамы, которая рассказывала про волшебные миры, свет и невероятные события, которые в обычной жизни не встретишь, про чудеса и поддержку свыше. А иногда мама пела своим мелодичным голосом колыбельные, после которых сны были волшебными и наполненными волшебством. Несмотря на бедное детство, Лёля не сильно ощущала тяготы жизни: мама старалась создать условия, где, даже несмотря на сложности, девочка росла окружённая тихой маминой любовью.

И вот её не стало. Мама, что была всем миром для этой девчонки с небесно-голубыми глазами и каштановыми волосами. Какой-то непонятный «рак» утащил любимую мамочку в своё логово. Малышка не могла понять, что это за зверь такой, ведь она видела рака в магазине продуктов в аквариуме, когда ходила раньше с мамой за хлебом. Он не смог бы поднять маму, он относительно крохотного размера, как же ему удалось забрать самое ценное, что было у этой девчонки?!

Так как у Лёли не было никаких родственников: ни близких, ни дальних, ни даже тех, что зовут «сёдьмая вода на киселе», — её определили в детдом. Там ей сразу не понравилось. По вечерам сказки никто не читал, колыбельных тоже не было слышно. Все с выключением света в 9 вечера должны были отвернуться к пошарпанной стенке и закрыть глаза. Мечтать вслух запрещалось, да и какие мечты в месте, где собралась кучка ребятишек разных возрастов, волею судьбы оставшихся на попечении государства? Там была одна задача: «дожить до выпуска», не потеряв веру в людей, свет в душе и человечность.

Конечно, изредка кого-то забирали в семью и ребёнок мог обрести второй шанс на жизнь, где у него есть родители, где он нужен, а не является бременем для государственного обеспечения. Но то ли детский дом был слишком далёк от обеспеченных родителей, жаждущих получить готового ребёнка, то ли большинство живущих в нём и так влачили жалкое существование на грани выживания, что ещё один голодный рот не помог бы им, а только ухудшил и без того сложное положение.

Но за те 5 лет, что Лёля находилась тут, никто так и не заглянул в это логово потерянного детства. Мягкая, душевная, мудрая девочка, которая волей судьбы оказалась одна, с каждым годом становилась всё потерянее. И вроде бы мечталось о доме, где ты кому-то нужен, но с течением времени эти мечты становились всё призрачнее. Да и в целом тут надо было быть всё время начеку и отстаивать себя: некоторые дети были слишком жестоки и растерзаны душевно, не справлялись со своим состоянием и через физическую силу пытались выместить на других всю невысказанную боль, что накопилась за их нелёгкую жизнь.

И вот вчера случился очередной такой выброс негатива от Лёши Кривоносова в её сторону. Он порвал платье, подаренное каким-то сердобольным человеком для детдомовцев на Новый год, оттягал за волосы и обзывался так обидно, как частенько слышал в свой адрес от подвыпившего отца. Она защищалась как могла: парочку царапин от ногтей обиженной девчонки да шишка на голове украсили облик хулигана. Лёля ушла зализывать раны, скрывая следы драки от воспитательницы, которая точно по головке не погладит за дополнительную работу по зашиванию дырок на платьишке.

Ночью Лёля долго не могла уснуть и лежала, любуясь необычайно ярким месяцем и звёздным небом. В её голове созрел план побега. Надоело жить, каждый день защищаясь от последствий жестокого воспитания других и перипетий их жизни. Ей хотелось тишины и спокойствия. Хотелось почувствовать себя в безопасности. Хотелось слушать сказки и колыбельные, а не утыкаться взглядом в засмотренный до дыр узор дешёвых обоев.

На следующий день погодка выдалась ветренной. Вот-вот должен был начаться дождь, но в режиме дня по расписанию была прогулка, а значит, дети должны были выйти погулять. Она незаметно прокралась к дырке в заборе, через которую старшие мальчишки частенько сбегали в магазин, когда им удавалось раздобыть где-то немного денег. Она не знала, куда идти, не знала, как добраться, да и куда вообще. Полнейшая неопределённость. Но то, что здесь оставаться уже не было сил, — это было предельно ясно.

Она села на ближайшей остановке в автобус, уезжающий в центр. Контролёра не было, и никто из пассажиров не обратил внимания на тоненькую, как былинку, девчулю без сопровождающих взрослых. Прощмыгнула на заднее сиденье и тихонько поехала навстречу неизвестности.

Серые капли дождя медленно сползали по стеклу, будто смывая след прошлой жизни. Дождь всё-таки соизволил пойти, добавляя минора в отъезд Лёли. Что впереди? Куда пойти? Ничего не понятно с этим будущим. Но лёгкий мандраж внутри и какие-то непонятные мурашечки в области сердца будто звали навстречу приключениям и новой жизни.

Доехав до конечной, Лёля пересела на другой автобус, где по стечению обстоятельств тоже не было ни кондуктора, ни контролёра, которые могли бы обратить внимание на одинокую маленькую пассажирку. А спешащие по своим делам и уткнувшиеся в экран мобильных телефонов редкие пассажиры не обращали внимания на девчонку. Они и свою жизнь не замечают, пропуская её в экране, что им: есть дело до какой-то случайной попутчицы? Нет, конечно!

Этот автобус уезжал в какой-то пригородный посёлок. Лёля волновалась, но была настроена решительно. «Если что — переночую в лесу. Благо, на дворе лето и даже дождик не такой уж и холодный»,— подумала наша отважная путешественница. Правда, приехав в незнакомый посёлок, она уже не была настроена так решительно: первые эмоции притупились, и впереди маячила необходимость искать пристанище. Одежда была мокроватой и противно липла к телу, а переодеться было не во что: захватить с собой сменку Лёля не пробовала, чтобы никто не заподозрил её планов на побег.

На пригорке стояла церковь, пускавшая солнечных зайчиков с золотого купола, когда редкие лучи пробивались сквозь небо, затянутое дымчатого цвета тучами. Но северный ветер подгонял рваные облака и погода резко сменялась: периодически накрапывающий дождь только добавлял ощущение безнадёжности. Но редкие солнечные зайчики будто манили и приглашали: «Зайди! Зайди!»

Уже вечерело, а определённости в жизни не прибавилось. Лёля решила последовать за этими зовущими зайчиками. Дверцы церкви были открыты. Войдя, она словно окунулась в облако ладана, вскружившего голову. Пламя свечей манило и успокаивало. Аромат погружал как будто в полусон-полуявь и девочка почти потеряла связь с реальностью. Стоя перед образами святых, она будто почувствовала: «Здесь я дома. Здесь меня ждут. Здесь меня поддержат и не дадут в обиду». Аромат был таким насыщенным, что закружилась голова и Лёля упала на мягкий ковёр, на пару минут потеряв сознание от этого всеобъемлющего ощущения «дома».

Очнулась она от прикосновения холодных капель к лицу. Женщина взволнованно брызгала водой, вслушиваясь в тонкое дыхание и вглядываясь в побледневшее лицо девочки.

— Слава Богу, жива! Как ты здесь оказалась? Что случилось? Почему ты одна? Как тебя зовут?

Вопросы незнакомой женщины сыпались один за одним, но Лёля ещё не пришла в нормальное состояние и пыталась понять сама, что произошло и как она здесь оказалась. Она ощущала, что эта женщина не обидит.

Невозможно было объяснить своё состояние рациональным образом, но это и не было нужно. Она понимала: здесь начнётся новая глава её жизни — с верой в сердце и под защитой свыше. И пусть пока неизвестно, что впереди, но теперь она понимала: она не одна. Бог с ней и не оставит её! И всегда был рядом. Он привёл её сюда и подарил надежду и веру в то, что всё наладится. А когда ты не один, то всё преодолимо...

Ольга Сафронова

Катар

Пианист

Необычный мальчик появился на свет в семье, говорящей на французском. Ребёнком он рос странным, лекарь сказал, что это что-то нервное от рождения. В семье о нём и правда хорошо заботились, однако всерьёз его никто не воспринимал. Добрый, солнечный мальчик, неотъемлемая часть большой семьи, в которой росло ещё четверо детей, всеми также обожаемая собака и двое в прислуге.

Глава семьи — зажиточный муж, супруга его и хозяйка дома — порядочная особа, дети, рождённые в согласии. Дом остался им в наследство от прадеда, который тот, в свою очередь, нажил непосильным трудом. Дом был просторным, крепким, всё необходимое в нём было, излишеств не допускали, однако кое-что было обязательным: ажурная столовая скатерть была самой гордой, серебряные канделябры деловито поглядывали с высоты, охраняя большие настенные часы, высокая ваза с цветами скромничала в углу возле окна, всегда надеялась на комплимент, старинный столовый сервиз всегда стоял на столе, как кавалерия, готовая к бою, два бархатных кресла для родителей,

в одном ансамбле с небольшой софой для гостей и канapé для собаки. В отцовском кабинете стоял заветный массивный шкаф с библиотекой, письмами, документами и кофейно-молочным ликёром. В остальном везде была заурядная мебель, и, пожалуй, лаковое чёрное фортепиано в антре и припыленное зеркало в полный рост. Видимо, всё нажитое было наследием предков, ибо вся одежда аккуратно донашивалась следующими отпрысками, но абсолютным и безоговорочным всегда была вкусная и сытная кухня, приготовленная собственноручно хозяйкой!

Около дома был разбит небольшой сад, черешнево-абрикосовый компот был любимым десертом! Ещё оставалось место для трав, моркови и капусты, остальное добирали на ярмарке.

Полноправный и любимый член семьи — Патрик, персиковый терьер, кудрявый, ибо нестриженный пёс, отрада всей семьи. Избалованный вниманием и почестями, Патрик свято верил в то, что это его настоящие родители, братья и сёстры, иначе и быть не могло.

Мать семейства позвала к столу! Ароматный обед был накрыт, вся семья была в сборе.

— Патрик! Солнышко! Обедать! Сейчас же!

Солнечный мальчик и Патрик сию же минуту были у стола. Все расселись по местам, Патрик лакомился в отведённом ему месте по-королевски.

Первым вкушал отец, и далее следовали остальные члены семьи. Обедали луковым супом, на второе: куриное желе с отварной морковью, картофельные блины, пирог с тушёной капустой, белый овсяный пудинг, а также картофельное пюре, одобренное молоком, сливочным маслом и зелёным луком, которое обожал солнечный мальчик. К чаю подавали тёплый хлеб с изюмом и свежим виноградом.

После стола мать традиционно накидывала зелёную шаль, шла в антре, ставила на фортепиано чашечку чёрного горького кофе, отворяла дверь в сад и давала себе отдохнуть до следующей битвы на кухне.

Двое в прислуге жили в доме с хозяевами, это муж с женой, оказавшихся в сложной ситуации: всё имущество их сгорело на Родине, и по доброй воле Всевышнего, устами местного настоятеля, они оказались приживать и помогать в этой семье. Оплачивать по найму не принадлежало традициям этой семьи исконно. Из личного всего-то, что и было у них, так это фортепиано, которое стояло в антре.

За суетой будней никто не замечал, насколько солнечный мальчик одарён! Каждый день он бесшумно барабанил по деревянной крышке инструмента. Прямо и уверенно держал спину, вдумчиво и с серьёзным выражением закрывал глаза, колени были перпендикулярны табурету. Вступление всегда было чётким, холодным, выверенным. Затем, когда пальцы разогревались и становились пластичными, партия давалась легко, музыка вместе с фотонами разносилась молекулярно повсюду. На кульминации он всегда замирал, наверное, от удовольствия. Затем под финал закрывал глаза, расплывался в улыбке и как бы позволял своей голове отдохнуть на воздушной подушке, при этом руки исполнителя плясали в такт воображаемой пьесе. И так каждый день!

Овации доставались ему, только когда в доме были гости. Гостей принимать любили. В остальные же дни каждый был занят своей вознёй. Но это никак не влияло на качество исполнения и на то необузданное счастье, от которого мальчик светился, от того и звали его дома Солнышком, ибо его огненно-рыжие волосы, казалось, сияли вместе с его улыбкой.

Современный Научно-исследовательский институт человеческого мозга доказал, что люди с серьёзными нервными заболеваниями живут в параллельной реальности, где в их мире всё, что они видят и слышат, абсолютно реально, и на клинических испытаниях томограф фиксирует активную деятельность нейронных связей мозга абсолютно так же, как если бы происходящее было бы правдой.

Ирина Хутинец

Хорватия

Обиженная яблоня

Конфликт между «отцами и детьми» часто возникает, когда дети идут не по стопам родителей. Например, в этой истории мама домохозяйка, успешная огородница и садовница, а стопы сына увели его в строительство. Опыт помощника по хозяйству у Ивана был. Однажды в детстве ему поручили пасти корову. Корова догадалась, что её охраняет что-то несерьёзное, включила свои биологические часы и, когда они пробили «пора домой», ушла с пастбища в свой тёплый сарай. Иван бегал с мальчишка-

ми и не заметил, как корова исчезла. Он искал её, пока совсем не стемнело, потом прокрался домой и юркнул в постель. «Будь что будет, но пусть это будет завтра», — подумал он, засыпая. Утро началось как будто не было вчера. Корова громко мычала в сарае, мама суетилась на кухне, отец собирался на работу, а братья в школу. Иван облегчённо вздохнул. Конфликт не случился.

Конфликт случился, когда Иван стал взрослым. Яблоком раздора стала яблоня. Яблоки у неё были не крупные, но сочные и сладкие. Мама сказала: «Иван, сынок, обрежь сухие ветки у яблони. Она выросла, и мне высоко будет».

Иван удивился такой просьбе, ведь он строитель, а не садовод. Так прямо и заявил, намекая, что в резке деревьев ничего не понимает.

— Ломать, то есть резать, не строить. Большого ума не надо. Выбирай сухую ветку и режь. В конце концов, ты строитель, вот и прояви строительную смекалку, — настаивала мама.

Иван пошёл в сад, посмотрел на дерево. Миллион веток только начали просыпаться после зимы, и неопытному глазу было трудно определить, какая из них сухая.

Вернулся в дом и деловито пообещал, что обрежет, как только будет время. В душе он надеялся, что как-нибудь само решится. Как с коровой. Проснётся утром, а вчера и не было.

Но мама с крестьянской терпеливостью напоминала про яблоню каждый день, причём сразу после завтрака. Через неделю это стало раздражать, и однажды нервы у Ивана не выдержали. Он вскочил, подумав, что сейчас покажет строительную смекалку. Взял бензопилу и пошёл в сад. Залез на дерево точно посередине, и прошёлся бензопилой по веткам вокруг себя. Оставшиеся ветки пугливо сплотились вокруг человека с бензопилой, образуя пышную серую юбку.

— Ах! — воскликнула мама и в ужасе ушла в дом.

Яблоня тоже ахнула тысячью упавшими ветками и всё своё негодование вложила в яблоки. Плоды осенью были огромные с красными, раздутыми гневом щеками.

— Какие крупные у вас яблоки, — удивлялись друзья и соседи. — Чем удобряете или опрыскиваете?

— Ничем. Обрезку делаем бензопилой, — отвечал довольный Иван.

Мама ничего не говорила. Она обиделась и, вспоминая огромный серый силуэт балерины на одной толстой ноге и с

бензопилой в руках, перестала звать сына в помощь по сельскому хозяйству.

Яблоня тоже обиделась, и чтобы не привлекать внимание человека с бензопилой, перестала расти вверх. Немного расширилась и опустила ветки ближе к земле. Таких огромных яблок тоже больше не было. Так, обычной величины, но сладкие и сочные.

Андрей Щеглов

Россия

Ловушка времени

Аэропорт. Афины. Зал ожидания для транзитных пассажиров. До моего рейса ещё часов десять. Впереди весь вечер и часть ночи. Ввиду того, что Греция присоединилась к Шенгенской зоне только в двухтысячном году, моя виза тогда, в девяносто девятом, тут не действовала. Поэтому оставался только один выход — ждать.

В том огромном помещении квадратов на триста располагалось всего рядов пять кресел, туалет, полупустой автомат по продаже воды и погасшее табло расписания рейсов. Всё! Ни телевизора, ни газет, ни еды — ничего. Вдобавок ко всему стеклянная стена с окнами в пол выходила на какие-то ангары и возможной замены телевизору, разглядывая взлетающие и приземляющиеся самолёты, я был лишён. Да ещё приглушённый свет создавал немного гнетущую атмосферу, и двери открывались только снаружи, за которыми сидел охранник, отчего выход был идеально заблокирован.

Где-то пару часов со мной пребывал в «странном заточении» какой-то араб в платке «арафатке» и белых одеждах. Всё время он слушал плеер и негромко подпевал, изрядно фальшивя. Ввиду того, что слух у меня есть, но своего плеера с собой не было, приходилось «немного страдать». Чтобы отвлечься, я старался «разукрашивать» очередную презентацию, с которой надо было выступать на предстоящей конференции. Вскоре у меня каждый слайд был с вылетающими или вращающимися стрелками графиков или плавно появляющимися картинками и текстом из разных углов. Дичь, короче. Когда исчез араб, я немного выдохнул, но тут же поймал себя на мысли, что вот теперь заняться

было абсолютно нечем. Сна ни в одном глазу, и в ноутбуке, к моему огромному сожалению, не было ни одной интересной книги или, на худой конец, какой-нибудь статьи. Листать презентацию не хотелось, так как к тому моменту все цифры и графики изрядно утомили.

Измерив многократно неспешными шагами этот странный и негостеприимный транзитный зал, услышал, как открылась скрипучая дверь и вошёл очень пожилой дядечка в серо-синем комбинезоне со щёткой и шваброй с ведром.

Он молча начал заниматься своими обязанностями, а мне ничего не оставалось, как присесть и постараться хотя бы задремать. Вечер уже давно зажёл прожектора на улице, и это помещение с тусклым светом, будучи диссонансом наружной яркости, создавало странную иллюзию, что ты находишься в какой-то потусторонней субстанции при переходе от яви в сон. Спустя достаточно долгое время всё же дрема завладела мной. Но вдруг, совершенно чётко, с хорошим интонированием мелодии, негромко прозвучало почти над ухом: «Мне под кожу бы под кожу мне... Запустить дельфинов стаю...»

Чуть ли не подпрыгнув, я глупо уставился на дедушку, подметающего у соседнего кресла.

— Вы русский? — тут же удивлённо спросил негромко.

Дедуля мило улыбнулся, и я обратил внимание, что лицо его обладало остатками былой и явной красоты. Но глубокие морщины и почти белые волосы придавали этой «былой красоте» особое ощущение доброты, сквозившей и во взгляде его карих глаз.

— Нет, — чуть хохотнув, ответил он. — Я грек, но родом из Саратова. Родители уехали в Хрущёвскую оттепель, когда мне было двенадцать.

— Вы любите «Мумий Троль»? — продолжал я попытываться.

— Да, внучка дала послушать, и мне понравилось. Хотя слова тарабарские, но звучат забавно. Меня больше мелодия и аранжировка порадовали.

Вот такого поворота я не ожидал, потому что для меня эта песня была очень знаковой. Слушал я её почти весь свой первый полёт в Нью-Йорк года полтора назад, когда мы с делегацией летели на месячную стажировку. К моему тогдашнему стыду, у меня с собой была только сотка баксов, и как прожить на эти деньги месяц, я себе просто не представлял. Это потом я выдохнул, потому что жильём и питанием нас обеспечила принимающая сторона. Но тот полёт с «Дельфинами» в наушниках и

горькими думами о своей судьбе-судьбинушке оставили в моей памяти неизгладимые впечатления.

— А вы как-то с музыкой связаны? — продолжая подметать, спросил дедушка.

Пришлось мне коротко рассказать о своём житье-бытье и плотной связи с музыкой всю сознательную жизнь. Упомянул и про «Дельфинов», отчего дедушка даже рассмеялся:

— Просто как в автобиографии какой-то рок-звезды: «Он приехал в Нью-Йорк, имея только сто долларов в кармане!» — и с улыбкой спросил: — Сейчас-то не сожалеете об этом?

— Ну, вряд ли буду грустить. Скорее осталось вот такое яркое воспоминание. Да ещё и виды небоскрёбов у меня теперь в плотной связке с Чайковским. Мы, когда ехали из аэропорта в лимузине, — в свою очередь усмехнулся я и добавил: — Без пафоса никак нас не могли партнёры встретить, и водитель включил «Щелкунчика», представляете? А когда зазвучал самый кульминационный момент «Вальса цветов», вот тогда из-за холмов стали вырастать небоскрёбы! Зрелище просто поразительное, поверьте.

Дедушка тут же пропел небольшой рефрен, и мне ничего не оставалось, как только подхватить его.

— Меня Никосом зовут, — наконец представился дедуля после вальсирующей мелодии и протянул руку. — Или просто — Николай.

— Николай?.. — поднял я вопросительно брови, пожимая ответно руку и намекая на отчество, потому что решил, что слишком уж я молод для фамильярного обращения.

— Не переживайте, — махнул рукой Никос, — у нас принято по имени, и я к этому уже давно привык.

— У вас очень чёткое музыкальное интонирование. Вы музыкой занимались?

— Я преподавал музыку в школе, — огородил меня Никос и стал выжимать швабру мудрёным устройством в ведре. — Лет тридцать отдал этому ремеслу и вырастил не одно поколение детишек, кто до сих пор меня поздравляет с днём учителя. Потом старшая дочка настояла, чтобы я ушёл и стал приглядывать за больной женой. Были и частные уроки, но пальцы артрит замутил, и вот теперь, благодаря второму зятю, тут подрабатываю.

— А как же ваши заслуги в школе? — удивился я. — Неужели не было возможности взять вас назад?

— Заслуга — это определение материальное. «Там», — указал Никос пальцем наверх, — мы будем расплачиваться умением и

силой своей собственной любви, потому что в следующем измерении жизни любовь является основной валютой. А «заслуги», как старые заголовки газет, рассыплются в прах вместе с телом.

Я просто онемел от такого высоко философского заявления и тут же попросил:

— Простите, можно я эту фразу запишу?

И не медля ни секунды, открыл ноутбук и быстро застучал пальцами по клавиатуре.

Глядя на меня с улыбкой, Никос домыл пол, поставил швабру и присел рядом, глядя на мои судорожные записывания.

— Вы удивили меня, — снова улыбнулся он. — Слишком молодой, чтобы так реагировать на такого рода высказывания. Сколько вам, если не затруднит?

Узнав мой возраст, Никос покачал головой и с небольшой печалью добавил:

— Странно, что о тех молодых, с кем я общаюсь, у меня всё больше мнение складывается как о каком-то пустопорожном поколении. Вроде все стремятся чего-то достичь, стать значимыми. А поговоришь с кем-нибудь из них подольше, и сразу загрустишь, потому что ничего глубокого нет — ни в мыслях, ни в желаниях. Всё пошло одинаковое: добиться, заработать, разбогатеть. А дальше-то?.. И вот что я вывел ошеломительное после таких бесед и встреч! — оживился он. — Как только во взгляд человека просачивается пренебрежение к другим, сразу начинается обратный отсчёт жизни его души. Потому что пренебрежение — главный яд, разъедающий человечность, любовь и уважение к себе истинному.

Я продолжал стучать по клавишам, записывая и это изречение, и про себя думал, что повстречал действительно удивительного человека! Он не кичится своими заслугами, хотя более чем уверен — их у него немало. Он рассуждает очень интересно и здраво, и почти все его выражения — просто готовые цитаты для изучений и запоминания!

— Вы же тоже стремитесь заработать, разбогатеть? — после небольшой паузы повернулся ко мне Никос.

— Ну... — протянул я. — Это нормальная общая тенденция нашего времени. Что тут плохого?

— В том-то и беда, что эта тенденция людей чувствовать разучила, — печально закачал головой старик. — Всё же стало во-круг денег вертеться, и только деньги стали важным атрибутом человека, а не он сам. Эта постоянная гонка выжигает людей! Их

нутро просто покрыто углями, и ничего там нет больше. А ведь всё, что сильно горит, теряет в весе, а потом и в значении. Неужели и это не понятно? — обернулся он ко мне и, поймав мой удивлённый взгляд, добавил: — Хорошо, что вы записываете. Может, кому и пригодятся размышления старика. Главное, чтобы те, кто прочитает это, поняли ещё одну истину: нельзя бояться менять себя к лучшему! Без изменений ты не можешь взрастить душу. И если ты боишься этого, то ты самый обычный трус. А ведь любая трусость, что накрывает тебя, приходит не одна. У неё огромное войско прихлебателей: и страх, и злость, и желание отомстить, и толпа обид, горьких и прогневших, как помойная яма. И вся эта смердящая орава прячется в тени любой, пусть даже малюсенькой трусости. Потом она разрастается и становится уже не трусостью, а ненавистью ко всем, кто не с тобой. Но вот ведь беда, ненависть-то эта начинается к себе самому — живому, и в первую очередь к той мелкой трусости, что тобой завладела... В этом и парадокс... — с печалью в голосе закончил он и, кряхтя, встал.

Дописывая последние прозвучавшие слова, я старался одновременно думать — как поддержать беседу? Но моё желание не упустить нить размышлений и стройность высказанных фраз не давали голове придумать что-то вменяемое.

Никос подошёл к оставленным швабре и ведру со щёткой, взял их и, глядя немного виновато, уже хотел что-то сказать, но в этот момент дверь, громко скрипнув, распахнулась, и охранник что-то быстро заговорил, обращаясь к Никосу. Тот кивнул и обернулся ко мне:

— Ваш рейс объявили. Идите, вас проводят. И спасибо, что выслушали зануду старика.

— Не наговаривайте на себя! — тут же возразил я. — Мне было очень интересно, и я столько от вас почерпнул, что даже не знаю, как благодарить за это!

— А вы просто скажите «спасибо», если я вам помог, — улыбнулся устало он. — Как ребёнок скажите. Ведь дети — самые чистые источники! Потому что их искренность исходит от души, а не от вежливости и знаний, как у взрослых... Поэтому, очень прошу вас, не взрослейте душой, потому что это самая коварная ловушка. Дайте вашему внутреннему ребёнку в сердце всегда помогать вам оставаться настоящим. Важнее этого нет ничего в жизни, поверьте... Удачного полёта и мягкой посадки!

Мы пожали друг другу руки, и я поспешил к выходу, на ходу поймав себя на мысли, что теперь даже благодарен этому «транзитному залу заключения». Ведь такие встречи бывают крайне редки, когда тебе просто и понятно объясняют смысл жизни. И не кто-то, а настоящий мудрец и философ! Философ-уборщик! Поразительно!

И последняя фраза про «ловушку» стала теперь и моим талисманом-подписью. Не думаю, что Никос был бы против.

Алёна Шех

Беларусь

Мартовским вечером

Мартовским вечером первые	Звёзды мелькают, стёкла
звёзды	на лоджии,
Близко и так далеко.	Не в пересчёт этажи.
Мысли о вечном достаточно	Создали Боги сиянье,
просты —	принёсшее
В рифму ложатся легко.	Стёкла — они витражи.
Белые карлики в лоне	Перекатился приветливый
Вселенной —	вечер
Лишь дотянуться рукой.	В тёмную лунную ночь.
Век проживёшь и узнаешь ли	Звёзды уплыли из рук,
цену	не заметила —
Жизни короткой, земной?	С ними отправилась прочь.

Суна Чевик

Турция

Музей разомкнутых объятий

На ступенях перед музеем собиралась очередь. Толпа сбивалась всё плотнее. Перешёптывались: «А что случилось? А что там такое?» В гудящем улье голосов пробился подростковый звонкий и наглый голос: «Да какая-то бабка у них там умерла!»

Действительно, ко входу уже спешила бригада с носилками. А возмущённым непочтительным отношением к смерти зевак заглушила сирена скорой.

Я пропустил медиков внутрь, толкнув тяжёлые музейные двери. «Бабка умерла... Не какая-то бабка, а старейшая смотрительница музея», — пробурчал себе под нос и зашагал прочь.

«С уходом Дины Моисеевны закончилась целая эпоха», — с патетическим надрывом начала прощальную речь директриса художественного музея. Вся узкая, тонкая, угловатая, независимо от траура, всегда одетая в чёрное, ведь «мы не должны отвлекать зрителя от созерцания картины».

Новая директриса пришла года три назад и сразу замела поновому. «Советскую «смотрительницу» попрошу с этого дня заменить на «медиатор». Вы теперь не только «смотрите» за поведением зрителей или за состоянием предмета искусства — вы проводники, вы медиа. «Медиа из зе месседж», — как вкусные сладкие леденцы, она ворочала во рту английские слова.

На похоронах музейные дамы с горькими складками у рта скорбно перекидывали по ряду: «Да это она её и сжила со свету. Бедная Дина Моисеевна, чего только не натерпелась перед смертью».

— Остался ли кто у неё из родных?

— Да нет уж никого. Только Сонечка.

Сонечкой была сгорбленная старушка в неопрятной куцей шубке с проплешинами на леопардовом меху, со всклокоченными, абсолютно седыми волосами. Из шубы торчала серая, почти что бальная юбка из органзы. А сумкой, вернее сумками, Сонечке служили чёрные баулы из полиэтилена. С первого взгляда на Сонечку люди понимали: она чокнутая. Со второго, далеко не все, что она — произведение искусства.

Речь директрисы заканчивалась: «Думаю, Дина Моисеевна, — кх-кх, тактичная заминка, — не оценила бы наших поцелуев и прикосновений. Она была своеобразным человеком. Поэтому давайте простимся с ней со всем почтением и на некотором расстоянии, как усопшая хотела бы этого при жизни».

Жизнь видится мне змейкой из костяшек домино: не всегда длинной, не всегда из одних дубль-шесть, бывают и откровенно неудачные дни на единицу, а то и на «пусто». Но должен быть «перст судьбы», в шутку или назло столкнувший первую плитку: бах-бах, волной летят, толкая друг друга с треском и грохотом события. Остановить лавину — значит, закончить игру.

Первый удар, начавший эту историю, случился в столовой завода имени Ильича. В животе Нины Ильиничны Исаевой кто-то требовательно стукнул кулачком. «Да что же это такое?!» — женщина раздражённо удивилась шевелящейся в ней чужой нежданной жизни.

Немолодая уже, тридцатилетняя повариха, «старородящая» — как записали в медкарте акушеры, плотная и большая Нина Ильинична каким-то чудом зачала и выносила ребёнка от щуплого заводского инженера, Моисея Яковлевича с приблудной фамилией — Исаев. В Свердловском детдоме всех мальчиков записывали Исаевыми, а девочек — Павловыми: мороки меньше.

Никто никогда не видел, чтоб в общем-то послушный и скромный Моисей Яковлевич обнимал жену, даже держал бы её за руку. Послевоенное время — какие уж тут нежности. Не обучены. И Нина Ильинична не просила внимания, не жаловалась товаркам, да и презирала всякие «телячьи сюсюканья».

Новый член ячейки общества, комочек по имени Дина, безропотно переняла семейный уклад и тихо лежала в своей кровати, не выклянчивая младенческих «на ручки». Всё равно её бы не взяли. У взрослых дела.

Её кормили и пеленали по часам, как положено. В тугих, прокипячённых, жёстких кусках ситца даже до себя не дотронуться. Оставалось лежать, отекасть, смотреть в побелённый потолок и ждать...

Когда её избавили, наконец, от этих тряпок, ползать Дина уже хотела: не могла елозить всё время по полу, касаться поверхностей телом. Как-то собралась и сразу пошла. Несмело, падая, но пошла.

Из детского сада её сразу вернули: Дина была в горячке, попробовали через месяц ещё раз — снова катастрофа. Никто особо не запаниковал: подумаешь, все дети болеют. Отправили к бабушке в деревню: там и воздух свежий, и продукты домашние.

Лет с трёх Дина уже помнила бабушкины руки. Мягкие и морщинистые, как плиссированная юбка, которую однажды мама принесла для утренника. Их надо было избегать любой ценой.

Она долго бегала по двору, но ещё больше любила спрятаться где-то на сеновале и до ночи смотреть на небо, на поле, на деревянные домики другого села вдалеке. К одиночеству она не привыкла, она в нём жила. И не знала другого, пока летом ей не исполнилось семь.

Теперь бабушкины внимание и заботу было совсем невозможно перетерпеть. Эти плиссированные руки то и дело шерудили по её телу, оправляя оборки платья, поглаживая по спине: «Вон ты у меня какая, почти первоклассница». Особенно долго бабушка чесала гребнем волосы, заплетала тугие баранки из кос, вплетая в древний узор яркую ленту. Дина застывала, съёживалась внутри, чтоб не закричать, глотала подступающие комки рвоты. И не выдержала.

Рано утром, в предрассветные 4 утра, маленькие ручки нашарили в коробке с вязанием ножницы. Дина проснулась второй раз от крика: «Ты что натворила! Изуверка! Да чтоб руки у тебя отсохли! Как ты теперь в школу пойдёшь?!» Бабушка изо всей силы стегала её вафельным кухонным полотенцем. Дина почти под корень обрезала свои косы и теперь русые следы преступления лежали у кровати, вызывая праведный гнев бабы Ани.

Но даже эти шлепки Дина предпочитала ежеутренним и ежевечерним вычёсываниям кос и долгому мытью головы. Она проворно бросилась в двери. Просто бежала, бежала по полю, по бездорожью, пока не почувствовала усталость и голод. День заканчивался. Измазанная, с клочьями обстриженной головой, в одном сланце и в потерявшей цвет старой ночной рубаше, Дина медленно волоча ноги, шла по селу.

— Лучше не ходи сюда, — кто-то сказал совсем рядом. Дина подняла голову.

На подоконнике сидела девочка и старательно, закусив губу, что-то выводила в толстой тетрадке. Высокий лоб, каштановая непослушная чёлка, аккуратно отстриженная взрослыми, чтобы его скрыть, тонкая шейка, ключицы и серое ситцевое платье. А по всей коже девочки смешные тёмно-зелёные веснушки.

— Просто меня трогать нельзя, — девочка смотрела ей в глаза и говорила слова, которые звучали для Дины как самое искреннее и прекрасное признание в любви. — У меня ветрянка, — И после паузы эта чудесная фея добавила: — Только если ты уже болела ветрянкой...

— Ннннееет, не болела. Я не буду близко подходить. Я Сонечка.

— А меня зовут Дина

— Как Динку? Ничего себе! — и Сонечка, прыгнув с подоконника, побежала шуршать чем-то в комнату. Через минуту она вернулась с увесистой книгой, озаглавленной: «Динка». — Ты разве не читала?

— Нееет, — удивлённо протянула Дина.

— Может, ты не умеешь читать? — предположила Сонечка. Сколько тебе лет?

— Мне уже семь. Я умею, — даже как-то обиделась Дина. И разговор полетел.

Каждый день Дина приходила к Сонечке под окно, и они читали, фантазировали, сочиняли.

Пока не прошли карантинные дни. Дина очень боялась этого дня, когда Соня сможет выйти в мир, где царят прикосновения. Она не знала, как ей рассказать о своём секрете, о том, что она недотрога в прямом смысле.

«Всё! Заканчивается моя тюрьма в понедельник! Пойдём на речку?»

Понедельник и давно запланированный Сонечкой поход на речку вызывал у Дины холодный пот, мокрый вязкий ужас, стискивающий кишки до рези в животе.

— Ты съела что поганое? — допытывалась баба Аня.

Дина боялась, что она опять начнёт трогать её лицо, проверять, горячий ли лоб, потом захочет проверить живот, и будут эти страшные ужасные прикосновения.

— Нет... пройдёт.

— Не ходила бы ты на речку, — покачала головой бабушка.

Но как не ходить, если уже рано утром в белом платье у забора ждала Сонечка.

— Мне надо тебе рассказать Секрет.

— Обожаю секреты!

— До меня нельзя дотрагиваться.

Сонечка открыла рот, будто собираясь что-то сказать, и вздохнула.

— Мне очень больно, когда меня трогают. Даже бабушка. Даже ты, — Дина начала хлюпать носом.

— Не плачь, Дина! Я никому не скажу! Будем считать, что у тебя такая ветрянка. Я буду касаться тебя словами. Вот, смотри, я тебя обнимаю, — повела Сонечка руками по воздуху. — А теперь я беру тебя за руку и... побежали!

Они с визгом слетели с пригорка к речке. Это был хороший день. А хороших дней не может быть много. Лето заканчивалось.

В конце августа Дину привезла в город бабушка. И тут же пошла шептаться о чём-то с мамой за закрытыми кухонными дверями. Через полчаса они хлопнули и баб Анин голос послышался уже из прихожей:

— Нина! Это ж твоё дитё! Я предупреждаю, не затягивай! Может, ещё получится всё исправить. Подумай о ребёнке! Как она жить-то дальше будет!

— Мама, вы на электричку опоздаете, — буркнула Нина и хлопнула за старухой дверь.

Через неделю Дина пошла в школу со своим клочковатым топорщимся ёжиком. Родители одноклассников заподозрили вши или ещё что похуже и строго-настрого пригрозили своим детям держаться от «этой девочки» подальше. Ей повезло. Школьной, воспитанной в пионерских песнях, дружбы не случилось.

Зато у неё по-прежнему была Сонечка.

Дина садилась на трамвай номер 11, проезжала 4 остановки до магазина «Пчёлка», сворачивала направо и утыкалась в 9-этажную панельку. На 6 этаже в квартире 54 и жил единственный человек, который её принимал. А кроме Сонечки, там жила её мама Ольга Петровна, строгая седая разведённая женщина, профессор университета, и бабушка Нателла Георгиевна — точно такая же строгая седая профессор университета, только вдова. Приходить в гости следовало строго по субботам, с 14 до 16, потому что Сонечку в другое время нельзя отвлекать от занятий. Не сложно было догадаться, что она тоже была обязана стать строгой седой профессоршей университета.

Проходило время, волосы Дины отросли в каре, потом по лопатки, ей исполнилось 12. В классе начался гормональный вальс: девочки ластились друг к другу в коридорах, секретничали, заполняли анкеты. Как-то одноклассница Дины, любимая всеми розовощёкая Валюшка, бросилась к ней на шею: «Динка! Динка! Ура! Наши победили!»

Она резко стряхнула Валю, да так, что та упала на пол. «Прости, я не хотела!» — скривилась Дина, но не могла пересилить себя и подать руку. Выглядело так, будто она ещё и издевалась над Валюшей.

Одноклассницы решили отомстить. Подкараулили её у туалета: теперь тебе не вырваться из наших «объятий», кричала дылда Маша. Они начали теснить её к стене, схватили за плечи, трясли. Дина упала в падучей, горлом пошла кровавая пена.

Долгое время после «тёмной» Дину считали эпилептичкой и сторонились ещё больше, что было ей на руку. Но невропатолог, у которого девочка стояла на учёте, внезапно оказалась очень прогрессивной докторицей и пригласила всех Исаевых на встречу со свердловским светилом психиатрии. Иван Александрович

Долгопрудный осмотрел ребёнка, отметил что-то в карте пациента, прокашлялся и сказал:

«Я вас убедительно попрошу приводить Дину ко мне на профилактический осмотр каждые три месяца. И, конечно, сообщать, если случится какой-то внезапный припадок или что-то необычное. И настаиваю, — он выдержал паузу, доказывающую сверхважность того, что будет сказано, — чтобы девочка вела дневник. Эти ежевечерние записи помогут ей сформировать безопасное пространство, где она сможет быть собой. А также научит рефлексии. И, возможно, прояснит данный случай и поможет развитию отечественной психиатрии».

Впервые пришедший на встречу, касающуюся не завода, а дочери, Моисей Яковлевич, как болванчик, кивал головой: «Да-да, доктор, конечно, конечно. Скажите, доктор, а что это? А это серьёзно?»

— Пока я могу только предположить, болезнь крайне мало изучена, что это — гаптофобия. Другими словами: очень специфическая и редкая боязнь, страх прикосновений. Она может распространяться и на близких людей. Но, повторяюсь, Дину нужно наблюдать, и тогда, я уверен, мы всё преодолеем.

«10 марта 1967 года. Меня зовут Дина Исаева, мне 12 лет, и я учусь в 6 классе школы No 97 города Свердловска. Ещё я не люблю, когда до меня дотрагиваются, и доктор говорит, что это болезнь. Гаптофобия. Вот так».

В общем, в жизни Дины с того дня особо ничего не изменилось. Она также ходила в школу, также ездила каждую субботу навестить Сонечку с 14 до 16, также сторонилась одноклассников и соседских детей, впрочем как и взрослых. Только стала педантично каждый вечер вести дневник. Бережливый отец купил ей 10 одинаковых тетрадей впрок.

Дина исписывала в год по две. И вот, когда она начала восьмую, на очередном осмотре у Ивана Александровича её попросили подождать за дверью.

Накануне доктор получил ходящую в списках книгу, отпечатанную на плохонькой жёлтой газетной бумаге. «Чёрт знает что! Гениально написанное ещё десять лет назад сочинение, а мы из-под полы вечно достаём и на кухнях читаем. А ведь этот текст мог помочь гораздо раньше». В худой затрапезной брошюрке было сказано: «Ничего так не боится человек, как непонятого прикосновения. Когда случайно дотрагиваешься до чего-то, хочется увидеть, хочется узнать или по крайней мере догадаться,

что это. Человек всегда старается избегать чужеродного прикосновения».

«Освободить человека от этого страха перед прикосновением способна лишь масса. Только в ней страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса, когда тела прижаты друг к другу, плотная и по своему внутреннему состоянию, то есть когда даже не обращаешь внимания, что тебя кто-то «теснит». Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как перестаешь бояться её прикосновения», — перед глазами эскулапа мелькали слова Элиаса Канетти.

— Масса... масса, — пошевелил губами Иван Александрович.

Если философ прав, то эта девочка уже давно в нашем социалистическом обществе должна быть здорова.

— Вот что, дорогая Нина... эээ...

— Ильинична, — подсказала женщина.

— Надо отправить вашу девочку в Москву.

— На анализы? — ахнула мамаша.

— Нет... как бы вам сказать, согласно одной теории, ей должно пойти на пользу пребывание в людных местах: Красная площадь, вот, Мавзолей, метро. Самое лучшее — во время парадов или праздничных митингов, субботников.

Нина непонимающе сдвинула брови.

— Не затягивайте, — продолжал врач. — Отправляйте Дину скорее. Как Ноябрьские праздники на носу.

Мать вышла в коридор, где её послушно ждала Дина.

— Пойдём, — сказала дочери. Твои вещи ещё собрать надо.

Дина испугалась. Её точно выгонят, выселят, отдадут в такой же неприветливый казённый ящик с противным запахом хлорки и мочи.

— Мама, пожалуйста, я больше не буду, — задрожали и скривились губы, закапало солёной водой из глаз. — Не отдавай меня! — и замученная многолетней давящей тайной, своей виной, тревогой и страхом, всем, что разом навалилось за последние три дня, — сделала то, что никогда раньше не позволяла себе, на что никогда бы не осмелилась, — она схватила мать за руку! Дина попыталась неумело обнять неприступную гору, которая не шла к ней, не делала ни шагу навстречу. И... мать выдернула ладонь и зашагала быстрее.

«1 ноября 1972 года. Сегодня впервые не я избежала прикосновений. А увернулись от моих. И кто? Моя мама», — даже ураган, землетрясение или война не заставила бы Дину про-

пустить вечернюю запись в дневник. Мысли путались, вышло коротко. Но в том месте, куда отправят её, Дина загадала найти себе счастье.

32 часа. Вечер, ночь, день — плацкартный вагон набит учениками 10-х классов в самом расцвете своего пубертата. Дине досталось любимое верхнее боковое. Столик только на двоих, и сразу можно постелить влажную простынь с синей печатью и отправиться на второй «этаж». Как же повезло, что Сонечкин класс ехал на экскурсию и они согласились взять Дину с собой. Её никто не знал, да и ребятам, ошавевшим от свободы и гормонов, было вовсе не до забившейся в угол тихони.

Дина дрожала, ей было ужасно страшно и неловко. Везде ей мерещились руки, локти, колени, пальцы, губы. Она заживо горела в аду. Нагромождение горячих 55 тел в одном маленьком стальном коробе.

Она не могла спать, только лежать, не мигая, и всматриваться в темноту перед собой. Немного успокаивало то, что Соня была рядом, тихонько читала очередной роман Анн и Серж Голон, а потом со стыдливым румянцем засопела под простынёй.

В вечных фантазиях о прикосновениях.

«5 ноября 1972 года. В Москве все готовятся к празднику. Сегодня по программе было посещение Третьяковской галереи. Нас разбили на группы по 15 человек. И, как новорождённых котят разобрали гиды. Мы с Сонечкой и ещё дюжина ребят достались женщине в белой блузе с ниткой жемчуга на шее. Она с такой страстью рассказывала нам о жизни художников, о судьбе самих полотен. Под конец мы с Соней немного отстали возле работы Айвазовского».

Сонечка натёрла ногу и захныкала: «Вот бы на море, а не по холодной каменной Москве топтаться!» Она совсем близко подошла к огромной картине. Волны манили. Дина тоже смотрела на них заворожённо.

Сонечка уже протягивала к картине свой розовый пальчик, чтобы убедиться, что вода тёплая, как из-за угла раздалось жёсткое: «Экспонаты руками не трогать!»

Внутри Дины грохнул праздничный салют.

Она вернулась домой, в Свердловск, уже точно зная, что будет делать. Жизнь приобрела смысл. Искусство, красота, цвета, фактуры, формы — всё то, на что можно и должно любоваться изда-ле-ка и ни в коем случае не дотрагиваться! Не подходить близко! Не дышать!

Только в том плацкартном вагоне кое-кто всё же обратил внимание на Дину. В четверг вечером в Сонечкиной квартире раздался звонок в дверь.

— Кого там ещё принесло? — заковыляла, пришаркивая палкой, бабка Нателла.

— Ааа, Дина, это ты. Что-то случилось?

— Ннееет, — мялась у входа пунцовая Дина. — Я вот, книгу Сонечкину принесла, — в потной руке неприятно скользила обложка «Трёх мушкетеров». Но румянец на щёчках Дины рдел не от того, что она ввалилась посреди недели без приглашения.

— Соня! — ошалелыми глазами и шёпотом, срывающимся в крик, забежала в комнату подруги Дина. — Меня твой одноклассник Олег пригласил завтра вечером на танцы! — выдох.

Соня внимательно и долго вглядывалась в Дину: «Меня. Тоже».

— Как? — ахнула Дина.

— В смысле не Олег, а его друг Алёшка.

— Ой, что же будет?! Что будет-то!

— Иди, я тебя сейчас обнимаю, вот, погладила по волосам, — «коснулась» Дину словами Соня. — Не бойся! Всё будет хорошо!

«18 декабря 1973 года. Мы с Олегом, Сонечкой и Алёшей пошли на танцы. Я прятала руки в карманы пальто. Мне очень хотелось пересилить себя и взять его за руку. Когда мы остались вдвоём, Олег обнял меня и начал целовать... (капля воды развела чернила) вырвало, я расцарапала себе руки и шею. Везде, где он успел коснуться, я сдирала куски кожи. Дома в зеркале я увидела своё лицо, даже губы были в кровавой пене. Я не смогла это сдержать внутри. Конечно, Олег испугался. И, конечно, мне не стоит больше отвлекаться на всякие глупости. Не в моём положении.

Я решила — пойду в институт имени Горького, поступать на музейное дело. Поступлю или нет — сомнения есть. Но возможности не поступить нет. Поэтому непременно буду с сентября уже студенткой и должно быть отличницей».

Как обскубленные волосы помогли ей перед первым звонком, так «танцы» оградили от юношеского флирта. Все как-то разом решилось: психиатр и мама, любовь и Олег, Искусство и Сонечка.

В своей жизни Дина решила оставить только последнюю пару.

Так объятия Великой Красоты распахнулись для Дины Исаевой, и долгие 45 лет она нежилась в них, касаясь снова и снова разных сторон прекрасного: реализма, авангардизма, импрессионизма, сюрреализма и ещё десятка -измов.

Она доверилась единственным объятиям своей жизни — прекрасным объятиям искусства, в которые попала навсегда, до самого последнего дня.

В 1977 году Дина переступила двери Художественного музея и стала Диной Моисеевной. Она пережила многих директоров. Но за все 40 лет не видела такой.

— Зовите меня просто Айгерина. Никаких формальностей, коллеги. Давайте знакомиться. Начнём с вас...

— Ольга Андреевна, — представилась женщина в зелёной вязанной кофте и берете на седом каре. В мои обязанности, как и у всех нас, входит следить за посетителями, чтобы не было никаких нарушений: экспонаты не трогали, не шумели, не говорили по мобильному телефону — это же музей.

Айгерина поморщилась: «А бывают ли какие-то эксцессы? Нарушения?»

Слово взяла Анна Константиновна: «Да особо нет, у нас не воруют. Только трогают экспонаты постоянно, пальцы свои оставляют везде. Это же экспонат, мы и реставраторы его в белых перчатках переносим. А они чем только не прикладываются».

«Да-да, — продолжила третья хранительница, тоже Анна, только Ивановна, — про «прикладываются» недавно был случай. Одна посетительница в нашем иконном зале стояла, молилась-молилась, потом говорит: «Можно я приложусь?» Я ей отвечаю, что это же не церковь, а музей, тут всё под сигнализацией — нельзя! Но я отвернулась — она приложилась, сигнализация сработала».

Истории продолжались недолго, новая метла год мела в сторону модного нынче Биеннале современного искусства. И вот, для 6 хранительниц и Дины Моисеевны судный день настал.

«Вот и они, 7 всадников апокалипсиса», — в свою очередь подумала Айгерина, шагнув в зал, в котором уже были смонтированы и расставлены к вечернему открытию работы отобранных ею художников.

«Современный музей, наш музей сегодня открыт для всех. Но мы не всегда понимает, кто они — эти «все», — начала свою речь Айгерина. — Этой выставкой мы хотим сделать контакт с нашими гостями, посетителями реальным, тесным, если хотите — тактильным и тёплым от прикосновений, от близости, подпустить человека как можно ближе. Так, чтобы он перестал быть зрителем, а стал участником выставки! И не последняя роль в этом будет у вас».

Дине стало душно.

««Потрогать» в музее хотят все, потому что тактильный контакт даёт возможность буквально почувствовать произведение искусства. Вот, например, эта работа «Мой дневник», — Айгерина махнула широким чёрным рукавом в сторону двуспальной кровати, покрытой клеёнкой, напротив которой, на штативе, стояла камера. — Здесь каждый зритель может сделать своё селфи в любом виде и, отослав фото художнице, станет частью виртуального проекта. Мы за открытость. За то, чтобы каждый мог стать художником и дополнить своим видением, так сказать, собственноручно нашу выставку».

Только не это! Музей — её работа, её дело всей жизни, её истинная страсть, её всё — был схвачен липкими чужими руками. Сотнями, тысячами рук. Они как будто сдирали кожу с неё, выхватывали ещё пульсирующее сердце. Бесцеремонные, грязные, грубые руки, губы, глаза — все были повернуты к ней, к маленькой Дине. Перед ней прошла жизнь, которую она прожила, уклонялась от бабушкиных плиссированных морщинами рук, розовощёкой Валюши, которая так хотела дружить, её первой любви Олега... все они, которых она заменила высоким неприкосновенным искусством.

— Нет! Экспонаты руками не трогать! — она успела выкрикнуть заученную десятилетиями фразу.

★ ★ ★

Сонечка стояла у могилы. Она вдруг выпрямилась, груз этих всех вещей, лохмотьев, ветоши, мусора, который она годами подбирала, искала и сносила в дом, как будто отступил. И она чётко почувствовала дыру внутри, огромную сквозную пустоту, которую десятилетиями затыкала этим хламом.

— Динааааа! Диночкаааа! — взывала она не своим голосом.

Слёзы смешивались с воем, лицо покраснелось от того, что Соня лупила себя грязными пальцами по морщинистым щекам. Её длинные кривые жёлтые когти процарапывали на лице новые желобки, в которых слёзы смешивались с кровью. Соня знала, что сейчас разомкнулись последние в её жизни искренние и крепкие объятия.

Я стоял у той могилы рядом с Сонечкой. Я тот, кто долго наблюдал издали, боясь потревожить или неловко задеть, оставить след. Тот самый Олег, который когда-то обнял Дину. И с тех пор уже не мог отпустить.

Марина Смирнова

Эквадор

Есенин в Кито

Я в Кито ступил, как в обитель,	Стою — как это странно —
Где Анды глядят в облака,	В чужом жилье, в чужой
Здесь Пушкин в стекле	стране.
оживает,	
Из слов выступает строка.	И пальмы шепчут мне живые,
	И горы вторят им вдали,
Ты, Александр, под небом	Но сердце помнит зори
южным,	огневые,
В лучах нездешних облаков,	Далёкий край родной земли.
Сквозь даль земную и сквозь	
стужу	Так будь же, Пушкин, рядом
Вновь шепчешь мне на языке	снова,
стихов.	В краю далёком, среди ветров,
	Чтоб слово русское живое
Я, русский странник,	Жило под солнцем новых
неприкаян,	городов.
С душой в разлуке, как во сне.	

Владимир Бабенков

Три рассказа

Люськино сердце

Аркадий Владиленович Суханов-Небрехин был интеллигентом в четвёртом поколении. Его прадед высшее образование с отличием получил в церковно-приходской школе. Ну, конечно, не совсем высшее, но это не помешало ему устроиться учителем в глухой деревеньке, ходить по просёлочной грязи с тросточкой и в очках-пенсне. Его сын, дед Аркадия Владиленовича, сумел окончить семь классов гимназии и считался очень образованным человеком, что дало ему право со временем сменить своего отца на посту учителя сельской школы. По начинающей складываться семейной традиции, дед Аркадия Владиленовича ходил с тростью и так же в очках-пенсне. А вот отец Аркадия Владиленовича, уже при советской власти, высоко взлетел — окончил институт. Педагогический. И как принято в его роду — учительствовал. Но с тросточкой уже не ходил и очки были обыкновенными, в то время модные — роговые.

Аркадий Владиленович высшее образование получил, но по стопам предков не пошёл. То ли потому, что не очень-то детей любил, то ли потому, что ему нравилась бухгалтерша Настя. Женился на Насте, и так же как и она, пошёл по бухгалтерской линии.

Аркадий Владиленович был высок и худощав. Это если культурно говорить. А если по обыкновенному, то он был тощий, как жердь. И очки, которые по семейной традиции носил, смотрелись на нём как хомут на лошади.

Несмотря на свою образованность, Аркадий Владиленович страдал сердцем и желудком. Они, эти важные органы в организме каждого человека, совсем у него поизносились, как мотор автомобиля после четырёх десятков лет эксплуатации. И требовали, страшно сказать, капитального ремонта — замены. Причём срочной!

Но человеческие сердца и желудки, как скажет вам каждый прохожий, на дороге не валяются. И не всякое человеческое сердце и желудок могут подойти другому человеку и в частности Аркадию Владиленовичу.

Аркадия Владиленовича вписали в лист ожидания. Он там был в первых рядах. Но можно быть всю жизнь первым и не получить никогда чужого сердца и желудка. Ибо нет подходящих.

— Аркадий Владиленович, — однажды обратился к нашему герою профессор местной клиники, наблюдавший за ним, — мне это неприятно вам говорить, но положение у вас критическое. Сердце и желудок работают, как бы вам попонятнее сказать, на последних оборотах. Мы вам готовы хоть сегодня сделать операцию по пересадке данных органов, но...

Профессор развёл руками, слегка закатил глаза, но не так, чтобы они выходили из орбит, и продолжил:

— Но нет доноров с подходящим под параметры вашего организма, я понятно изъясняюсь, — уточнил профессор, — нет ни сердца, ни желудка. Когда они появятся — одному Богу известно. А так как существует версия, что Бога вообще нет на свете, то неизвестность ещё более усугубляется.

Аркадий Владиленович ахнул, повесил свою тощую голову, с носа которой очки сползли к самому кончику:

— И что вы прикажете делать? — с культурным хладнокровием заявил он.

— Не прикажу. А предложу, — сказал профессор.

— Я внимательно слушаю вас, Андрей Николаевич, — Аркадий Владиленович слегка приподнял голову, но очки его так и остались на месте, не приподнялись вместе с головой.

— Вы как культурный человек наверное, читали, — продолжил профессор, — что самые близкие к человеческим органам — органы, прошу прощения, свиньи.

Сказав это, профессор выжидательно посмотрел на Аркадия Владиленовича, ожидая его реакции.

Аркадий Владиленович, как разведчик, выполняющий задание в логове врага, принял информацию со спокойным лицом, не один мускул не дрогнул на нём, даже не зашевелился. И, слегка прищурившись, поправив очки, чтобы скрыть волнение и добиться более удобного их положения на его крупном носу, произнёс:

— Безусловно!

И больше ничего не сказал, посчитав, что этого одного яркого и ёмкого слова достаточно. Профессор же уловил в этом слове иной смысл: его собеседник не в полной мере погружён в данную медицинскую проблему. Да и не только он, бухгалтер, но и многие врачи беспомощно плавают в этой новой сфере медицинских знаний. И потому решил брать быка, то есть Аркадия Владиленовича, за рога, которые у него, как всем известно, были, так как его жена, Настя, оказалась женщиной крайне гулящей, чем многие пользовались на районе, а ещё более многие знали.

— У нас, — сказал профессор, — в нашем специальном питомнике при университете, подросла свинья, органы которой — сердце и желудок — стопроцентно подходят вашему организму.

— И? — глубокомысленно произнёс Аркадий Владиленович.

— И мы готовы, если вы пожелаете, имплантировать её сердце и желудок вам.

Профессор замолчал. Молчал и Аркадий Владиленович.

Пауза затягивалась.

Кто-то должен был её первым прервать.

Это сделал Аркадий Владиленович:

— Вы уверены в положительном исходе операции?

— Разумеется! Искусственный интеллект нашей лаборатории всё досконально просчитал. Ошибки быть не может.

— Извините, — перебил его Аркадий Владиленович, — а свинья какого рода?

— Женского, естественно.

— А это каким-то образом не отразится на моих будущих биологических функциях? Она всё же женщина?

— Буду перед вами честен. Проблема эта не до конца изучена, нет достаточных клинических наработок. Но вопрос стоит остро: или вам жить с органами свиньи, или, прошу прощения, существовать в совсем другом свете со своими родными органами.

Владимир Бабенков. Три рассказа

— Понимаю, понимаю... — как-то отрешённо заговорил Аркадий Владиленович. — Мой донор, то есть, свинья, после этого умрёт? И я стану невольным виновником её гибели?

— А как вы считаете?

— Считаю, что упокоится.

— Вот именно!

— Извините, — Аркадий Владиленович заволновался, — а нельзя ли ему, моему донору, — Аркадий Владиленович стеснялся произнести слово, «свинья», — перенести мои органы — сердце и желудок? Может быть, для неё, то есть для него, они подойдут — и она, донор, сможет так же долго жить?

Данный поворот несколько обескуражил профессора. Он не был готов к такому повороту разговора. А ведь в этом что-то есть, подумал он. Это может быть новое слово в науке. И может быть очень громким. Он уже начал представлять свои статьи в отечественных и иностранных научных изданиях, тот фурор, какой они вызовут. Но виду показывать не стал. Спокойно так бросил:

— Мы обязательно учтём ваше предложение, Аркадий Владиленович.

Аркадий Владиленович домой ушёл взволнованный и напуганный каким-то особым беспокойством. Но волнения не показывал. Много думал над предложением профессора. Да, действительно, положение у него безвыходное. Точнее, с одним выходом — с операцией по пересадки органов от Люськи. Аркадий Владиленович потом уточнил у лаборанта — так звали его потенциального донора. Он отгонял это назойливое слово «свинья». Он не воспринимал его. И когда думал, и когда говорил, то вместо слова «свинья» у него было только одно — донор. О предложении профессора и своих беспокойствах по этому поводу жене не сказал. Разнесёт, чёртова баба, новость по всему городу, потом оправдываясь, объясняя, терпи усмешки. Утром Аркадий Владиленович позвонил профессору и договорился о встрече.

— Извините, Андрей Николаевич, — обратился он к профессору, — ночь не спал, думал о вашем предложении. Да, я готов к операции по трансплантации органов. Но мне бы хотелось, и это, как вы понимаете, вполне естественно, заранее адаптироваться к жизни с новыми органами. Словом, пожить вместе с Люськой.

— Что вы имеете в виду? — лукаво-удивлённо вскинул брови профессор, внимательно глядя в глаза своего будущего пациента и пытаясь найти в них ответ.

— Ну, Андрей Николаевич, вы не совсем то подумали, — забормотал Аркадий Владиленич, уловив в тоне профессора вульгарные нотки. — Мне бы хотелось поближе пообщаться с донором, как бы понять характер его, повадки, наконец, примерить их на себя. Может быть, даже как-то подкорректировать их. Мне же с этим жить. Общаться с людьми. Поймите меня правильно.

Профессор ещё больше удивился. Но, прикинув, махнул рукой: всяк по своему с ума сходит.

— Хорошо, — сказал он, — завтра утром приходите в лабораторный хлев, я дам соответствующую команду.

Вернувшись домой, Аркадий Владиленич сказал жене, что уезжает на неделю в командировку, собрал необходимые вещи. И на другое утро направился в лабораторный хлев университета. Аркадий Владиленич вырос в деревне, видел много разных свиарников — и домашних, и колхозных, и государственных. Но этот, университетский — ну просто небо и земля: чистота! Великолепие! Люська приняла Аркадия Владиленича с явной агрессией, увидев в нём соперника, который, возможно, попытается захватить лидерские позиции, а может быть, и содонора. Мы ещё не знаем до конца тайны мозга и психологии этих умных животных с носом-пятачком. И это ей не нравилось. Да и какой свинье такое понравится. Попросив свежей соломки, Аркадий Владиленич пристроился в углу, подальше от Люски, чтобы она видела, что он не претендует на её лидерство. Так вот потихонечку-полегонечку, прикармливая вкусняшками, принесёнными из дома, Аркадий Владиленич сдружился с Люской. Они даже порой хлебали из одного, стерильно чистого, корыта.

...На операционные столы Аркадия Владиленича и Люську привезли одновременно. Правда Люську привезли уже в состоянии глубокого сна, а Аркадия Владиленича усыпили в операционной. Операция длилась более шести часов. Андрей Николаевич выглядел измождённым, но довольным: операции прошли успешно. Аркадия Владиленича вывели из медикаментозного сна лёгкие похлопывания по щекам. Аркадий Владиленич тяжело открыл глаза. Невидящим взором, не крутя головой, окинул, сколько мог, операционную, пересохшими губами прошептал что-то невнятное. Профессор по губам разобрал, пациент, которого только-только вернули почти с того света, спрашивает, как Люська.

— Да, жива ваша Люська, — тяжело улыбулся он. — Жива! Так же как и вы живы. И ещё долго жить будете, благодаря ей.

Владимир Бабенков. Три рассказа

Уже через две недели Аркадий Владиленович был на ногах. Нельзя сказать, что бегал, как сайгак, но вполне нормально перемещался.

Оказывается, новое сердце и желудок, полученные от донора (Аркадий Владиленович всё так же отказывался от слова «свинья»), нисколько не повлияли на его жизнь и поведение. Он таким же и остался. Только слегка растолстел, периодически похрюкивал, доедал все объедки, смешивая их в одной кастрюле, и любил порой поспать на соломке. И стал немного говорить по-немецки, чего раньше за ним замечено не было.

Без штанов

Небо было синим-синим. Солнце было ярким-ярким. Песок был чистым-чистым. Люди вокруг были весёлые-весёлые. А вот Василий Сергеев был грустным-грустным. Он стоял, растерянно озирался по сторонам, пытаясь увидеть какое-нибудь подозрительное лицо. И не видел! Или не было таких, или все очень тщательно маскировались под хороших. Василий пошвырял ногой песок там-здесь. Пробежался по кругу, отрешённо-внимательным взглядом изучая окружающих. Нет. Ну, ничего нет, что бы могло привлечь его внимание.

Василий сел, обхватил голову руками и стал что-то про себя бормотать.

— Твою мать! — громко, не сдерживаясь, воскликнул он и со всей силы шарахнул рукой по песку.

Все на него оглянулись, будто бы были той самой матерью, которую он так громко звал.

— Твою мать! — уже на две с половиной октавы пониже произнёс он.

Люди вокруг с интересом на него смотрели, как на театр одного актёра.

Вместо аплодисментов один из парней, рядом стоящих, фальшиво-участливо, как показалось Василию, спросил:

— Дружище, что-то случилось?

Хотя ему, судя по его виду, было глубоко наплевать, что случилось у Василия, незнакомого для него человека.

— Да одежду всю украли, пока купаться ходил, — Василий кисло улыбнулся, для приличия, чтобы расположить к себе публику.

Сказал и вновь стал шарить глазами по людям, говорит ли кто по мобильнику. Таковых не оказалось. Но это не меняло дело: нужно срочно позвонить.

Телефон, как сейчас принято, был у всех. И даже, наверное, и у новорожденных, которых здесь, к слову сказать, он не обнаруживал. Все инстинктивно похлопали по своим карманам. Точнее, по тем местам, где должны находиться карманы, когда одетыми бывают. А когда в одних плавках, то только такие места есть. Хлоп-хлоп по ним, по местам. Василий почти в такт — хлоп-хлоп глазами.

Все похлопали, но никто не потянулся к своим сотовым, видимо, не желая показывать те тайные места, где они, эти самые телефоны, держат, чтобы не стать очередной жертвой пляжных воров.

— Ребята, дайте кто-нибудь телефон, позвонить срочно надо, — не унимался Василий.

Ребята тупо смотрели в песок, будто бы получили производственное задание пересчитать все песчинки, которые их окружают.

— Держи, земляк, — альтруист-доброволец протянул телефон и на всякий случай принял что-то наподобие высокого старта. Если вдруг жертва пляжных воров и сам таков, только маскируется под объект преступных действий неизвестных лиц, сейчас вдруг рванёт, можно было бы его догнать. Доверяй, как говорится, но будь на чеку.

Василий уверенно взял в руки трубку, занёс палец, чтобы набрать номер кого-то из родных или друзей, и... застыл: он не помнит ни одного номера телефона своих близких. Ни одного! Только 1-12! Но это не знакомые и не друзья, и тем более — не родственники. Это экстренная служба. Обычно, когда надо кому позвонить, он не номер набивает, а ищет фамилию или имя будущего собеседника в адресной книге. У альтруиста-добровольца в адресной книги тоже одни имена и фамилии. Но это его друзья, его коллеги, знакомые и родственники, а не Василия.

Ничего. Правда он скоро из состояния застывшей восковой фигуры из музея мадам Тюссо вышел.

— Возьми, друг, — с благодарностью вернул он телефон альтруисту-добровольцу, — что-то все номера из головы выветрились.

Василий вновь сел на свою подстилку. Да, я соврал, что у него всё до ниточки украли. Подстилочка размером сорок на пятьдесят сантиметров осталась.

И сделалось ему грустно-грустно. Сейчас воры, наверное, вот так же сидят где-то в укромном местечке и пересчитывают украденные деньги. Их не очень много. Не жалко. Разглядывают ключи и думают, где живёт объект их воровского налёта, то есть он, Василий Сергеев. Может быть, уже копии ключей делают. Потом одежду подбросят, проследят за ним, посмотрят, где он живёт. А когда уйдёт на работу — обчистят квартиру. Или, может быть, бьются с его телефоном, пытаются добраться до личных кабинетов Сбербанка и «Госуслуг»... А он сидит в одних плавках на тряпочке и ничего сделать не может.

И вот даже если он сейчас, босой и голый, пройдёт через полгорода, дойдёт до квартиры своей, хотя этого не получится, раз пять-шесть загребут его в полицию, то как дверь откроет? Ключей-то нет. Хоть жену с турецкого курорта вызывай, где она с подругами на солнышке нежится.

Такая вот патовая ситуация образовалась у Василия Сергеева срьд белого дня.

Небо было чистое, солнце было яркое. А Васька на глазах темнел. Примерно на 70 процентов — от бессильного гнева и на оставшиеся 30 процентов — от солнца. Мозг его работал как суперкомпьютер «Червоненкис», самый мощный в России, который «Яндекс» обслуживает. Нет, даже быстрее. И вот его серое вещество выдало оптимальное решение. Рядом, в трёх кварталах от пляжа, живёт его начальница, Серафима Семёновна. Девушка молодая, понятливая, в положение войдёт.

Взяв свои вещи, то есть тряпочку сорок на пятьдесят сантиметров, Василий отправился по намеченному маршруту. А маршрут такой. Ему надо пройти вначале по набережной. Но это довольно просто. Странно, конечно: среди нарядно одетых людей человек в одних плавках идёт и босой, но народ поймёт. Наверное. Может быть, за мороженым мужик пошёл. Самый опасный путь — пройти три квартала по городским улицам. Там уж на мороженое не свалишь. Самое лучшее — притвориться спортсменом и бежать. Всю дорогу — бежать и бежать! Это даже хорошо, что бежать: асфальт накалился. И стал как стальной лист на прокатном стане. А ноги-то не стальные: кожа да кости. Жжёт!

Поплясав у двери подъезда, Василий набрал на домофоне номер квартиры Серафимы Семёновны. Её открыли, не спросив, кто да зачем. Это уже плюс, добра предвестник, почти стихами подумал он.

Шлёп-шлёп — вот и третий этаж, вот и квартира начальницы. Как культурный человек Василий постучал в дверь.

Дверь распахнулась.

Лучше бы она оставалась закрытой. Весь дверной проём занял огромный мужик. Сообразительный Василий сразу хотел сказать, что квартирой ошибся, извиниться — и бегом на пляж. Там лучше.

Но не успел. Из-под мышки великана выглядывала его начальница, Серафима Семёновна.

— Василий, как это понимать? — строго спросила она.

— Сима, как это понимать? — не менее строго спросила глыба из мышц и крупнейших кулаков у Серафимы Семёновны.

— Сера... — успел сказать Василий, как без суда и следствия получил приговор в лоб.

Очнулся он на диване. Так же, в одних плавках, но прикрытый лоскутком своей подстилки. В стороне спорили Серафима Семёновна и гора мышц. Оказывается, эта гора умеет говорить. Правда очень громко и нервно. Василий вновь закрыл глаза, пока гора не увидела, что он очнулся. Через туман в голове стал думать, что делать: приходить в себя или так вот притворяться человеком, попавшим в нокаут, до самого утра, или — в лучшем случае до приезда «Скорой помощи», если он долго не будет выходить из комы, то её вызовут, конечно. А может, сразу могильщиков кликнут. Есть такой риск.

Василий решил открыть глаза и что-нибудь жалостливое простонать.

— А-а-а, — начал он, — где я?

— Я тебе сейчас покажу, где ты, — стал наступать на него человек-гора, — вот наглец, сразу голый приходит к любовнице.

— Василий, в чём дело, почему вы в таком виде, — перебивает великана Серафима Семёновна. — Как вы здесь оказались?

Но здоровяк всё не унимается.

— Дай я ему врежу, — гора мышц рвалась до конца реализовать свой приговор. — Отойди, не мешай, дай я ему врежу.

Слава богу, Серафима Семёновна сумела остановить самосуд.

Сделав жалостливый вид, на который только он был способен, включив все резервы своего артистического таланта, опасно поглядывая на гору мышц, Василий начал:

— Вы представьте только, я пошёл на пляж. Позагорать. Залез в воду, совершил небольшой заплыв, выхожу, а одежды-то и нет. Только вот подстилочка пятьдесят на сорок сантиметров.

Украли всё! Без штанов и телефона оставили. И позвонить никому не могу — ни одного номера не помню. Всё в именах и фамилиях. Вспомнил ваш адрес, Серафима Семёновна, и к вам, как к скорой помощи, решил обратиться.

Вася рассказывает, чуть не плача, вот-вот в рыданье уйдёт, а Серафима Семёновна и её друг смеются. Им смешно, видите ли.

Но потом и Василию стало смешно. Постепенно разговор перетёк в мирное русло. Тут и бутылочка на столе появилась, и рюмочки, и закусочка, и имя горы мышц Вася узнал, Егором его зовут, и старый спортивный костюм Серафимы Семёновны в пору пришёлся.

Когда под столом оказалась вторая бутылка, осмелевший Василий воскликнул:

— А не пройти ли нам, друзья мои, по местам моей боевой славы, по моему голому маршруту?

Все загоготали.

— И, причём, все будем в плавках, — еле выговорил от смеха Егор.

— Или без них, — ещё глубже сострил ставший своим в доску Вася, чем вызвал новую волну человеческого ржания.

И вот идут они к набережной могучей реки Волги, Василий в лицах, с яркой мимикой вещает о своём голом подвиге.

Так вот со смехом и вышли к реке. К тому месту, где Василий одежду потерял, направились.

Народу на пляже уже никого.

И не купается никто.

Только на берегу, почти у кромки воды, чьи-то вещи лежат.

Вася мигом протрезвел. Тут же смекнул: его это вещи, его. Эх, ёлки, эх, палки. Он не там, где нужно, одежду свою искал. Когда заплывал, течение его снесло — вот и не совпала точка входа в воду с точкой выхода из оной.

Вася каждой косточкой своего лица начал понимать, что эта находка в данный момент для него имеет трагическую перспективу. Потому и бросил:

— Вот и ещё кто-то вещи свои оставил.

Сказал так, как бы между прочим.

Но Егор, хоть и гора мышц, но с головой. И его компьютер чётко работает: значит, эта сволочь, подумал он о Василии, решила не одеваясь к Симке его махнуть и потом назад, на пляж. А потом мозги мне запудрил. Ах, скотина хитрющая. А я-то, дурья голова, ему поверил, вино с ним распивал, на брудершафт хлебнул разок.

Владимир Бабенков. Три рассказа

— Это мы сейчас определим, — с нежностью котёнка сказал он, — чьи это вещи. Какой, Вася, у тебя номер телефона?

Егор набрал его номер.

Куча шмоток, лежащих на песке, зазвенела.

Данный факт послужил сигналом к исполнению второй части приговора по отношению к Василию.

Очнувшись, Василий зашёл в воду, окунулся, умылся. И вышел на берег.

Заплывать не стал.

Оделся.

Оказалось, что у него две почти одинаковых подстилки — сорок на пятьдесят сантиметров.

Спортивный костюм решил завтра на работе Серафиме Семёновне отдать. Если, конечно, здоровье позволит на работу прийти.

Месть

Иван Степанович Ругайло, отставной инженер-ракетчик, вот уж пять лет как на пенсии. Живёт один. С супругой своей Марьей Игнатьевной не то чтобы не сошлись характерами — просто устали друг от друга. А разойдясь — стали уставать друг без друга. Вот и разберись, где истина, а где ошибка.

В свою одинокую пенсионную жизнь Иван Степанович вписался легко, как его хомячок, что копошится в клетке.

— Жизнь у нас, у пенсионеров, — говорит своему хомячку Иван Степанович, поглаживая его, — такая же, как и у тебя: встал, поел, поспал, опять поел, колесо покрутил... Вот ты колесо крутишь, а я во двор выхожу прогуляться. Моцион!

Порой душа Ивана Степановича просится на волю, выскочит, натолкнётся на прутья невидимой клетки — и назад. И отличается пенсионерская жизнь от хомячковой лишь тем, как заметил Иван Степанович, что в магазины надо ходить да еду готовить. Вот и сейчас Иван Степанович отправился за покупками. Сегодня вечером, по случаю своего дня рождения, гостей ждал — детей, внуков... Потому пошёл не в магазин, как обычно, а на рынок, чтобы запастись продуктами для приготовления плова. А плов он готовит отменный. Вот пойдите в лучший ресторан среднеазиатской кухни, закажите плов, попробуйте. Затем отведайте тот, что Иван Степанович готовит. И вы поймёте, какой он, настоящий плов, а какой — так себе. Иван Степанович для

плова берёт килограмм риса, сегодня решил использовать «басмати», килограмм моркови, обычно жёлтой, узбекской, с тупым носом, килограмм лука, бутылочку хлопкового масла и полтора килограмма мяса. Специалисты говорят, что и одного килограмма мяса достаточно. Ибо плов не мясное блюдо, а каша с мясом. Пусть так говорят. У Ивана Степановича свой принцип: кашу мясом не испортишь. Нагрузившись продуктами, Иван Степанович вернулся домой. Подмигнул хомячку, глянул на табло холодильника, совмещённого с морозильным отсеком, и остолбенел: на первой строчке температура холодильной камеры показывает плюс три — это нормально, а вторая строчка, температура в морозильной камере, где обычно высвечивается минус восемнадцать, те же плюс три градуса. Открыл, а там беда — не Северный полюс, а южное побережье Крыма: всё растаяло!

Иван Степанович так и присел. Слава Богу, было на что: рядом стул стоял — не промахнулся. И пригорюнился. Но прежде чем до конца пригорюниться, всё, что можно, распределил по более-менее холодным местам. Сидит Иван Степанович и думает. Ну, что делать — или новый холодильник купить, а этот, который подвёл его в самый неподходящий момент, выбросить к чертям собачьим, или отремонтировать. Так вот прям взять и выбросить железного друга, долго служившего Ивану Степановичу, было как-то неловко. Да и денег на новый жалко. Эх, отремонтировать нужно! Иван Степанович вошёл в интернет и из нескольких десятков объявлений выбрал одно: качественно, недорого ремонтируем любую бытовую технику, диагностика бесплатно. Подходит!

Позвонил!

И уже через полчаса мастер был на месте. Глянул на холодильник-морозильник: о, дорогой хозяин, какая прекрасная вещь, на века сделанная, таких сейчас не выпускают. Даже вип-холодильники по полмиллиона — и те — дерьмо китайское. А это — высший класс! Иван Степанович от гордости за свой холодильный аппарат слегка зардел, будто мастер не морозильную камеру, а его самого похвалил.

— Да, — тараторит мастер, — классная вещь, отремонтировать — и сносу не будет ещё лет этак тридцать-сорок.

И стал ковыряться в его нутре.

— Я смотрю, — продолжает мастер, — у вас тэн перегорел, ещё кое-какие детали вышли из строя. С собой у меня их нет — вы подождите, я быстренько в магазин слетаю.

— А дорого это будет — тэн заменить? — волнуясь за свой бюджет, спросил Иван Степанович. — И те детали, как вы сказали, какие кое-что?

— Не знаю, в магазине надо смотреть. Скажите, какие детали лучше брать — родные, японские, или китайское дерьмо?

— А разница-то в цене какая? — демонстрирует свой технико-экономический профессионализм Иван Степанович.

— Может быть и существенной, а может — и чуть-чуть. Но качество, как вы знаете, извините, как вас зовут? Иван Степанович. Но качество, Иван Степанович, небо и земля.

Иван Степанович не знал разницу в качестве родных, японских, и китайских деталей к этой холодильно-морозильной камере, но на всякий случай кивнул: да-да, мол, знаем, знаем! И выбрал японские запчасти — пусть дороже, но надёжнее!

Вёл Иван Степанович этот серьёзный дискуссионный разговор, а сам в то же время — рис тщательно, до прозрачной воды промывал, мясо на куски резал, морковь чистил и аккуратно соломкой нарезал, с луком занимался... Словом, колдовал над приготовлением царского блюда для своих дорогих гостей.

Когда мастер вернулся из магазина, у Ивана Степановича уже кипел зирвак, наполняя кухню неопишимо вкусным запахом. Надо будет, подумал Иван Степанович, этому благородному мастеру отсыпать пару-тройку порций плова — пусть себя и семью порадует, а то как-то неудобно получается!

Не успел Иван Степанович довести до ума свой плов, как мастер доложил — всё готово! Вставил вилку в розетку. Включил отремонтированный аппарат. Морозильная камера мягко затарахтела. И стала набирать отрицательную температуру. Действительно — Мастер!

И сел заполнять Договор, который одновременно и заказом по задумке авторов является. Пишет, что-то складывает, вычитает, умножает, делит. Потом говорит — готово!

— И сколько с меня? — шелестя двумя пятитысячными купюрами в кармане, поинтересовался Иван Степанович.

— Ну, исходя из того, что вы пенсионер, — говорит мастер, — с вас сорок две тысячи рублей.

— Сколько-сколько? — в полуобморочном состоянии стал уточнять Иван Степанович.

— Сорок две. Тысячи!

— Да я же за эти сорок две тысячи, — немного придя в себя, произнёс Иван Степанович, — мог бы и новый холодильник купить.

— Хороший не могли бы. Только китайское одноразовое дерьмо. Мы вон только и ходим их ремонтировать. А здесь качество на всю вашу жизнь и ещё чуть больше. Горя не будете знать и проблем. А если проблемы вдруг в течение трёх лет появятся — по гарантииотремонтируем.

Затянувшийся монолог мастера Ивана Степановича не успокоил, тогда, видя, какой эффект произвела названная сумма, мастер сказал:

— Для вас лично, Иван Степанович, я готов ещё скидку в пять тысяч рублей сделать. Это я от своей зарплаты уже отнимаю. Считаю, бесплатно у вас целый день работал.

Иван Степанович махнул рукой. Пошёл в комнату, из укромного местечка взял ещё денег, расплатился. Плова пару-тройку порций, чтобы порадовать мастера и его семью, отсыпать не стал! Обиделся.

Да, провёл молодой мастер старого инженера-ракетчика, можно сказать, голыми руками взял.

Отпраздновав свой день рождения, Иван Степанович в неспокойном настроении, сравнимом с состоянием спящего вулкана, забылся в беспокойном сне. Ему снилось, как он, в прошлом инженер-ракетчик, создал аппарат, типа нынешних боевых беспилотников, который словно косой косит негодяев всех мастей — от министров до дворников, забывающих в снежную погоду убрать двор. Испугавшись своей решительности, Иван Степанович аж проснулся среди ночи, за что благодарил судьбу: с такой агрессивностью он мог бы много дров наломать. Хотя и во сне, но всё равно неприятно.

Утром Иван Степанович подогрел вчерашний, как всегда, весьма удачный плов, но есть его не стал. Отложив, сторону тарелку, глубоко задумался. Из состояния находящегося в зимней спячке медведя его вывел писк хомячка, страдающего от жажды и голода.

— Фу ты, — вслух изругался Иван Степанович, — совсем с этими горе-ремонтниками, называющими себя мастерами, рассудка лишился.

Поймав себя на мысли, что он сам с собой вслух рассуждает, Иван Степанович махнул рукой, выпил чашечку уже остывшего чая, накормил-напоил хомячка и сел за компьютер. Вошёл в социальную сеть ВКонтакте и написал гневный пост о том, как его надули. Комментарии посыпались, как горох из пакета в кастрюлю. Люди сочувствовали и сообщали о том, как их таким

же образом дурили, вынуждая за деньги, сравнимые с ценой новых вещей, чинить свои старые холодильники, стиральные машины и иную бытовую технику. Слегка почесав затылок и вычесав глубокую мысль, Иван Степанович попросил своих друзей по ВКонтакте указать точные названия фирм и мастеров вместе с номерами их телефонов.

Отложив в сторону все дела и даже забыв поразвлечься со своим хомячком, Иван Степанович нашёл тетрадочку, открыл первый лист, со свойственной ему, инженеру-ракетчику, аккуратностью разграфил страничку. И тщательно стал вносить названия фирм и их телефоны из комментариев на свой пост в ВКонтакте.

Иван Степанович был готов к неравной схватке с системой, обирающей людей.

Для этого он выпросил у соседа сломанный холодильник, который тот приготовил для сдачи на металлолом, да всё никак времени не находил. Установил его в зале, у электрической розетки. Сделал пометку в тетрадочке и набрал первый номер. Со словами: «пожалуйста, будьте любезны, извините» — он повёл разговор о постигшей его беде — сломанном холодильнике. Мастер прибыл быстро. Уже с порога, только мельком увидев предмет своего будущего исследования, заговорил:

— Какая у вас машина, я даже удивлён, что она смогла выйти из строя. Знаете, таких сейчас уже не делают. Лишь на год работы, на время гарантии. А потом все — разваливаются. А у вас скала! Давайте глянем, что конкретно случилось, — разобрав холодильник, мастер заключил: — Поставим новые детали — и холодильник лучше нынешнего нового будет, — также как и вчерашний мастер, начал говорить о родных, теперь уже корейских деталях (холодильник был маде ин Корея), и дрянных китайских, и всё склонять взять те, что подороже.

Оставив сумку с инструментами, он уехал в магазин.

Иван Степанович взглянул на часы: 10:30! И с подленькой, несвойственной ему улыбочкой почесал ладони.

Ровно через 20 минут, прикинув маршрут мастера и ориентировочно определив его прибытие в магазин, позвонил по уже знакомому номеру.

— Прошу простить, — вежливо сказал он, — что беспокою. Сообщил сыну, что решил отремонтировать холодильник. Он меня отругал и сказал, что только-только купил новый и везёт его мне. К сожалению, я вынужден отказаться от ваших услуг. Ещё раз приношу свои извинения.

Через полчаса вернулся мастер. Злой, как собака. Зыркнул на Ивана Степановича, по его просьбе кое-как собрал ранее разобраный им холодильник, взял свою сумку, посмотрел, всё ли в ней цело, и, не попрощавшись, уехал.

Иван Степанович с довольной улыбкой поставил галочку в своей тетрадке. И стал набирать новый номер. Так же любезно, с извинениями, рассказал о своей беде, о сломанном холодильнике и просьбе приехать, бесплатно продиагностировать и отремонтировать, если, конечно, возможно.

Мастер не заставил себя ждать. История повторилась, как под копирку: хвала этому холодильнику, распекание современных, китайских. Когда начал разбирать, слегка матюкнулся, что это за придурок в нём ковырялся и чёрт знает как собрал.

Иван Степанович сразу:

— Отрадите, пожалуйста, вот прямо сейчас это в акте. Превите, будьте любезны, на мгновение свою работу.

Мастер нехотя сел, написал, что нужно, расписался и продолжил разборку холодильника.

Пока он копошился с разборкой, Иван Степанович сел за компьютер и на сайте вчерашней компании написал всё, что о ней думает. А на сайте — о тяп-ляп сборке холодильника. Вдобавок позвонил диспетчеру, пожаловался на работу их специалиста, небрежно проводшего сборку агрегатов.

История и на сей раз повторилась. Разобрав холодильник, мастер уехал в магазин, через тридцать минут Иван Степанович позвонил в его фирму, отказался от ремонта, заставил вернувшегося мастера собрать холодильник...

В первый день Иван Степанович смог обработать только две фирмы из списка недобросовестных мастеров. Хотел было и в третью позвонить, но не стал — устал он с ними.

В течение трёх недель, включая и выходные, Иван Степанович ежедневно вызванивал по две-три фирмы, писал на всех жалобы, в том числе и в местное, региональное правительство. Пару раз мастера хотели наказать Ивана Степановича, взыскать с него деньги за диагностику — не зря же приезжали. Слегка поспорив с ними, под диктофон, Иван Степанович деньги отдавал. Но требовал документ об оплате за диагностику. Затем весь этот материал с фотографией объявления, гласящего о том, что диагностика бесплатная, документом об оплате и текстом, подтверждённым диктофонной записью разговора с мастером, отправлял в региональное управление Федеральной антимоно-

польной службы. В итоге деньги ему возвращались, а фирмы штрафовались за нарушение Закона о рекламе.

Вот эти бесконечные звонки, споры с мастерами по ремонту бытовой техники перевернули всю жизнь Ивана Степановича. Он и в общественную работу включился. Вот и сегодня торопился на митинг против строительства в соседнем дворе небоскрёба, который лишит соседей и детской площадки, и места для стоянки машин. Уж он почти пальто надевал, когда раздался звонок в дверь. Иван Степанович удивился: на это время он не вызывал мастеров по ремонту бытовой техники. Но дверь открыл.

На площадке, у двери, стоял шустрый молодой человек в костюмчике и два мужика с большой коробкой.

— Уважаемый Иван Степанович, — без предисловий начал шустрый, — объединение фирм, осуществляющих ремонт бытовой техники, решило подарить вам новый, прекрасно работающий современный холодильник. Причём с нашей вечной гарантией. Примите его. Надеемся, что оснований звонить в фирмы по ремонту бытовой техники у вас больше не будет. Да, чуть не забыл, начальник управления министерства областного правительства Илья Викторович Соснов просил вам также передать свой низкий поклон.

Сделав паузу, чтобы понаблюдать за реакцией слегка обалдевшего Ивана Степановича, шустрый продолжил:

— Давайте, Иван Степанович, ваш старый холодильник, мы его сами сдадим на металлолом, а вырученные деньги незамедлительно вам привезём.

Иван Степанович Ругайло, пенсионер, в не очень давнем прошлом инженер-ракетчик, пришёл в себя. Поблагодарил за подарок. Принял новый холодильник. Расписался где следует. А старый холодильник не отдал, оставил себе. На всякий случай.

Дмитрий Камынин

Что за забором?

Юмористическая поэзия

Мухи творчества

Изольда Карловна февральствует одна.
В её покоях так мужчински пусто.
Она пьяна и только творчеством полна,
И пахнет тёртым сельдереем и искусством.

Сильнее колик, глубже, чем гастрит,
Неизоморфность чувств, мятежность духа.
Изольда Карловна в смятении творит.
Изольда Карловна описывает муху:

Фасеточных её дискретность глаз
И траектории её полётов сложных.
Изольду Карловну уже взнуздал Пегас,
Хотя природе это противоположно.

Изломы лапок, трущих ось любви
Ритмично, глубоко и не натужно...
Изольде Карловне всё это не в нови.
Изольда Карловна два раза незамужна.

Дмитрий Камынин. Что за забором?

И крыльев жаркий гул, и смена фаз.
Круги сжимаются к финальному этапу.
И вечный, полный, нескончаемый экстаз,
Когда она уже без сил падёт на лампу.

Замрёт — не в силах счастье поглотить —
И станет больше жизни, легче пуха.
И снова к страсти кружит во всю прыть...
Изольда Карловна описывает муху.

Страшная история

Жил-был на свете гражданин,
Был несемейный, жил один,
Был очень замкнут,

нелюдим —

На это был резон!

Ведь верил искренне всегда —

Придёт огромная беда,

Планета канет «в никуда»,

А с нею канет он.

Имел подборку всех статей,

Где содержался ряд идей,

Таких, что прячут от детей,

Чтоб их не напугать:

Про злобных инопланетян,

Про майя, про супервулкан,

Про всепланетный ураган

И про вампиров рать,

Про потепление у нас,

Про пятен солнечных коллапс,

Про час, когда кончался газ.

Читал статьи до дыр

Про бунт машин, про лишний

вес, P.S.

Про атипичный энурез

И про мутации процесс,

Что разрушает мир.

Бумагой жёлтой устан пол,

Согнулся от подшивок стол.

И их, наверное, раз сто

Прочёл и изучил.

«К чему семья? К чему страна?

Мы все умрём! Нам всем хана!

И всем потугам грош цена!» —

Шептал подчас в ночи.

И вот в один прекрасный день

Открыл он шкаф...

И шкаф дал крен.

И эхо отразив от стен,

Упал тяжёлый шкаф.

Под ним и умер гражданин

Без суеты и без возни.

Финал свой скорбный оценил,

Улыбке волю дав.

«Как хорошо! — подумал он. —

Что не закончился озон,

Что не мутировал гормон,

А просто шкаф — и всё!

А те глупцы, кто любит жизнь,

Пусть развивают оптимизм,

Не зная, что за катаклизм

Им беды принесёт...»

Владельцам новым продан

дом,

Мукулатуры пару тонн

Оттуда вывезли с трудом

И с риском для людей.

Но, сбыв бумаги столько с рук,

Они купили ноутбук.

Дмитрий Камынин. Что за забором?

Им Интернет — и брат, и друг,
И кладезь новостей.
Теперь в любой свободный час
Они читают в нём про газ,
Про пятен солнечных коллапс
И про мутантов-вшей.
А в чатах много говорят
Про термоядерный заряд.
Ну а про самый страшный яд
Напишут пост в ЖЖ.

P.P.S.
Так было и так будет впредь:
На страх мы любим посмотреть
Посмаковать и потерпеть —
Вот тут мораль найдём:
Что радость, как ни странно,
в том,
Что катаклизм всё время ждём,
Но до него не доживём
И сами все помрём!

Катастрофа

Кошмар. Копец. Чистилище. Голгофа.
И зубы мелко реквием стучат.
В моей судьбе случилась катастрофа:
Меня включили в доме в общий чат.

Там пляски на костях и с бубном танцы,
Там пыл велик и изощрённа месть,
Там, защищаясь, падали спартанцы
По стояку в квартире номер шесть.

Шумит там вече по вопросу въезда,
Пытает скрипкой с пятого семья.
И там Сократ из первого подъезда
Твердил, не нужно ссориться, друзья!

Но чу, идёт орда автовладельцев.
Хундай ярлык на место раздавал.
И в этом вихре — маленькое тельце
Того, кто просто хочет ключ в подвал.

Дизраэли протечек и ремонтов,
Калигулы холодных батарей.
От сырых калик мусорного фронта
До древних клумб седых монастырей.

И я меж ними — словно бурь искатель,
Бесплотный дух и мелкая блоха,
Совета дома новый председатель
И раб великой силы ЖКХ.

Дмитрий Камынин. Что за забором?

Сизиф и бюрократ

Сизифа как-то встретил Бюрократ
И от увиденного в шоке был полнейшем:
Какой же, при таком труде глупейшем,
Великий пропадает в нём талант!

Сманил его. И бывший арестант
Сизифов труд в ином применит деле:
Туда-сюда несёт отчёт в отделе,
Но только в чине — Главный Консультант!

Мораль из басни всякий извлечёт:
Довольны Боги, рады Бюрократы,
Пока Сизиф откуда-то куда-то
Какой-нибудь всегда-нибудь отчёт!

Первое метеорополитическое

Чернеют настроения народа.
Звенит в напряге нервов тетива.
И 10 дней до нового до года,
И дождь, и на термометре +2.

Нас санкции нисколько не пугали
И про страну обидные слова,
Что нам твердят партнёров хищных стаи,
Когда б не дождь, когда бы не +2.

И вновь невольно память обострится.
Один вопрос ребром встаёт сперва:
Где тот декабрь, что гнал морозом фрица?
Мы ж не гоняли никого в +2.

Где та заледенелая удача?
Покрытое узорами окно?
Где тот малыш, что отморозил пальчик?
Ему в +2 не больно, не смешно.

Некупанных моржей толпа босая
Без прорубей бухает, матерясь,
К качелям язычки не примерзают.
В +2 из бани прыгать только в грязь.

Дмитрий Камынин. Что за забором?

Разрушит слякоть праздник наш семейный,
Убьёт неповторимый русский быт.
И дождь нашепчет выпить нам глинтвейна,
А ящик водки вновь в +2 забыт.

Верните нам мороз и вьюгу злую,
Чтоб -30, стыла кровь в груди.
Тогда спокойны за страну родную
И все опять в Египет улетим!

Вопросы и ответы

В чём причина кризиса морали
И атомизации людей?
Окна конопатить перестали
И не учим этому детей.

В чём загвоздка толерантной
 бреши,
Вкравшейся в узлы нейросетей?
Чайный гриб мы на небе
 не держим
И не учим этому детей!

Суть у загрязнения планеты
Всех экологических страстей:
Не стираем мы уже пакеты
И не учим этому детей!

Вроде бы дороги все открыты,
Вроде бы живи и богачей...
Нету у нас жизни без кредита
И не учим этому детей.

То страшимся, то рубаем
 саблей,
То слепы, а после —
 глаз-алмаз.
И, похоже, наступать на грабли
Дети сами учатся у нас!

Волжское. пляжное

Пока ещё не выпал снег
Для зимних видов спорта,
На пляж приходит Человек
Из Города-курорта!

Он молча смотрит на закат,
И понимают люди,
Что, хоть в пяти шагах река,
Купаться он не будет!

Не тратит жизнь на ерунду!
Сняв со смартфона палец,
На пляж приходит раз в году!
Наш Человек!
Самарец!

P.S.

Самарец, честный и прямой,
Вам скажет правду, братцы:
Второй раз он придёт
 зимой —
На Рождество... купаться!

Дмитрий Камынин. Что за забором?

Старым добрым времена

Ихтиозавры все мертвы
И птеротеры,
И мезозойская, увы,
Скончалась эра.

Пора прекрасная прошла,
И больше с нею
Не треснет мир «напополам»
По всей Пангее.

Не зацветёт хвощовый лес
Сплошной стеною,
Не жрёт Тиранозавр Рекс
Меня с тобою.

Ихтиозавры так чутки
В огромной стае,
Что теплокровный за буйки
Не заплывает.

И, в идеальном колесе
Цепочек жора
Млекопитающие все
Сидят по нора.

Не митингуют, не вопят
Пустого бреда,
И только ночью у ребят
Есть шанс обеда.

Не претендуют на Моёт
И даже пиво,
А то их кто-нибудь сожрёт,
Что справедливо!

И косметический позор
Не колют в груди,
Для них естественный отбор
Честнее будет.

В спираль времён свернулась
И спит спокойно,
Тут никого не подкупить
Ценой биткойна.

Ты знаешь, здесь кто друг,
Кто посторонний,
Но тут никто не знает, как
Делить плутоний.

Никто здесь дичи не творит
Себе в угоду,
Но тут упал метеорит
И — царь природы.

А место на вершине — суть,
Не призовое,
Ах, как бы что-нибудь вернуть
Из мезозоя!

Дмитрий Камынин. Что за забором?

Забор

Мальчик идёт в детский сад через двор.
Мама его подгоняет с укором.
Он очень занят, он видит забор.
Что же там, что же за этим забором?

Кашу, игрушки не тронет совсем,
Ленки косички оставил в покое,
Он вспоминает величие стен,
Что там за этим забором такое?

Школьных задачек с полста решено,
Лена, за косами, рот напوماжет.
Мальчик — философ, он понял давно:
Что за забором, учитель не скажет.

Кончен семестр, и пройден колхоз.
Косы Елены чаруют упорно,
Но нерешённым остался вопрос:
Что же за этой чертою заборной?

Служба в НИИТЯЖМАШОПТИКПРИБОР.
Всё в соответствии с планом, всё ровно,
Детям рассказывал он про забор
Под недовольство Елены Петровны.

Так и ходил через двор, день за днём,
Хоть запрещала ему баба Лена,
Видел забор и что пишут на нём,
Но за забором не то, несомненно.

Дедушка, сын и супруг, и отец,
Маленький мальчик в тиши коридора,
Молча, с улыбкой ушёл наконец,
Чтобы узнать, что же там, за забором.

Николай Урядов

Всё начинается с утра

Поэтические пародии

Не верим

*Коль всё разлетится на атомы
иль все мы разлюбим балет —
Поэты во всём виноваты,
и в этом сомнения нет.*

Юрий Астанков

Кругом лишь одни потрясения
и нету спасенья от бед.
И в этом, увы, но с сомнением
один виноват лишь поэт.

Воздушные замки развалены,
почти разлюбили балет.
И горечью дни все отравлены,
потерян счастливый билет.

И в том, что поэты растеряны
и силы сошли их на нет,
Читатели как бы уверены —
один виноват лишь поэт.

Ведь истина им же утоплена
и скрыта надёжно в вине,
она им на части
раздроблена,
и света не видно в окне.

И в том, что из мелких
остатков
весь мир скроен им наугад...
Не верим мы в то,
что Астанков
один лишь во всём виноват.

Не врозь

А взгляд уже чуть в стороне.
Уже чуть поодаль. Чуть вскользь.

И непонятно стало мне,
Мы — то ли вместе? То ли врозь?

Елена Михалёва

Была благодарна судьбе,
Что встретить тебя мне
пришлось.

Теперь не пойму: «А мы где?
Мы вместе? А то ли мы врозь?»

Наверное, это обман,
Блуждает мой взгляд в стороне.

В глазах моих словно туман,
Как будто всё это во сне.

Мы вроде бы рядом стоим,
Не чую я рук и ни ног.

Куда-то поодаль глядим —
Мы врозь, а не пара сапог.

А раньше с меня своих глаз
Почти никогда не сводил.

Но что же случилось сейчас,
Что чувства свои остудил?

И я от тебя без ума
Была — пронзил моё сердце
насквозь.

Теперь не пойму и сама:
«Мы вместе? А то ли мы врозь?»

...В какой-нибудь всё ж стороне,

Вблизи, не поодаль,
не вскользь.

Другого найду я себе,
И будем мы вместе, не врозь!

Вкривь и вкось

Ни надежды, ни отрады,
Мы с тобой уже поврозь.

У тебя — одна бравада,
меня всё вкривь и вкось...

Надежда Блинкова

Встречей я с тобой гордилась
И заглядывала в рот.
Я без памяти влюбилась,
Обожала целый год.

Я от страсти нежно млела,
Твой ловила каждый взгляд.
Всё во мне от счастья пело
С головы почти до пят.

Вскрылась вдруг твоя «афера»:
У тебя я не одна.

Света, Ольга, Люда, Вера —
Сосчитать всех не смогла.

Без Надежды и отрады
Будешь жить ты вкривь и вкось.
Не спасли тебя бравады —
Вбила я последний гвоздь.

...Быть одной —
я с этим свыкнусь —

Вкривь всё, вкось, но не беда.
А тебе вот накость-выкусь:
Разлюбила навсегда!

Николай Урядов. Всё начинается с утра

Меня любят все Божьи творения

*Меня любят собаки и лошади,
Любят белки в саду городском,
Любят голуби утром на площади
И лягушки в пруду вечером.*

Владимир Филимонов

Меня любят, ко мне расположены
Звери, птицы и рыбы, жуки.
Им любовь ко мне в гены заложена,
Без неё они б жить не смогли.
На плечах у меня сидят соколы,
От любви ко мне лошади ржут.
Целый день или, может быть, около
Куры яйца несут и несут.
Как я выйду — слетаются вороны:
«Кар-кар-кар», — так любовь свою шлют.
Улетают затем во все стороны,
А в душе — и покой, и уют.
Волки, лисы со мною общаются,
Возле дома ждёт куча зверей.
На мой свист во двор гуси слетаются,
В сентябре мне поёт соловей.
И в реке для меня рыба радостно плещется,
На крючок сами лезут вовсю червяки.
Крокодил мне в затоне мерещится,
Он с любовью приплыл, от тоски.
Меня любят все Божьи творения:
Белки, кошки, лягушки в пруду.
Посему создалось впечатление,
Будто я в зоопарке живу.

Открытие закона

*Я думала, как мне достигнуть счастья,
И поняла закон,
Что в самом вежливом мужчине
Скрывается дракон.*

Елена Михалёва

Веками женщины все страстно бились,
Чтобы открыть закон,
Чтоб широко глаза у них открылись,
Чтоб каждой был понятен он.

Николай Урядов. Всё начинается с утра

Чтоб распознать в мужах они сумели,
И если даже он влюблён,
Что в каждом мужике, на самом деле,
Скрывается дракон.

Мужи бывают часто перегаром дышат
От «огненной» воды,
Горячей страстностью при том же дышат —
Недалёко тут до беды.

Кошачьи глаза у них, как у драконов,
И зубы их подчас остры,
Неписанных полно для них законов,
На глупости шустры.

...В мужчинах же, к несчастью так случилось,
Скрывается дракон.
Лишь у Елены только получилось
Для нас открыть такой закон.

О любви птичьим языком

*И поверь, что я хочу,
Прилетев однажды птицей,
В твоём сердце раствориться,
Спеть, как я тебя люблю.*

Эдуард Филь

Ты поверь, что я хочу,
И тебе должно присниться,
Вдруг однажды ранней птицей
Потру я прилечу.

И стучать начну в окно,
Как стучит всегда синица,
Будет сердце твоё биться...
От моей любви оно.

А затем начну стучать,
Прилетел, как будто дятел.

Ты простишь, ведь я не спятил,
Морзе надо изучать.

Спеть могу, как соловей,
О любви, как ворон каркать,
Что лягушки начнут квакать —
Несомненно же о ней!

...Птах язык понять должна,
Ощутить себя ты птицей.
Это может пригодиться —
Щебетать начнёшь сама.

Николай Урядов. Всё начинается с утра

Всё начинается с утра

*...и невзначай рождаются слова,
которых смысл порою непонятен.
Ведь в голове немало белых пятен.
Их заполняет в полдень синева.*

Юрий Астанков

Всё начинается с утра,
мой голос разума, увы, невнятен,
порою он бывает непонятен
и лезет в голову мне всякая мура.

По локоть засучаю рукава,
свой день всегда так начинаю,
я лихорадочно ищущу слова
и невзначай их как-то обретаю.

И мучает сомнение одно,
в словах мне смысл порою непонятен.
Зачем же мне судьбою так дано,
что в голове немало белых пятен.

И в поисках проходит половина дня,
а полдень круто жизнь мою меняет,
ведь голову мою, лишь только у меня,
зачем-то синевою заполняет.

...По-прежнему рождаются слова,
которых смысл мне так же непонятен.
Ничем не помогает мне и синева —
ещё быстрее растёт число лишь белых пятен.

Елена Белова

г. Самара

Как меня из «благочестивых» разжаловали

Я уже несколько лет пою на клиросе. Послушание такое. Много искушений прошло у меня за эти годы. Была и детская радость от возможности послужить Богу таким приятным делом. Были сложности, когда даже пришлось оставить пение. Ведь нужно много времени и усилий на спевки и распевки, постоянно учить что-то новое, вникать в нотную грамоту. Будучи от природы обидчивой, сложно не обижаться на кулаки регента, которые она показывает, если не попадаешь в ноту. Была и гордость. Да и сейчас бывает всего понемногу. Но, в конце концов и слава Богу, вошла я в ритм спевок, служб, кулаков регента — стала смиряться. Мне батюшка сказал однажды: «Сама не смиряешься, люди помогут!» Вот про один такой случай помощи и хочу рассказать.

Из наших прихожан к клирошанам тоже все относятся по-разному. Кто думает так: «Ну, нам-то куда до вас! Вы ж, вон, наверху уже». Кто-то считает, что клирошане все дистанцируются от обычных прихожан и ведут себя высокомерно, типа: «Ну, мы-то вон, уже наверху!» Есть, правда, среди нас, что греха таить, такие — задирают нос, хвалятся своим талантом и особенностью. «Ну, я вообще-то пою!» — говорят они, если их попросишь отнести помыть вазу для просфорок. Есть такие, которые уже не могут молиться со всеми. Им, например, непременно, даже если уже некуда встать и в этом нет необходимости, надо втиснуться любой ценой на крохотный клирос, временно устроенный на помостках в восстанавливаемом полуразрушенном храме, или, преодолевая боль в рассыпающихся от возраста суставов, забраться по крутой, винтовой лестнице, рискуя кувырнуться с неё. Но у нас есть в приходе несколько человек, которые относятся к клирошанам так же, как к остальным прихожанам. Они делают замечания, если что не так — одеты не по форме, поёте не торжественно, разговариваете во время исповеди и прочее. И всё это — без надрыва, с любовью, с желанием сделать лучше.

Отвлечлась от случая с помощью. Так вот, однажды иду я после службы, и меня догоняет женщина, прихожанка нашего храма. Она со своим супругом как раз отличаются особой ревно-

стью. Периодически она-то и делает замечание нашему регенту про лишний шум и болтовню на клиросе, за что мы получаем потом от нашего регента. И вот эта женщина догоняет меня и спрашивает:

— Как ваше святое имя?

— Елена! — отвечаю я и жду, что будет дальше.

— У меня супруг спрашивает про вас: кто эта благочестивая женщина? Вот и решила у вас спросить имя. Простите, пожалуйста. Всего доброго вам! — сказала женщина, оставляя меня в раздумьях.

Ну, думаю, наверное, они меня в свой помянник теперь внесут и будут молиться за меня. Скорее всего, это их особое секретное послушание — молиться за всех благочестивых. Вот что значит одеваться в длинные красивые платья и не болтать лишнего на клиросе. Наверное, выражение лица у меня тоже соответствующее. Может, особым интеллектом и духовностью отражаются в нём прочитанные произведения Достоевского, Лескова, Шмелёва, Пушкина, жития святых, опять же...

Как же здорово увидеть себя со стороны — думаю я. А то живёшь и не знаешь себе оценки. Пятёрка, четвёрка или троечка? Всё недооцениваешь себя, комплексуешь. А оказывается — благочестивая! И зря я думаю, оказывается, что мне после земной кончины только скажут, какая я на самом деле была. А пока я смиряюсь, не без фарисейства, конечно: «Всяк человек ложь — и я тож».

После этого случая каждый раз, когда я встречала в храме эту набожную пару, всё это по кругу передумывала и старалась из всех сил выглядеть соответственно — скромный, направленный в глубь себя взгляд, склонённая голова, приветственные поклоны.

А однажды мы что-то праздновали всем приходом. Расставили на улице в тени деревьев столы и лавки, разложили по тарелкам салаты и прочую снедь. Рядом со мной села та самая прихожанка. В разгар праздника она наклонилась ко мне и говорит:

— Помните, я ваше имя спрашивала? Оказалось, супруг не про вас говорил, а про другую женщину. Ну, ничего страшного! — договорила ободрительно женщина и положила себе салат в тарелку, оставив меня с моими разбитыми мечтами и недоеденным салатом.

Вот так, нежданно-негаданно меня сначала возвели, а потом и разжаловали из благочестивых. Я вздохнула тогда и подумала: «Всяк человек — ложь. Смотри внутрь себя и не возносись. Хотя бы выше клироса!»

Надежда Забараускас

г. Новокуйбышевск

Забывтая деревня

Заросший сад ещё цветёт весной,
Но старый дом давно уже заброшен.
На улице в деревне нежилой
Один стоит, а дальше бездорожье.
Наличники резные на окне
Задорной белизною отсверкали.
И половицы в зябкой тишине
Скрипят натужно, полные печали.
Доской могильной в дом забита дверь...
Как просто оказалось всё разрушить!
Зато в саду разбойник соловей,
Как прежде, изливает миру душу.

Не всем на любовь в этой жизни везёт.
Любви на всех нас не хватает.
Зато предостаточно нынче свобод —
Свобод без конца и без края!
От наших претензий устал купидон?
Зачем вам любовь? Есть свобода!
И кто там ещё старомодно влюблён?
А ну-ка, хватайте урода!
Давненько у нас не пылают сердца —
Несёмся по жизни галопом...
...Ты снова её не довёл до венца,
Любить обещая до гроба.

Золотая осень, золотая.	В старом парке мне назначь
Мечет по аллеям конфетти...	свиданье,
Ты прекрасна, даже увядая,	Там, где листья парами кружат.
Продолжаешь красками	Осень, осень, королева бала,
цвести.	Мы с тобой подруженьки
Ты хранишь высокое	вполне...
молчанье,	Что-то ты поблекла,
Примеряя царственный наряд.	подустала...
	Но ещё любимей стала мне.

Осенняя нота

И солнце, во власти дремоты,
Уже не взлетает в зенит.
Осенняя звонкая нота
Особо щемяще звенит.
Той ноте внимают покорно
Деревья и речка, и луг,
И в колосе спелые зёрна,
И всё, что я вижу вокруг.
И кто-то невидимым жестом
Отмашку небесную дал,
И дождик, шальной
капельмейстер,
Итожит осенний финал.

Стужа

Первый снег укрывает землю,
Старый дом и заброшенный сад,
Что уже мне давненько
не снится
Ни в цветение, ни в листопад.
Сад, продрогший в январскую
стужу,
Разодетый в сияющий лёд,
Не согреет усталую душу,
В нём давно соловей не поёт.
Вместе с садом уснувшие
чувства

Прекратили свою круговерть...
Как же холодно в мире,
как пусто,
Как печально любви не хотеть!

Зима

Зима пришла издалека,
Морозами венчая утра.
И ставни, будто на века,
Покрыла зябким перламутром.
Рассвет? Не велено будить!
И потому длиннее ночи.
Пора о вечном говорить,
Ведь дни короче и короче.

Но время движется вперёд,
Стремясь в объятия Коловрата,
Где солнце зимнее взойдёт.
И станет всё у нас как надо.

Ветер

Окно распахну пошире —
Пусть ветер ворвётся в дом.
Он многое видел в мире.
Поведает пусть о том.
Тревожил в широком поле
Он тысячелетий пыль,
Мечтая о вольной воле,
Качая сухой ковыль.
О чём, проскользнув сквозь

ветви,

В лесной шелестит листве?
С ним дружат другие ветры,
Века состоя в родстве.
Зачем ему океаны,
Просторы чужих морей.
И чужеземные страны?
На Волге у нас родней!
Навстречу гостеприимно
Ему распахну окно...
И он мне подскажет имя,
Забытое мной давно.

Забросила свои мечты.
Не мучают меня кошмары,
Что я стою у той черты,
Где в бездну падают Икары.
Что их пленительный полёт?
Мгновенье прозрачной
свободы!

Но всё равно идут на взлёт,
Не веря в правила природы.
Нет, нет! Я больше не хочу
Испытывать судьбу напрасно...
Куда же я опять лечу
И чувствую, что жизнь
прекрасна?!

Галина Ильдюганова

г. Новокуйбышевск

На окне мороз рисует лето.
Ну, откуда знает он о нём?
И горят с заката до рассвета
Летние пейзажи ледяным
огнём.

В них какая-то тоска
о невозможном.

О не встрече, не судьбе.
Мне опять приснился летний
дождик

Под снежинок шорох в декабре.
А зиме всё лето снится, снится.
На сугробах тополиный пух.
И согревшись, пробует синица
Песню лета подобрать на слух.

Мне вас придумывать
Однажды надоест!
Я вас забуду,
Словно сон вчерашний.
И не окажется на свете мест,
Что станут местом встречи
нашей.

А ваш корабль,
Нацеленный на мель,
Останется в далёком океане.
А я закрою скрипнувшую дверь,
Чтоб позабыть навек
о капитане.

Вот и окончилась мечта моя.
На выдумку мы, фантазёрки,
падки.

А счастье чьи-то бороздит моря.
И сны про капитанов очень
сладки.

Ах, эта осень, эта осень!
Царица неба и огня.
Вас ни о чём она не спросит—
Она похожа на меня.
Она усыплет ваши плечи
Всем золотом своих берёз.
Вы на другом пути,
на Млечном.

А я в земных оковах слёз.
Вы далеки. И нет ответа.
И взгляда нет.
Лишь пыль веков.
Вы далеко. Вы где-то, где-то.
Я вас ищу за гранью снов.
И только осень, только осень
Опять толкует о своём.
И то ли плачет,
То ли просит
За нас двоих,
О нас вдвоём.

Вновь зимний вечер
зажигает свечи.

Ладонь бокал
хрустальный холодит.
И хочется шептать
о чём-то вечном,
Красивые слова
друг другу говорить.

Под звуки вальса
приглашать красавиц.
Читать стихи
на ушко невпопад.

Всё грустное
в ушедшем дне оставить.

Под звон бокалов
 шутки пусть звучат.
Ещё не скоро догорят
 все свечи.
Замолкнет музыка
 и голоса.
Подарим же друг другу
 этот вечер
На день, на год,
 на час, на полчаса.

Опять зима следы все
 заметает.
Мои надежды вновь
Январский снег занёс.
И свет свечи в окне
Уже почти растаял,
А ветер шёпот мой
За горизонт унёс.
Пусть догорит свеча!
Её судьба такая:
Сгореть и осветить
Убогий мой уют.
Пусть за окном метель
Влюблённых разлучает.
Я не закрою дверь.
Зайдите. Вас здесь ждут.
Потухшая свеча.
Шаль на плечах от стужи.
Пройдёт за веком век.
Всё будет так, как есть.
Опять зима.
И голос мой простужен.
Распахнутая дверь.
И я. Всё так же. Здесь...

На мелкие куски
Разбившаяся осень.
В последних лужах тень
От жаркого костра.

И на часах моих
Без двух дождинок восемь.
Мне время года, видно,
Сменить пришла пора.
А вечность неразменной
Монетой снов накатит.
Ей вовсе нету дела,
Что станет со мной.
Накопленная грусть
поставлена на карту.
Всё в уходящем веке
Покроется золой.
И только чей-то профиль
В туманном коридоре,
Озябший и немного
Осенний и чужой,
Протянет тень руки
С фиалкой на ладони.
И я пойму, что ветер
Принёс меня домой.

Метель

Так тихо тикают часы.
И тает снег.
Твои следы, мои следы.
Разлуки бег.
Лампадку теплят небеса,
Чтоб встрече быть.
Метель над миром чудеса
Опять творит.
Пробьют часы,
и ты придёшь,
Страхнув капель,
В который день,
В который год
Откроешь дверь.
Ты только ступишь на порог,
И я пойму:
Настал тот час,
Настал тот день.
Быть посему.

Надежда Ланина

г. Самара

* * *

Из тишины провинциальной,
Из непонятной полутьмы
Снег падал грустно
и прощально.
И были в этом снеге мы.

Фонарь пугал чужие тени,
Скрипел, качаясь, но светил.
А в переулке, как на сцене,
Охрипший ветер что-то выл...

Назвал ты чувства днём
вчерашним,
Ушёл, как будто из тюрьмы.
И стало горестно-протяжным
Дыханье снежное зимы.

А я шептала, как на плахе,
Молила: «Милый, не спеши...»
Снег шёл и шёл...
Он шёл и плакал,
Лица касаясь и души...

* * *

*...А сердцу стало страшно биться,
Такая в нём теперь тоска...*

Анна Ахматова

Так печально-величально
В профиль тонкое лицо.
Так мучительно-страдально
Рук заломленных кольцо.

Пальцы сомкнутые вздрогнут,
Сердцу вновь в огне гореть.
Пусть слова кричат и стонут,
Рифмы хлещут, словно плеть!

...Как вселенская туманность
Снег кружился до утра.
И божественная данность —
Росчерк быстрого пера!..

Щенок

Лапка к лапке, белый хвостик,
Через речку — зыбкий мостик...

Небо в тучах, мало света,
Нет от солнышка привета.
Лапы промоchu, похоже.
Дождь по лужам ходит тоже!

Говорят, что осень это,
Что ушло надолго лето.
Что за осенью? Не знаю.
Ночи длинные встречаю.

Мокрый ветер треплет спинку
И озябшую рябинку.
Музыка дождя простая...
Где прилечь, не понимаю.

Жаль, в подъезд опять
не пустят.
В животе под вечер пусто.
Мне так грустно... Мама, где ты?
Вот бы дома быть согретым!

Я один на целом свете.
Почему, кто мне ответит?
Что я знаю? Что я смею?
Я... вилять хвостом умею!..

Лапка к лапке, белый хвостик,
Через речку — зыбкий мостик...

В парке

Ни о чём жалеть теперь не буду,
Объяснять я ничего не стану
Ни седому сумрачному дубу,
Ни беспечно-юному каштану.

[illegible]

Позабытые тропинки-змейки
Сброшенные листья укрывают...

Блики солнца остывают
в травах.

Только я горю, как в лихорадке.
Льются слёзы, что не вытираю,
Зябнут руки в лайковых
перчатках...

* * *

Ветер был юн и влюбился в берёзку,
Робко весной он ей смахивал слёзки,
Тихо вздыхал, напевал серенады,
Летом дарил дуновенье прохлады.

Ну а берёзка, волнуясь, бледнела,
Вольному ветру ответить не смела.
Нежно листва у неё трепетала.
Ветер грустил, а берёзка молчала.

Осенью светлой, как будто на троне,
В платье златом, в драгоценной короне
Стала берёзка царевной прекрасной.
Ветер решил — все надежды напрасны.

Молча красавицей он восхищался,
Даже дышать рядом с ней опасался...
В путь собрались перелётные птицы.
Холод коварно нарушил границы.

Ночью со снегом нагрянула стужа.
Ветер уставший притих и не выужил.
Утром проснулся и вскрикнул от боли:
Сникла берёзка в морозной неволе.

Платье золотое исчезло бесследно,
Иней на ветках сверкает победно.
...Ветер снежинки с любимой сдувает.
Что за безмолвием их ожидает?

Кто его знает, да, кто его знает...

Варвара Маркелова

г. Кинель

План «Б»

Мы были знакомы уже год. Он всегда был в хорошем настроении; если покопаться в памяти, можно вспомнить один-два раза, когда я видела его погружённым в себя. Виктор из тех, о ком сотрудницы отзывались одобрительно. Всегда готов помочь, от него часто можно было услышать: «Сейчас решим» — или: «Не вешай нос, чудо ещё никто не отменял» — и обязательно с улыбкой.

Когда я однажды увидела его в унынии, то сильно удивилась. Он сидел на своём рабочем месте, перед его глазами плавала заставка, но взгляд уходил за пределы плоскости монитора. Я спросила:

— Вить, случилось что?

Он улыбнулся и ответил:

— Ничего, ничего. Если что, у меня есть план «Б».

Встал и ушёл по делам. Я вернулась к открытым файлами, день шёл по привычной колее.

Мы сблизились настолько, насколько позволяют рабочие места в метре друг от друга. Виктор был «старшим братом» всему отделу, умел не перейти границы и развеять неловкость так, что от неё не оставалось осадка. Я не спрашивала, как у него дела, никто не спрашивал, этот вопрос чаще всего принадлежал ему и порой опережал наши «здорово» или «привет».

Когда я только устроилась, Виктор помогал освоиться. Вспоминается мой первый день: он завёл разговор про то, что рядом с женским туалетом, на втором этаже, около правой лестницы в прошлом году лопнула труба, и понадеялся, что в этом году этого не случится. Я сразу запомнила, где находится нужное помещение. Спустя полгода он проделал тот же трюк с другой новенькой сотрудницей, но в её случае это было разбитое окно. Сотрудница быстро удалась, он проводил её взглядом до двери, потом повернулся ко мне и подмигнул. В разговорах был сдержан, но, возможно, это чисто мужская привычка.

Однажды в обеденный час мы разговорились о любимых блюдах, и незаметно для себя я стала жаловаться на потерю поваренной книги. Я сильно увлеклась, проговорила весь обед. Он слушал, не перебивая, пока другие ковыряли вилкой в лапше

и из вежливости кивали головами, не покидая чатов. Когда же заметила, что перетянула на себя внимание, стало неловко, и я смутилась. Виктор спросил:

— То есть ты больше всего жалеешь, что не запомнила рецепт маринада?

— Да. Думала, всегда под рукой, и запоминать не стала.

На восьмое марта я получила книжку «Маринады и соусы»; о разговоре на тот момент я уже не помнила. А сотрудница, что во время перерыва смотрела сериалы, — пластмассовую подставку под телефон, потому что карандашница, подпирающая гаджет во время просмотра, частенько падала. Я часто становилась свидетелем таких случаев, но уверена: их на порядок больше.

Виктор работал у нас уже с месяц и как-то подкатился на своём компьютерном кресле, сунул телефон мне почти под нос и спросил:

— Смотри, какая лучше? — на экране высвечивались предложения по съёму жилья.

— Я не знаю. Надо сравнить цену, учесть развязку, — на тот момент я не рискнула спросить, зачем ему понадобилось жильё, да и, строго, это дело не моё.

— Я на машине, слава Богу! Развязка не имеет значение, а по цене они все подходят.

— Может, есть другие важные пункты? Детский сад, супер-маркет или парк?

Виктор рассмеялся и убрал телефон.

— Саш, ты выдала все свои предпочтения одной фразой!

За этот месяц он уже узнал про мой декрет, проблемы с детским садом и радужные мечты на отпуск.

— Тогда с высокими потолками, — подытожил Виктор.

Больше он к этому разговору не возвращался. Я посчитала этот случай личной причудой, частью натуры, не приносящий окружающим вреда. Эти слова всего лишь колыхнули воздух. О таких моментах говорят: если не знаешь, то не поймёшь.

На втором месяце знакомства я могла без спроса взять предмет с его стола, даже выхватить ручку из рук, чтобы сделать заметку на квадратном стикере, и получить вдобавок:

— Саш, я в понедельник тебе две в сумку кинул. Или ты их уже сгрызла?

— В сумку лезть надо. Это срочно, а то забуду.

— Убедила, — сдался Виктор.

Если кто-нибудь выкрикнет имя Виктора, я сразу представлю своего соседа по рабочему месту, как привычно он откидывает

ся на спинку кресла и слегка покачивается, пока сосредоточенный взгляд сверлит экран.

В пятый месяц я могла попросить подкинуть домой после работы, и это ему оказывалось всегда по пути, и всегда я принимала его ответ за чистую монету. Помню, как впервые села к нему в машину: банальные три иконки на приборной панели и осветитель на зеркале заднего вида. Он освободил переднее кресло от коробки, мятой с угла, поправил чехол:

— Устраивайся.

Машина тронулась, весь путь двигалась, плавно покачиваясь, уступая дорогу «торопыгам», и в конце остановилась напротив подъезда. Так Виктор познакомился с моим мужем, а после пяти минут общения они обменялись номерами. Муж даже как-то звонил ему и просил отбуксировать машину в субботу — Виктор не отказал.

Я помню ту неделю. Уже со вторника она пошла кувырком. Кроме сломанной машины, на дороге были и облитое йогуртом праздничное платье дочери, переросшее в двухчасовую истерику, и рабочая флешка, постиранная вместе с джинсами, и ручка новой сумки, беспощадно оторванная мной в попытке протиснуться к выходу сквозь трамвайную толпу.

Казус в трамвае случился утром в пятницу. После общественного транспорта на работу я пришла в еле сдерживаемых слезах, а в носу чувствовалось пощипывание. На рабочем месте я зло плюхнулась на кресло, обнимая пострадавшую.

— Так, понятно, — Виктор указал пальцем на сумку. — Надеюсь, она погибла, сражаясь за Родину?

Я улыбнулась, а слёзы предательски покатались из глаз. Дальше Виктор перешёл на притворный шёпот:

— Не смей при ней плакать, — показал он на сумку глазами, — они же всё чувствуют. Хочешь, чтобы она совсем упала духом? Предлагаю выпить по кружке чая с конфетами. Ей сейчас нужно побыть одной.

Ему с лёгкостью удалось поднять мне настроение и перевести этот случай из категории «это катастрофа» в разряд «всякое бывает». В конце рабочего дня Виктор вручил мне многострадальную сумку, ручку заменял паракордовый шнур.

— Это временно, до дома дотерпеть, — пояснил Виктор.

— А если развяжется? — на самом деле я не сомневалась, это был праздный вопрос, лишь бы перекинуться словом: беседа успокаивала.

— Не развяжется, я разбираюсь в узлах.

И опять поймала на себе смешливый и снисходительный взгляд. И опять я ничего не почувствовала: что может насторожить в досужем разговоре?

На восьмом месяце знакомства я обнимала Виктора при встрече. Это получилось само собой. Конечно, это не было моей привилегией: он мог обнять или пожать руку любому. Для меня всё это неприемлемо: я по возможности избегаю прикосновений, а в этом вопросе не терплю даже формальности. Либо я обнимаю, либо нет.

Однажды Виктор стал свидетелем, как сотрудник из соседнего отдела протянул мне руку. Не ответить на раскрытую ладонь при знакомстве — жест неуважительный, поэтому пожатие всё же состоялось. А после протирала влажными салфетками каждый палец, стараясь быть не замеченной. Виктор достал из рюкзака полосатый кусок мыла и протянул мне:

— Держи, с ароматом моря. Ты же любишь море?

Он ловко направил мои мысли в нежные мечты о прогулке по пляжу.

— Ты всегда носишь с собой кусок мыла?

— Сегодня я ношу целых четыре куска! В наборе дешевле. Пока ты не спросила зачем, отвечаю: я втихаря ими моюсь, пока никто не видит!

И я опять смеюсь, держа в руке душистый подарок. Кому захочется сторониться понимания и простоты?

А две недели назад я заметила на безымянном пальце Виктора обручальное кольцо. Это надолго отвлекло от рабочего настроения: полезли вопросы и домыслы. Он женат? Кольцо было раньше, и я его не замечала? Почему сегодня заметила? Нет, не было кольца. А почему сегодня надел? Живёт на съёмной квартире, ушёл от жены, а вчера помирился?... Их становилось только больше, словно невидимый кочегар подбрасывал их в топку моего сознания. Наконец всё сложилось в одну фразу:

— Вить, у тебя кольцо?

Его руки зависли над клавиатурой, правая сжалась в кулак. Виктор с досадой скользнул взглядом по золотой полоске на пальце.

— Да! — кольцо переместилось в карман рюкзака. — Забыл снять.

— Ты женат? — я не знала, насколько вправе задавать такой вопрос, так как сам Виктор никогда не лез в душу напролом — я сама ему всё рассказывала, но вопрос выпрыгнул сам собой.

— Я не знаю.

Повисли секунды молчания, а потом Виктор негромко рассмеялся, глядя на меня. Он говорил, что моё лицо не умеет скрывать эмоции и на нём читается всё, о чём думает моя голова.

— Саш, — продолжил он, — не хочу, чтобы мои призраки беспокоили кого-то ещё. Я со всем разберусь.

Виктор откинулся на спинку кресла и с присущим ему задором кинул:

— У меня всегда есть план «Б».

Мы оба вернулись к работе — или сделали вид. И всё же прикосновение к личному и уязвимому Виктора стало для меня неожиданностью. Будто мне положили в ладони распластанную студенистую медузу и её нужно быстрее вернуть обратно в глущину, из которой её достали, чтобы не погубить.

Спустя день он был особенно молчалив. Подходил к стеклянной грани окна и всматривался в сырой город, а может, и в прошлое. Да и погода располагала: дождь лил весь день — то хлёстко крупными каплями, то моросил мокрой пылью.

Вечером я попросила подкинуть до детского сада. По пути мы заехали в маркет.

— Саш, ты не против? — Виктор указал рукой на магазин. Белая «Мазда» как раз отъезжала, освобождая парковочное место вдоль бордюра. — На этаже лампочка перегорела, хочу заменить.

— Конечно, но я подожду здесь.

— Как хочешь.

Он переложил в левую руку ключи, которые успел вытащить из замка зажигания, быстро схватил куртку с заднего сиденья и вышел под дождь. Одеваясь на бегу, проскочил в распахнутые стеклянные двери.

Когда куртка покидала своё место, я чётко слышала звук падающего предмета. Это оказалась небольшая бурая коробка, потёртая, со сбитым углом, с печатной надписью карандашом в углу: «План Б». Если бы я не вертела её в руках, то надписи бы не заметила. Знаю — чужое брать — ай-ай-ай, но таинственный план манил взглянуть одним глазком. Совесть мучила долго. Дважды пешеходы переходили дорогу за зелёный свет, а потом крышка открылась без проблем.

Столько же я разглядывала знакомые вещи. В коробке в несколько колец был скручен тот самый паракордовый шнур — не знаю, какой длины, по кольцам непонятно. Половина мыльного

куска в полоску с аккуратным срезом от ножа и крючок с резьбой. «Потолки высокие...» — всплыло в памяти. Захлопнув коробку, я вернула её назад, на коврик за водительским сиденьем. Оказалось, вовремя: Виктор как раз вышел из магазина и направлялся к машине.

— Извини, что долго. Не мог решить — с холодным светом брать или тёплым. Взял обе.

Виктор отправил лампочки в бардачок, а мокрую куртку — обратно на заднее сидение.

Мы выехали на проезжую часть. В голову назойливо лезли очень плохие мысли. Виктор притормозил на светофоре, дворники продолжали ритмично скользить по стеклу. Затикал поворотник.

— Вить, если что, ты всегда можешь на меня рассчитывать! — не знаю, эти слова надо говорить в таких случаях или другие, уверена — со стороны выглядело странно.

— Ты про лампочку? Саш, не забивай голову, на месте определяюсь.

И молчание до следующего поворота.

— Лампочка — это хорошо. А то в темноте кто-нибудь шею ломает. А ломать шею нельзя никому!

— Согласен. Хочешь пришлю фото после замены? — подшутил Виктор. — Раз тебя это тревожит больше всех моих соседей вместе взятых.

— Присылай.

Тема была исчерпана. Я вышла у садика, он уехал.

Всю дорогу домой я убеждала себя, что такой жизнерадостный человек, как Виктор, не мог задумать ничего страшного и необратимого, что это шутка или пранк. Вечером, после фотографии, где на лестничной площадке сияла тёплая лампочка, появилось чувство, что всё не то, чем казалось на первый взгляд.

После выходных он уволился. Тихо и быстро. В очередной день вместо привычного соседа в кресло рядом сел другой человек. В ответ на приветствие — холодный кивок, потом коллега надел наушники, уткнулся в компьютер. Позже начальник, стоя посередине отдела, представил нового сотрудника официально, громко, чтобы всем было слышно. Набрала номер Виктора — «абонент недоступен».

Я знала адрес, но повода заезжать раньше не было, да и смысла тоже. Вызвала такси. По пути за окном проскакивали незнакомые маркеты, аптеки, кольцевые развязки. Я надеялась, что

опять всё надумала и сейчас увижу снисходительный взгляд Виктора и буду краснеть за свой сентиментальный порыв. И одновременно боялась не встретить этого взгляда — я боялась больше никогда его не встретить.

Через полчаса или около того, запыхавшись от пробежки по лестнице, в расстёгнутой куртке, с шапкой в руках и испариной на лбу я звонила в дверь его квартиры. Виктор открыл. Видеть его было облегчением. Обрывисто объяснила, почему здесь и мучаю кнопку звонка:

— Ты не пришёл. Уволился. Ничего не сказал, телефон молчит!

— Проходи, — произнёс Виктор спокойно.

Мы вошли, он закрыл дверь, помог снять верхнюю одежду, жестом пригласил на кухню.

— Вить, я самое страшное подумала. Я знаю про план «Б»! — на выдохе выпалила слова и затихла.

Виктор невозмутимо нажал на кнопку электрического чайника, достал кружку, поставил передо мной.

— Я понял, — он посмотрел на меня так, как я и ждала. — Я закрывал коробку по-другому.

— Напридумывала, да? Прилетела как ошпаренная, даже не подумала, что ты можешь быть не один.

— Я один, — он тяжело выдохнул. — В этом-то всё и дело. После твоих слов в машине я понял, что ты догадываешься, а коробка всё объяснила. Пришлось обдумать всё ещё раз.

Кнопка чайника отпружинила на прежнее место. Виктор налил кипятка в мою чашку, потянуло нотками бергамота.

— Варенье или конфеты?

Я молчала — сейчас совсем не до них. Уверенными движениями Виктор поставил передо мной и то, и другое.

— Ты меня, Саша, от края отвела! Как же я теперь... когда ты знаешь...

Зазвучала пауза.

— Мы когда с Олесей поженились, я её сразу венчаться потащил. Считал, это как гарантия или оберег. Думал, теперь точно навсегда и душа в душу. Но всё оказалось не так. Через три года развелись. До конца не верилось, думал — это временно, перемелится, сойдёмся, а она замуж вышла. Ну, получилось как получилось. Она свободна, я свободен. Вроде все понятно, только с клятвой что делать? Весит на мне чугунным замком. Тяжело, а сбросить силы нет. Душу жжёт. Чуть глупость не сделал...

— А уволился зачем?

— Зачем? Чтобы не тянуло. Решил с одним знакомым священником поговорить, а он в скит уехал. Собираюсь его навестить там. А потом не знаю, как сложится.

Мы засиделись до четырёх. Он не гнал, но я чувствовала, что уже пора. Перед выходом обняла его на прощание. Пока спускалась по лестницам подъезда и шла до автобусной остановки, ещё чувствовался вкус клубничного варенья на губах и теплота откровения. Но секунда за секундой всё это уступало горечи расставания.

Офис не изменил ритма. Новый сотрудник оказался не общительным, но вежливым парнем. На днях пришёл с порванным шнурком на кроссовке, отдала шнур, когда-то изображавший ручку. Фикус у кулера сбросил два пожелтевших листа — взяла на поруки. Сегодня набрала Виктора. В ответ — короткое: «Перезвоню...»

Наталья Ростова

г. Самара

Русь моя

Русь родная моя, невозможно мне жить на чужбине,
Душу тянет всегда к с детства близким, знакомым местам.
Так с рождения было, так есть для меня и поныне —
Возвращаюсь с любовью к поволжским родным берегам.

Мне любимей земли никогда больше в жизни не будет,
Ширь просторов полей, в предрассветном тумане луга.
Здесь душою щедры работающие русские люди!
Здесь прекрасны великой, широкой реки берега!

И всем сердцем любима ты мною от края до края,
Деревенских дорог уходящая вдаль колея...
Догорает закат, на волнах бликом ярким играя,
Птичьим пеньем наполнены мирные эти края.

Здесь истоки и корни, история наша и предки.
Где бы я ни была, я домой непременно вернусь!
В те места, где к речным берегам клонят ивушки ветки
И дыханьем своим греет сердце любимая Русь.

Во власти времени

Я — остров, а ты — глубокое синее море,
Во власти Господней мы, некуда нам деваться.
И если в подробности попросту не вдаваться,
То всё относительно: счастье оно иль горе.

Для каждой воды — своя суша, свой дальний берег.
И тут уж каждый в плену своих бурных фантазий.
Мир полон раздумий, хаоса, разнообразий,
Одно важно каждому, кто он, во что он верит...

К примеру чайки: над морем кричат бестолково,
Казалось бы. Но это только с первого взгляда!
В их криках слышно: «Подумайте!.. Лучше не надо
Ошибки свои совершать вам снова и снова...»

Есть время. Оно — наш единственный мудрый лекарь.
Оно в этом мире Царь нам и Бог, и Обитель.
Нам взвесить даёт: что мыслите, что говорите...
Выстраивая маршруты судьбы человека.

Прозреет душа. Отворишь в грядущее двери,
Простишь все обиды, подумаешь о великом,
Помолишься, встретишься взором с Господним ликом
И вновь обретёшь понимание и смысл потери.

Жигулёвская полоса

Вот-вот простор зальётся солнца светом,
Прохлада рвётся покидать луга.
Россия-мать, тебя прекрасней нету,
Как дороги мне Волги берега.

Три месяца вдыхаем запах лета,
Пока оно не встало на крыло,
Наполнив щедро нас добром и светом
И души наши окунув в тепло.

Закат. Нырнуло солнце за осины,
Зажглась на небе первая звезда,
Ночная мгла так девственно красива,
От лунных бликов светится вода.

Поэзия и проза Самарского края

Плакучей ивы тихий шелест листьев,
Река лизнула краешек песка.
И выстрелил костёр салютом искры,
Как будто связь со звёздами искал.

Раскаты грома вечером над Волгой,
А утром травы светятся росой,
И соловьиной песни трели долго
Летят над Жигулёвской полосой.

Мой человек

Этот мир полюбить бы мне так,
Как никто никогда не любил:
И лучистое солнце, и мрак
Самых чёрных
космических дыр.

Всем сказать,
что достаточно мне
Миролюбия в сердце навек.
Но молчу, повинуюсь судьбе.
Просто нужен мне Человек.

Выживать невозможно, увы,
В этом суетном мире одной.
Мысли —
вызовом из тишины —
Нужен он. Настоящий. Мой.

Уплывает мечта моя вдаль
По извилистой жизни-реке,
Ускорение лодке придав
Всем, чем можно...
А мне вдалеке

Всё мерещится через порог
Силуэт и родные черты.
Так и шепчет настойчиво Бог:
«Посмотри — это он и ты...»

Время жить

Если спросят:
«Ты спать умеешь?» —
Я промолвлю в ответ: «Могу,
Но бездействовать тяжелее,
Чем всё время жить на бегу!...»

В плотном ступоре я бывала
И отметила для себя,
Что милей ощущать авралы,
Перехлёсты судьбы любя.

И развеются все вопросы,
Если ты — судья сам себе.
А когда бывает не просто,
Не имеешь претензий к судьбе.

Если думать в глобальном
смысле —
Смерть всё смоем своей волной,
Отдавайся, как можешь, жизни,
А не можешь — тогда не ной.

Анна Скорнякова

г. Самара

Утешная собачка

К вечеру должно было стать легче, это было мне известно из опыта. Даже если ничего не делать и лежать носом к стенке, часам к пяти вечера на душе станет теплее, острые углы житейских коллизий приобретут плавные очертания, и какое-нибудь из обыденных дел, казавшееся днём невыносимо скучным и бесполезным, увлечёт и обрадует настолько, что не захочется и ложиться спать. Но впереди было ещё несколько часов дня — предпоследнего здесь, в гостях у престарелой тётушки, дня, — которые нужно было прожить не как-нибудь, а во славу Божию, на пользу ближних и во спасение души своей.

Всё было перепробовано: неуклонное исполнение своих обязанностей, дополнительная таблетка антидепрессанта, словословие Бога за всё, но руки опускались и силы падали, и телесные, и душевные, и ум не находил выхода из тоски. Оставался звонок другу.

Я взяла телефон и вышла на крыльцо. Небо, облака и обильная зелень были удивительной чистоты и нежности. Бревенчатые хозяйственные постройки, тонувшие в разновысокой солнечной траве, выглядели особенно живописно в своей заброшенности. «Слава Тебе, сотворившему вся», — сказала я, но ничем, кроме тоски, моё сердце на эти слова не отзывалось. Я решила выполнить любой совет, который услышу, не оценивая его. Друг приветствовал меня неприснувшимся голосом и, выслушав мою жалобу, посоветовал мне заняться чем-нибудь. «Я всё время чем-нибудь занимаюсь, — сказала я. — И всё время с тоской: посуду мою с тоской, огород поливаю с тоской, читаю с тоской, вышиваю с тоской, в магазин хожу с тоской...» — «Ну, тогда просто пройдишь по селу, — сказал он. — В правую сторону». Я не стала спрашивать, почему в правую. Так интересней. Левую сторону села мы исследовали как-то на зимних каникулах, когда я была молодой, а он — маленьким. В самом деле, я ведь ещё не была там. Я поблагодарила друга, предупредила тётю, переоделась в выходное платье и отправилась в путешествие. С тоской. Но и с надеждой, потому что в своей жизни я давно заметила интересную закономерность: исполнение не своей воли обычно приводит к приятному сюрпризу.

Я решила идти по главной улице — широкой, хорошо убитой и почти ровной дороге. Участки с одноэтажными домами шли то плотно, забор к забору, то слегка вразброс. Глухих заборов было немного, всё больше традиционные, из отдельных узких штакетинок, не скрывавшие ни окон с крашеными ставнями, ни палисадников с цветами. Из цветов чаще других попадались маки, не больше кустика на палисадник, ало-оранжевые лепестки распустившихся цветов первыми привлекали рассеянный взгляд.

Изредка встречались мне люди: девочка с бидоном на велосипеде, потом пеший узбек со стройки, потом женщина на велосипеде — это лицом к лицу. Потом из одной калитки, оставленной мною чуть позади, вышла женщина с двумя детьми и подтвердила лепет младшего о том, что я — тётя. Потом, на левой стороне улицы, в прогале между дворами, на сочной и густой траве я заметила несколько пёстрых коз и их хозяина. Хозяин тащил на верёвке слегка упиравшегося козлёнка, чтобы привязать его к колышку. «Козлище я, Господи, козлище упирающееся, — подумала я. — Но и тварь я Божия, и есть во мне что-то хорошее, не знаю что, но есть». На этой светлой мысли я сочла себя исцелённой и хотела было уже вернуться к домашним делам, но тут во мне пробудилось лёгкое любопытство, и я решила непременно дойти до конца села и возвратиться другой улицей. Дальше мне встретились два или три огромных коттеджа в стадии строительства, следом несколько крошечных заброшенных домиков, и я увидела довольно крутой холм, служивший завершением села. Дорога, по которой я шла, на холме расходилась надвое, одна вела прямо, другая сворачивала обратно в село, кажется, на ту самую улицу, которой я хотела вернуться. Крайние дома были очень выразительны: слева на отдельном холмике — обросший хмелем кубик избышки чуть ли не на курьих ножках, справа — сочетание бойлера и строительного вагончика, обёрнутое огромнейшим плакатом, приглашающим на выборы. И вот прямо на подходе к этой странной конструкции лежала небольшая коричневая гладкошёрстная собачка. Я не боялась собак, но при таком упадке душевных сил не хотелось связываться с чем-то неизвестным и непредсказуемым. И уже у меня мелькнула мысль, что не судьба мне взойти на холм, как собачка, заметив меня, поднялась и залаяла. «Фу», — сказала я и топнула ногой. «Ав-ав-ав», — ответила собачка. «Фу», — сказала я и топнула ногой. «Ав-ав-ав», — сказала собачка, и так мы пререкались с ней довольно долгое время. Наконец, она смирилась, замолчала и

улеглась. Немного постояв на месте, я решила продолжить свой путь. При первом же моём шаге собачка вскочила и побежала мне навстречу. Вблизи я разглядела её. Это был щенок какой-то охотничьей породы, совершенно весь шоколадный, с карими глазами, карими губами и карим носом. Он дружелюбно вилял длинным, видимо, в силу возраста ещё не купированным хвостом и обнюхивал фестоны моей юбки. «Ты поняла, собака, что не должна на меня лаять, потому что я просто гуляю?» — выговорила я ей с ласковым великодушием победителя и через два или три десятка шагов взошла на холм.

Светлана Тукачёва

г. Самара

Неповторимый день

На минуту день длинней,
а значит—
Вновь движение в сторону
весны.

Эта мимолётная удача
Спутала томительные сны.
Кажется, ещё глоток
терпенья —
Станет день прозрачней
и длинней.
Скажется такое высветленье
В жизни замороженной моей.
Впрочем у иллюзии
заманчивой,
Как и у зимы, двойное дно.
Календарный лист
переворачивая,
Убыстрить мне время не дано.
Только в подсознание
ощущенье
Лёгкое, но мнимое порой:
В сторону весны пошло
движение —
Вечный и волнующий настрой.

Скину эсэмэску: «Я поехала».
Чувствую, движенья миг настал,
Посмотрю в сияющее зеркало
И с дорожной сумкой на вокзал!

Ах! Как трудно город покидать,
Тёплый свет, и ни дождя,
ни снега.
Если бьётся на осколки небо,
Чтобы в окна просинью упасть.
Если на мгновенье высота
Искрами засветится в вершине,
Если фонари в лимонном гриме
Угасают, тайнами дыша.
Если ты смеёшься невпопад,
Заглушая все мои сомненья.
Если поезд вздрогнул
в нетерпенье,
Если птицы крыльями шуршат.
Держишься за поручни рукой,
Белые от матового света.
Трудно покидать мне город
твой,
Тёплый свет,
где ни дождя, ни снега.

* * *

Что ближе нам? Ответить сердце хочет,
Когда в сомненья мы погружены.
Шальная пляска ветра среди ночи
И робкий свет заснеженной зимы.
Или весна с звенящими ручьями,
С рубиновой зарёю над рекой
И молодыми первыми листьями,
И небом с безупречной синевою.
А может, лето с прядью трав душистых,
С моторкой, пробежавшей по волне,
С полоскою туманов серебристых
И солнцем раскалённым вдалеке?
Но я люблю осенний день незвонкий
И сумрак фиолетовый в ветвях.
Цветов и трав увядших запах тонкий,
Оставленный на утренних следах.
Люблю шуршащий говор листопада,
Полотнища пылающих зарниц
И паутину на деревьях сада,
И взмах печальный перелётных птиц.

Первый снег

* * *

Первый снег я с радостью
 встречаю
И как будто вижу в первый раз
На листве пожухлой,
 на трамвае,
На ресницах чуть прикрытых синих,
 глаз.
На перилах, подмороженных
 немного,
Лёд, как рыба чешуя, блестит.
Скована забытая дорога,
Кое-где отживший лист весит.
Воздух пахнет клюквой
 замороженной,
Зелень блеска лунного в дыму.
И хожу я радостно
 встревоженной.

Отчего всё это — не пойму.

Зная я, что всё это писалось:
Месяц, переломленный в воде,
Сумрака расплывчатая талость
И туман послойный на заре.
Только вновь пишу о травах
 ливановых,
Что облиты лунностью ночной,
О реке, приворожённой
 ливнем,

С глинистой оранжевой
 каймайкой.

И ещё о том, как летней ночью
(Много раз я видела сама),
Огненной пройдя по небу
 строчкой,
Пала счастливая звезда.

Владимир Трофимов

г. Самара

Одуванчики в мае считаю,
а на ёлке шары — в январе.
И опять одуванчики в мае
на газонах, в полях, на горé.

Лабиринт городского
пространства,
где домами высь сжата в синяк,
покидаю, мне нравится
чванство
петухов, что не могут без драк.

Оттого ли, что я инфантилен,
мне по нраву молитвы овец

с жирной грязью дорожных
извилин,
по которым шли мать и отец.

Музыка похожа на молитву,
а стихи похожи на цветы,
росшие там, где открыл калитку
тайны неисполненной мечты.

Около плетня томились дровни,
страхами манила темнота.
Лопухи, что под дождём

продрогли,
сохли. Вот такая красота.

Вечером

Вечером,
синим вечером снег с неба прилетал на плечи нам.
Каждый огонёк на ёлке был замеченным.
Снегом восхищались мы
вечером.

На твоих ресницах снег лежал.
Что нас ждёт — тогда никто не знал.
Это всё вдруг вспомнил я
вечером.

В сумерках,
в синих сумерках нам всё казалось сказочным.
Мы легко поверили улыбкам масочным.
Снегом любовались мы
в сумерках.

Все хотели отдохнуть от дел,
на коньках катались, снег летел...
Это всё вдруг вспомнил я
в сумерках.

Поэзия и проза Самарского края

* * *

Приходит сон, хозяин чистой	Поменял клён свой красный
силы,	мундир
указывает — этих не забудь,	на трико, в нём стоит
пока листва во тьме гниёт	коренастый.
красиво	побелеет наш радужный мир,
и замерзает в градуснике ртуть.	где от скуки спасают контрасты.

Клён осыпает счастье золотое,	Отдалённый стучит
подходит срок сугробных	инструмент.
горбунов.	И куда улетать — спорят птицы.
Танцуют ливни, что попало моя.	Охлаждается зданий цемент.
Аукают жильцы советских снов.	И хранить меня ангел боится.

Помертвевшие листья лежат на асфальте моих путешествий, а кусты спят рядами ежат, переживших жуть ветра нашествий.	Жизнь — рекламные паузы, сны, онемевшая музыка снега. Снег — гусь белый, чьи лапки красны. По полгода снег валится с неба.
--	---

Кончилось бабье лето

Вихрей повтор,
летит листва.
Кончилось бабье лето.
Слева — Уфа,
справа — Москва,
где-то летит комета.

Нравится он,
такой как есть,
с радостью и печалью.
Всё я хочу
понять, прочесть,
явь увязать с печатью.

Люди идут,
идут, идут.
Люди летят и едут.
Ветер привык
менять маршрут.
Нравится мне мир этот.

Солнце, лети,
лети, свети,
обогревай планету.
Люди должны
вперёд идти.
Кончилось бабье лето.

Поэзия и проза Самарского края

* * *

Птицы устали нас радовать свистами.
Сумрак укрыл кроны яблонь и груш.
Синего космоса звёзды искристые
ночью украсили сонную глушь.

Мы забывали далёкие облики.
Перекликались с луной фонари.
Майских черёмух пьянящее облако
нам не давало уснуть до зари.

Ночь нам казалась волшебной иллюзией,
неповторим нежной юности свет.
Юность лирична, проста без лет груза в ней,
в ней осторожной логичности нет.

* * *

По басовой струне бью я пальцем большим,
остальными — все звонкие струны тревожу.
От суровости истин давай убежим.
Ты мистичности музыки веришь, я тоже.

В город детства вернёмся хотя бы в мечтах,
ускользнём от реальности, станем моложе.
Мы увидим росу на таёжных цветах,
ведь не зря же я струны гитары тревожу.

Нам в столовой дадут борщ, рагу и кисель,
в зеркалах отразятся довольные лица.
Мы увидим наш парк, стадион и бассейн.
Неужели от яви нельзя отстраниться!

* * *

У пруда стою один,
словно безымянный палец.
Холст проклеил желатин.
Краскам радуюсь, скиталец.

Квакает июльский пруд,
влагой пахнет пруд утиный

и осоки изумруд,
не мечтавший стать картиной.

Мошка влипла в смесь цветов,
рождена для катастрофы.
Да и я на всё готов,
лишь бы были эти строфы.

Анастасия Шишкина

с. Кинель-Черкассы

Счастье

Счастье — следить, как плывут облака.
Счастье — губами ловить свежий ветер,
Просто дышать, провожая закат.
Счастье — любить и мечтать, словно дети.

Счастье — жить, боли совсем не боясь,
Сердце раскрыв, верить искренне в чудо.
Счастье — когда упадёшь прямо в грязь,
И руки подать смогут добрые люди.

Счастье — душою себя ощущать,
Вечной частицей в мгновении жизни.
Счастье — под тенью ночного плаща
Ждать, чтобы в окна рассвет снова брызнул,

Солнечный лучик глазами ловить
И у камина в день пасмурный греться...
Счастье — исток бесконечной любви
В Боге найти и в своём чистом сердце!

Путь любви

Все идём мы к тебе,	Цель — Любовь.
Всевышний,	Вся Любовь — от Бога!
Только каждый своей дорогой.	Это высшая Божья милость!
Иисус и Аллах, и Кришна,	
Будда, Сварог —	Не религии правят миром.
и нет здесь лишних,	Не религия — цель исканий,
Это разные лица Бога!	А Любовь. Только эта сила
	Избавляет нас от страданий.

Мы идём. И стираем ноги.	
Одинокие пилигримы.	Все идём мы к тебе,
Но сливаются все дороги	Всевышний,
В Путь Любви —	Только каждый своей дорогой.
это Путь Единый.	Иисус и Аллах, и Кришна,
	Будда, Сварог —
И неважно, какой дорогой	и нет здесь лишних,
Ты здесь шёл, ведь в конце	Это разные лица Бога...
открылась	

Поэзия и проза Самарского края

Не упускай мгновения любви.
Смотри лишь сердцем, только сердцем слушай.
Господь твой каждый день благословил.
Всё замечай, увидев в каждом душу.

Не упускай мгновения любви:
Улыбку друга, звонкий смех ребёнка
И радужных картинок детских вид,
Объятия ручонки детских тонких,

Тепло во взгляде, нежные слова,
Простой совет и добрую заботу,
И солнца луч, что вмиг нарисовал
В рассвете небе Божью позолоту.

Мгновения любви не упускай
В потоке дел, в рутине серых будней.
Любовь и многогранна, и проста.
Она всегда с тобою рядом будет,

Когда ты видишь, сколько добрых дел
Вокруг тебя, ты — главный в них участник.
Бог есть Любовь, а Он вокруг, везде!
И только Он тебе дарует счастье.

Не упускай мгновения любви.
Как бусины, их нанижи на нитку,
И этими мгновеньями живи,
И освети весь мир своей улыбкой!
Не упускай мгновения любви...

Старая яблоня, брошенный дом —
Всё вспоминают они о былом:
То, как когда-то, лет двадцать назад,
В окна глядел ярко-алый закат
И пробивался с утра солнца свет
Сквозь занавески сюда много лет.

Поэзия и проза Самарского края

Три поколения выросли здесь.
Дом помнит всех женихов и невест,
Малых детей и больных стариков.
Было здесь счастье, была здесь любовь.
Было и горе, и слёзы лились.
Судьбы людей с этим домом сплелись.

Яблоня помнит тепло детских рук,
Яблок своих на зубах вкусный хруст,
Помнит, как в землю хозяин сажал.
Умер старик в одиночестве... Жаль...
Дети покинули дом навсегда —
Их заманили к себе города.

Ставнями окна закрыты теперь,
И заколочена ветхая дверь.
Сени разрушились, сад весь зарос,
И у калитки трава в полный рост.
Только зачем-то, который уж год,
Старая яблоня пышно цветёт.

Цвести для Бога

Я — куст в Твоём огромнейшем саду —
Разросшийся, корявый, не цветущий,
Почти засохший... Я дождя так жду!
Дождя Любви, что напичкает Душу.

Я жду, а у корней течёт вода —
Подземный океан Любви нетленной.
Я жду... А Ты, Всевышний, всё мне дал!
Хоть я и кустику в уголке Вселенной.

И бережно заботливой рукой
Срезаешь лишнее, мой Боже Святой!
А каждый человек передо мной —
Не друг, не враг — в Твоей руке секатор.

Корнями пью не воду, а Любовь,
Что проливается дождём над садом.
И расцветаю для Тебя я вновь и вновь!
И счастья больше этого не надо...

Моя религия — любовь!

Моя религия — любовь! Не путай с вожделением.
Она — основа всех основ, не мёртвое учение.
Природа — вечный храм её, а сердце благодарное,
В котором Бог всегда живёт, — вот где её алтарная.

Не знает злого языка, не знает осуждения,
От лжи и гнева далека, но дарит всем прощение.
Она не ведаёт границ и всех национальностей.
Улыбки знает тысяч лиц, ведь все ей улыбаются.

Она не знает грубых слов, не ведаёт забвения.
Из глубины глядит веков и не боится времени.
Она — основа знаний всех, основа мироздания.
Она не знает зла совсем, но знает сострадание.

Она оценит не успех, а в доброте усердие.
Она не знает праздный смех, но знает милосердие.
Она не знает правоты, обиды и презрения.
Она — источник доброты, надежды и терпения.

Поднимет в небо от земли нас искренней молитвою,
И всё, к чему мы приросли, срезает острой бритвою.
Всех вдохновляет вновь и вновь источник счастья вечного.
Я знаю: Бог и есть любовь! И здесь добавить нечего.

Поэзия и проза Самарского края

Снова дымчатая осень
Между дверью и ключом.
Прибегут из леса лоси
За солёным калачом.
Опадёт туманом речка,
Брызнет строчками с листа.
Снега беленького сечка
Расстелилась у креста.
Заминает сердце темень
В тесто пресное дорог.
И ложится на ступени
Ко двору скулящий бог.

И не скрыться от печали:
Солнце с птицами на юг.
Строфы медленно стучали
В пальцы петлями вертлюг.
Неба серого крупица
Яшмой катится в глаза.
И с травинками проститься
Прилетела стрекоза.
Задрожит на воздух едкий
Века тоненький рогуз.
И хрустит костями ветки
Первый утренний мороз.

Живого света мудрое чутьё
Давно в ракушку глаза мне шептало,
Что выпало случайно это всё,
Сливаясь в песнопение хорала.

И образ твой, поделенный на два,
Теньями рылся в пробковом рассудке,
Ушедшая, как ломкая трава,
Я где-то. Вплоть до мартовской побудки.

Прохладной меди бойкий завиток
Ложится к небу красного востока.
Ты чувствуешь стремительный отток
В корнях своих берёзового сока?

И снятся руки, полные любви,
На каменном подобии Догала.
Осенние, должно быть, соловьи
Раскаркались у бледного мурала.

Приспущен дня семнадцатый затвор,
Звезда по имени... вытряхивает темень.
И длится памяти пространный коридор,
В котором мы не с теми. Мы не с теми.

Поэзия и проза Самарского края

Небо обрушило рыхлую чёрную темень,
Август готовит свой волевой порядок.
Долгие месяцы мы разлучались с теми,
Кто для любви и опыта шагом-рядом.

Мы разлучались робко, потом смелее,
Снились друг другу, грезились в новой сотне.
В жёлтом вине, в фонарном цветном фужере
Медленно гасли самарские подворотни.

Смялся Аксаковский сквер в кулаке безлюдья,
Ветер треплет за щёки, как старый дядька.
Я заплетаюсь стихами в железные прутья
Парковых лестниц и в складки дневного платья.

Улицы выкрадут точечное озаренье,
Памятник тих — неопытный собеседник.
Так одиноко, что час оживляешь тени и
Страшно спугнуть последнюю птицу с ветки.

Всему конец. И ночь оборвалась,
Чтоб никогда на свете не родиться.
В запястье веток синенькая вязь
Прижала снегом пепельную птицу.
Блестящий город в воду погружён,
И в окнах оцвет розового талька.
Подставил комли вислоухий клён
Под свет жемчужный медленно и валко.
Идёт-плывёт в расхоженном дыму
Случайный друг в неласковом пейзаже.
Я, словно вишни, слёзы соберу,
А тот и не заметит этой кражи.
Мудрён и скушен строгий полумрак,
Ему и то не так, и то не эдак.
Сирень, замаятая в остроженный кулак,
Рассыпалась кудряшками виньеток.
И всё уходит. Звёзды — в полынью,
Колпак луны — за чёрную кошницу.
А я опять... Опять печаль пролью
На бесконечно бледные страницы.

Поэзия и проза Самарского края

По росе, по росе,
по жемчужинкам
Побегу, полоща сарафан.
Облаков череда непослушная
До соседей лежит в Казахстан.

Прижимается тёплое солнце
К лучепёрой, измятой траве.
Одинокой рукой чудотворца
Приласкалась звезда к реке.

Переходит апрельская бровка
В расцветающий белый май...
Принимайся, Сухая Вязовка,
Просыпайся, Берёзовый Гай!

И защиплет внутри немного
От степной кочевой красоты.
А домов деревянных берлоги
Дымогана пушат хвосты.

И запрыгнули пальцев
вишенки
В приоткрытый, как рот,
карман.

По росе по зелёной
и рыженькой
Побегу, полоща сарафан.

Израненная в дребезги дорога
Потеряла ночь в овсяной мгле.
Мне макушку ласково

потрогал
Княжий ветер с камушком
в чалме.

Мне кольнула спицей
в серединке

Неба веретённого река.
Заминая алые суглинки,
Дождь село притянет за бока.
Улыбнется робко и печально
Скошенное водами лицо.
Между прочим я не замечаю,
Что над лесоречьем рассвело.
Но душе выплёскиваться

нечем,

Розовым сеница отмогла...
И синица больше не щебечет,
И молчит над пасекой пчела.

Кем стану я, когда скажу: люблю?
И хватит ли руки коснуться сосен?
А слово в стихотворную петлю
Ныряет пёстрым жаворонком в просинь.
Просыпятся ранетки на стекло,
Сбивая древ отточенные вздохи.
Улитками по рёбрышкам ползло
Святое откровение эпохи.
Во мнеросло волнение, и так
Хотелось выплеснуть его, рыдая,
Что пёрышко, зажатое в кулак,
В тетрадь ложилось, будто запятая.

Блестела ткань чуть видимых озёр,
А волосы лицо объяли рюшей.
Мне жаль, что ночь, придя в соседский двор,
Умрёт в больших трудах, не отдохнувшей.
Кем стану я, когда скажу: люблю?
Погасит ли тепло весенний холод?
Смотри, как роза майскому шмелю
Даёт унять невыносимый голод.
И станет дождь стекать по рукавам,
По гладким складкам розового платья.
В воде стоит по плечики трава...
И чья-то тень касается распятыя.

Обломки меча

Крылом, стеклом, обломками меча
Твоя душа касается запястья.
И южный снег, наверно, сгоряча
Пришёл ко мне на этот тихий праздник.
И каждой поры маленький карьер
Наполнен света липкими лучами.
Катает в небе солнце гандольер,
Пока луна ответственно сучает.
Но в том печаль. И всё всему виной.
Зачем глаза так много обещают?
Когда слова тык-пык наперебой
Мой слух щипают разными вещами.
Доверишь ключ священного стиха
И детских снов цветные караваны,
А девять девушек оставят впопыхах
Объёмных кос рыбацкие араны.
И будет щит тебя благославлять,
Беречь старуха пёстрым разнотравьем,
В послушных пальцах ягодная прядь
Свой тёплый след и сладкий вкус оставит.
Твоя душа касается руки,
Рука тонка, приучена, согрета.
И все погибшие когда-то мотыльки
Плывут вуалью ускользящего лета.

Поэзия и проза Самарского края

Отпущено. Отпущенного мало.
Сгибает воздух птичий взмах.
В медвежью шкуру шаль перерастала,
Наброшенная светом впопыхах.
Смородина неопытного ливня
Катилась мелким градом под язык.
Но обоюдоострая крапива
К погожим дням всегда была впритык.

И копать слов, и жадных лёгких сажа
Пустые книги мнёт и будоражит.

Распалось море на глоточки йода,
Стрела — на клин бумажных журавлей.
Листва моя, души моей природа
Молчит в весну окошками нулей.
Я отпускаю. Мало. Мало. Мало.
Равняет волос серебрёный серп.
Греха виновница, наверное, устала
Подсчитывать обузданный ущерб.

В напёрстке памяти лишь белые платочки,
Любовь к тебе и точки, точки, точки.

В моих целлофановых венах хрустальный ток,
Город пахнет весной, а на сцене осень.
Корни деревьев льются, как кипятки,
В этом первом почти что живом морозе.

Имя твоё — Любовь. Ты пришёл вот так:
Дерзко ломая мрака сухие ветки.
Ляжет в рассвет голова на сырой верстак —
После прижмётся к тебе невозможно крепко.

Выскочит пульса подкованная блоха,
Воздух теперь обмят адресами тела.
Ночь без тебя бессовестна и плоха.
Пусть к чертям летит! И она летела.

Поэзия и проза Самарского края

Ты рождён единственно для меня
В гордом молчании диких июльских вишен.
Кажется, всё, не касаясь небесного дна,
Вдруг ускользает в руки твои неслышно.

Милый, чего там? Прошу, не таи себя.
Лёгкие буквы сложились в сутулый почерк.
Но не хотела бы знать я наверняка,
Чья судьба всего на строку короче.

Илиада

Бессонница и ночь. Тугие паруса.
Гомеровский рассказ потрогал середину.
Звенит луны стекло, и неба полоса
Уходит создавать восточную лепнину.
И мне не жаль её утраченный мотив,
Другая, может быть, в дыму спешит депеша.
Запрыгнет, по-мужицки талию схватив,
Разбуженная счётом рыхлая бекеша.

А я опять гляжу на спины кораблей,
Десяток новых строк с причала провожая.
И чудится внезапно дедушка Эней,
В печали чёрной Волги вёсла погружая.
Застыла тихо грудь, предчувствуя снега.
А солнце возвращалось именем Елены.
Гомер, живи! Моя бессонница долга:
Сжигая корабли, я растворяюсь в пене.

И больше не живу, но, нет, не умираю.
Слепящая вода — водой глаза полны.
Тугие паруса прощались с Менелаем.
А он любил Её? А он хотел войны.

Наталья Бондаренко

Это всё согревает сердце моё

Ответ на вызов времени

После возвращения с очередного литературного конкурса у меня появилось желание поделиться опытом собственного участия и наблюдений в конкурсах разного уровня — международных, всероссийского, московского. Подумалось, быть может, мои мысли, высказанные на бумаге, кому-то из писателей пригодятся... Акцент сделаю на «детских» конкурсах, в которых участвуют авторы, пишущие для юных. Сама я принимаю участие не только в них, любой конкурс для меня — это прежде всего возможность познакомиться с людьми, увлечёнными литературой. Такие встречи дают заряд творческой энергии, возможность поговорить о волнующих вопросах, узнать новые имена...

Детская литература способствует формированию личности ребёнка, потому писать для детей — большая ответственность. Книги для юных должны быть не только интересны, но и полезны, ведь они пишутся для воспитания. А как понять родителям, какого качества книга? Не навредит ли она душе, набирающейся опыта с детства? Большинство взрослых разбирается в литературе. Но всё же было бы не лишним ещё до приобретения книги

узнать мнение о ней специалистов. Вот для этого, собственно, и проходит серьёзный отбор детских книг на профильных литературных конкурсах. А достойные рукописи члены жюри отбирают для издания. Конкурсы — это сито для продвижения книг.

В постсоветский период в стране открылось много конкурсов. Конкурсы важны. И не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, в музыке... В литературе профессиональный отбор существует и для того, чтобы остановить поток низкопробных произведений, засоряющих умы наших детей. Такой отбор способен сформировать список полезных добрых книг для внеклассного чтения. И это тоже важно.

Минцифры проводит для российских издательств конкурс, целью которого является господдержка — выделение денежных средств на издание социально значимых книг. (Министерство и журналам финансово помогает по заявкам.) Желающие издательства в нём участвуют. Некоторые представляют на конкурс произведения для детей и юношества. Требования к таким рукописям: способность воспитывать у подрастающего поколения высокие нравственные и патриотические качества гражданина России и представление о духовных ценностях. Конкурс приносит свои плоды, финансовая помощь издательствам оказывается, книги выходят. Вот мой пример... В 2022 году издательство «Русский Мир» (М.) выиграло субсидию в сто тысяч рублей на издание книги «Привет! Я — Артёмка» (рассказала роман глазами детей). На эти деньги и на деньги издательства книга в 2023-м вышла. И в том же году представлялась на внутрироссийских книжных ярмарках — на Книжном салоне в Питере и на «Красной площади» в Москве.

Обращаясь в любое издательство, было бы не лишним автору спросить в письме: участвует оно в конкурсе Минцифры или финансовая помощь не требуется; продвигает ли свою полиграфическую продукцию на рынке книг. Из ответа станет понятно: работает издательство как типография или как настоящее издательство. И после этого решайте: надо ли подписывать с издателем договор.

В некоторых регионах страны проводятся свои конкурсы, подобные конкурсу Минцифры. Например, в Саратовской области... В прошедшем декабре при финансовой поддержке саратовского Правительства (в результате конкурса) вышла книга моей сестры Галины Маштаковой «Венька + овечка Дуся = истории на двоих». Это не первая её книга, которая выиграла грант на издание, директор саратовского издательства «Орион» участвует во всевозможных конкурсах с рукописями местных авторов, у неё всё получается. Многое зависит от подхода к своей работе издателей...

Наталья Бондаренко. Это всё согревает сердце моё

Вернусь к «Артёмке», опять же — для примера (опыт можно перенять). Кто-то может подумать: повезло книге — раз! — и вышла, да ещё в Москве. Да, повезло. Но до этого у неё был долгий разбег — в пятнадцать лет. В далёком 2006 году начальную рукопись из более трёх десятков рассказов поддержал детский писатель В.П. Крапивин — председатель жюри Международного литературного конкурса своего имени (и члены жюри были «за»). По совету моей знакомой писательницы с Урала я отправила рассказы в Екатеринбург, где конкурс проходил. Спустя время получила от его организаторов приглашение на финал — в город Тюмень, на родину Крапивина. Не ожидала такого подарка... Хотя, казалось бы, всё закономерно: уже были публикации в трёх центральных детских журналах, а также положительный отзыв на рассказы детского редактора Марии Тахистовой из журнала «Костёр» (СПб). И всё же я воспринимала своё занятие как приятное увлечение. А конкурс? Почему бы не поучаствовать?.. Интересно же.

И вот, я в Тюмени, на двухдневных праздничных мероприятиях, посвящённых конкурсу... Общение с авторами-дипломантами, прибывшими из разных уголков страны (было нас семь человек), совместные беседы с детским писателем Владиславом Крапивиным и Альбертом Лихановым, писателем и общественным деятелем, творческая встреча с филфаковцами в местном университете, пресс-конференция с руководителями небезызвестной «Каравеллы», экскурсия по городу... Всё это осталось в памяти как нечто необычное, удивительное. Теперь кажется, что происходило это не со мной... Но нет, остались фотографии, диплом конкурса, автограф Крапивина на его книге: «Спасибо за замечательного Артёмку!» — с пожеланием дальнейших успехов автору. (Автограф мэтра детской литературы воспринимаю как благословение на литературное творчество для юных.) Через два года вышла книга «Артёмкины истории и мамыны сказки» (проект был благотворительный).

И пошло с тех пор... Рождались новые рассказы для детей, выходили очерки об интересных людях... Когда стало тесно в рамках очерка, перешла на документально-художественные повести. А конкурсы, толчком к которым стал тот, крапивинский, у меня продолжились (люблю испытывать себя на профпригодность). Когда однажды увидела только что вышедшую книгу «Привет! Я — Артёмка» на полке Московского Дома Книги на Арбате, показалось, что это — невероятный сон. Это гордость и счастье.

Счастье — ещё и творческие путешествия — так называю свои поездки на финалы конкурсов, на которые приглашают, всего их было четыре. Из такой поездки пару месяцев назад как раз воз-

вратилась — из города Дзержинский Московской области. Там в местной центральной библиотеке лауреатам двух сезонов Московского международного конкурса детской литературы имени Агнии Барто вручали медали. Для меня, признаюсь, была большая честь получить такую награду, тем более на стихах этой заслуженной детской писательницы выросло не одно поколение нашей семьи. До сих пор помню некоторые из них наизусть... Кстати сказать, наша шестилетняя внучка Виктория недавно победила в конкурсе стихотворений, посвящённом творчеству Барто, прочитав со сцены детского сада произведение Агнии Львовны «Верёвочка».

Учредили конкурс, на финале которого побывала, Московская областная организация Союза писателей России и литературное объединение «Угреша» (г. Дзержинский). Первый сезон состоялся в 2023 году. Молодой конкурс. И хотя юн, уже во втором сезоне (2024-2025 гг.) приняли участие более семи сотен авторов. Первый сезон был региональный, не такой многочисленный по участникам, он выявил: в Московской области около ста пятидесяти детских авторов. Благодаря конкурсу МОО СПР я познакомилась с интересными, увлечёнными людьми, а это главное.

Член Союза писателей России из г. Дзержинский Елена Николаевна Егорова — автор более сорока книг, из них двадцать — для детей; кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник ЦЭМИ РАН. Она же руководитель городского литобъединения «Угреша», автор учебно-литературных видеороликов для детских писателей (представлены в соцсетях), организатор и вдохновитель конкурса им. А. Барто. На плечи этой неординарной, увлечённой литературой женщины легла основная нагрузка. Было прочитано ею (и другими членами жюри) более девяти сотен присланных рукописей — свыше пяти миллионов печатных знаков! Это только работы конкурсантов второго сезона... По итогам двух сезонов вышли красочные сборники с произведениями лауреатов, дипломантов и членов жюри — «Самый лучший подарок» и «Дом для книжек». Это большой командный труд! Главный вклад в оформление книг и «наглядную агитацию» конкурса внесла молодая художница Елена Хадж-Шейхмус из посёлка Новоивановское Одиновского г.о., ныне студентка отделения графического дизайна московского колледжа № 24. В изготовлении медалей «Агния Барто» помогли финансово спонсоры.

И вот, последний этап конкурса... Юбилейный вечер Агнии Барто (писательнице исполнилось 120 лет). Хозяйке вечера, Елене Николаевне, предстояло встречать гостей, вести программу...

Среди приглашённых были и представители от литобъединений разных городов Московской области — лауреаты конкурса. Надо сказать, московские литобъединения имеют свои особенные названия: «Радуга», «Родник», «Угреша».... Замечательно!

Есть несколько версий происхождения названия «Угреша», это старинное слово часто звучит в городе, им названо не только местное литобъединение. Приведу одну версию... По преданию, в том месте, где сейчас город Дзержинский, войско великого князя Дмитрия Донского остановилось в 1380 году на ночлег по пути к Куликову полю. Явление иконы Святителя Николая Чудотворца укрепило Донского верой и надеждой, отчего князь воскликнул: «Сия вся угреша сердце моё». («Это всё согревает сердце моё»). С тех пор место это зовётся Угреша. А удивительный по величавости и красоте архитектуры, по количеству в храмах старинных икон (две — мироточащие) и нетленных мощей святых местный ставропигиальный мужской монастырь с духовной семинарией при нём называется Николо-Угрешским. Я, естественно, не могла обойти стороной эту жемчужину России, эту святыню, готовилась к встрече с ней, ради неё задержалась в городе ещё на день. Не передать словами чувства, испытанные в намоленных храмах монастыря...

Вернусь к юбилейному вечеру... Вручали нам медали председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России Сергей Сергеевич Антипов и Елена Николаевна Егорова. Всё происходило после того, как маленькие участники мероприятия почитали стихи Барто, посмотрели фильм о писательнице и были отпущены с родителями домой, ведь дальше шла программа для взрослых. Тёплая атмосфера стояла в литературно-музыкальной гостиной литобъединения «Угреша», казалось, давно знала всех этих людей, простых в общении, внимательных друг другу... В благодарность за приглашение на вечер и от большого желания, чтобы с моим произведением могли познакомиться дети города, я с удовольствием преподнесла в дар библиотеке г. Дзержинский книгу «Привет! Я — Артёмка».

На вечере удивил меня детский рассказ Е.Н. Егоровой, в авторском исполнении. Его тема: детско-подростковый мат. Как этот вопрос — детское сквернословие — актуален в наши дни! И бороться с распространившимся матом как-то надо... Сама я всегда делаю детям замечание на улице, когда слышу бранные слова, но не более того. А вот Елена Николаевна показала собравшимся в зале, что нецензурной речи можно противостоять с помощью литературы — такого вот мудрого, с юмором рассказа. Писательница прочла его с «запикиванием» спортивным свистком в тех

местах, где предполагались нехорошие слова. Находка! Сам рассказ, само собой, в первую очередь. Не каждый автор возьмётся за такую тему и так виртуозно её «обыграет»...

Ещё удивила девочка десяти лет Варя Скворцова, она прочитала два своих стихотворения — про кота и про книгу сказок — совершенно прекрасных, без каких-либо изъянов. Подрастает смена поэтам! Это радует.

Состоялась небольшая презентация книг двух молодых детских авторов — Кузьмы Шаца и Светланы Сороки. Звучали музыкальные номера... Ну а потом за чаем и пищей мы дружески общались. Елена Николаевна поделилась планами: на какие литературные произведения своих угрешцев намерена отправить заявки на Московский областной конкурс имени Ярослава Смелякова — его проводит литобъединение города Новомосковск. Да, действительно, в некоторых конкурсах по Положению авторы не имеют право подавать заявки сами — только какая-либо организация — например, библиотека, ЛИТО и др. (Имеется у меня и такой опыт: заявку на I Всероссийский конкурс «Лучшее краеведческое издание по истории и культуре российского казачества» подавала на книгу «Одной крови...» директор МБУ «ЦБС городского округа Сызрань»; книга вышла в лауреаты.) Руководитель «Угреш» Егорова в таких важных делах, как литературные конкурсы, держит руку на пульсе...

Подмосковные города Дзержинский и Новомосковск невелики по численности населения (меньше Сызрани), а проводят литературные конкурсы областного масштаба, при поддержке МОО СПР. И, как уже знаем из вышесказанного, литобъединение «Угреша» успешно осилило второй сезон конкурса рангом выше — Международный.

Поездка в места, на землю которых ступала нога Дмитрия Донского, согрела сердце моё. А милое старинное слово «угреша» запало в душу. Оно тёплое по звучанию, его хочется повторять, говорить маленькой внучке: «Ты моя угреша!»

...Победитель одного из российских детских литературных конкурсов Эдуард Веркин однажды высказался на тему участия в конкурсах: «Победа в конкурсе, безусловно, важна, особенно для провинциального писателя. Победа даёт многое. Это подтверждение того, что твой труд оценен и востребован, интересен читателям. Кроме того, при нынешнем книжном изобилии придирчивый читатель обращает гораздо больше внимания на книгу-лауреат, то есть увеличивается шанс быть прочитанным. В наши дни триумфа фантастики и фэнтези опубликовать реалистическую

книжку довольно проблематично, моя повесть «Друг апрель» довольно долго плелась к печати, победа в Конкурсе ускорила этот процесс. Советую другим и сам участвую во всех основных российских конкурсах. Они помогают повышать и поддерживать свой профессиональный уровень, а не почивать на однажды завоеванных лаврах. На мой взгляд, это здорово — когда в шорт-листе встречаются и уже известные писатели, и не очень, и вовсе дебютанты. Это полезно всем. Подчеркну полезность участия в конкурсах для провинциальных писателей — для них это возможность напрямую поучаствовать в литературной жизни, выйти на издателей, завести знакомства. В конкурсах участвовать, несомненно, надо: это одна из важных составляющих работы профессионального писателя».

Согласна с мнением Эдуарда. И всё же победа в конкурсе не главное (победителей много не бывает). Важно участие: оно настраивает на творчество, придаёт тонус, окрыляет и вдохновляет, даёт уверенность в своих силах, а порой складывает счастливую судьбу книгам. У меня к конкурсам — чувство благодарности и радость участия.

Участвовать ли в платных конкурсах, спросите? Это решать самим. Я не стала бы участвовать. Был такой случай... Один товарищ из сызранского ЛИТО оплатил конкурс — три тысячи рублей, а в ответ, как мне сказал, — тишина.

Собственное участие в литературных конкурсах навело на мысль: почему бы в нашей области, конкретно у нас в Сызрани, не открыть региональный литературный детский конкурс — для авторов, пишущих на детскую и подростковую аудиторию. («Взрослый» литературный конкурс в губернии есть, а «детского» — нет.) По его итогам можно было бы раз в год либо раз в два года выпустить детский номер областного журнала «Русское эхо». (К примеру, саратовский журнал «Волга — XXI век» один номер в году целиком отдаёт под детство.) А может быть, детский журнал «Светлячок» возродить? Когда-то он издавался... Если детский печатный орган появится, тогда литературное творчество губернских авторов — и «новичков», и писателей со стажем — станет всем читателям доступно (не каждый пишущий для детей имеет возможность издать собственную книгу).

Сызранский конкурс, цель которого — открытие новых имён... Вынашивала его в душе... Наконец, вышла с предложением на заседании ЛИТО, заговорила об организации конкурса... Но — увы! Кто-то был, видимо, в сомнении, промолчал на сей счёт. Одной детской писательнице не понравилось моё предло-

Наталья Бондаренко. Это всё согревает сердце моё

жение назвать конкурс именем известной сызранской писательницы, участницы Великой Отечественной войны Надежды Ивановны Подлесовой (об этом сказала мне после заседания). В ходе обсуждения прозвучал возглас: а оплата за работу в жюри будет? На мой взгляд, настоящего разговора не получилось, обсуждение вопроса неожиданно прервал автор, вышедший декламировать своё детское стихотворение. Так хорошее дело не получило своего развития...

Сызрань — литературный город России. Это высокое звание надо, по моему мнению, не только поддерживать, но и укреплять новыми литературными делами, одним из которых мог бы стать детский региональный конкурс. Все желающие пробовали бы свои силы, участвуя в нём. Он мог бы стать для кого-то трамплином — для участия в конкурсах масштабом крупнее. И в результате человек преуспел бы в сфере детской литературы. Всё возможно...

Пока место проведения Самарского областного детского литературного конкурса — вакантно. Тольятти, Самара, Чапаевск, Новокуйбышевск, Жигулёвск, другие города — дерзайте! А те, кто готов не жалеть своих сил и времени на новое дело, вас поддержат.

В заключение скажу: участвуйте, друзья, в конкурсах, цель которых — дать читателям правильные, добрые книги! Я искренне этого желаю всем авторам.

На поэтическом меридиане

10 апреля в художественной галерее «Виктория» звучали стихи. Там проходил творческий вечер новокуйбышевской поэтессы Валентины Соколовой, посвящённый её юбилею. Валентина Фёдоровна представила новый сборник стихов, в который вошли самые её любимые стихи, написанные в разные годы. На фоне картин женской выставки, которые словно стали иллюстрациями к поэтическим строкам, звучали стихи о Родине, о семье, о маме, о сельском доме, детстве. Валентина Фёдоровна не только читала свои стихи, но и делилась с гостями своими воспоминаниями. О том, что в зрительном зале находились её друзья и коллеги, рассказала сама поэтесса. Среди них были её соратники по творческому цеху — поэты из литературно-творческого объединения «Отчий дом» (12+), друзья юности, хорошие люди, встреченные в зрелом возрасте, медики из роддома, где Валентина Соколова трудилась в лаборатории, изучала в микроскоп больше полувека истории болезни будущих мам, старалась вовремя отследить тот момент, когда в организме что-то пошло не так. Чтобы своевременно поставить заслон разрушительным силам болезней. Начав писать почти 40 лет назад, поэтесса сумела создать свой собственный мир. Видеть красоту в совершенно обыденных вещах — удел и удивительное умение поэта. Творческие люди способны превращать привычный окружающий мир в поэтический и красочный. Мы с утра спешим на работу, вечером торопимся домой, порой не замечая всего, что окружает нас. Не смотрим на звёздное небо зимними вечерами. Не замечаем, как похожа на осенний костёр рябина, растущая рядом с домом. А творческий человек, такой, как Валентина Соколова, всё подмечает, «берёт на карандаш» и превращает в целые истории, стихотворные произведения. Нежно, очень по-доброму и с огромной любовью говорит Валентина Фёдоровна о своей маме. Мы все родом из детства. Там наше начало, истоки, самые трогательные воспоминания, и, конечно же, прекрасные стихи о самом родном и дорогом человеке.

Более 30 песен написано на стихи Валентины Соколовой. Мелодии к большинству из них «подобрал» искусственный интеллект. Песни получились душевные, красивые, под которые так и хочется закружиться в танце. Была на творческом вечере и совершенно уникальная импровизация — история ожидания любимого человека, надежда и разочарование. Всё это «рассказала» в танце подруга

Валентины Фёдоровны — Нелля Белая. Она и Ирина Асеева исполнили ещё один красивый танец под патристическую песню на стихи Валентины Соколовой. Слова восхищения поэтическим даром произнесла директор музея истории города Елена Чубакова. Елена Александровна отметила и удивительное умение поэтессы найти те самые душевные слова, которые способны затронуть самые тонкие струны души человека. Отметила Елена Чубакова и прекрасную память Валентины Фёдоровны, которая и в 80 лет читает свои стихи наизусть. Веду-

щая творческого вечера Анастасия Суворова сумела создать очень добрую, почти семейную атмосферу, позволившую раскрыться и самой поэтессе, и зрителям. На мероприятие поддержать Валентину Фёдоровну пришли родственники. Которые растроганно слушали вместе со всеми гостями историю жизни поэтессы, раскрывающуюся в её стихах и песнях. Современные технологии позволили всем вместе «перелистать» семейный альбом Соколовой. На экране появлялись фотографии, на которых совсем юная поэтесса, а потом она же, но уже повзрослевшая, рядом её мама, муж — водитель КраЗа, близкие и родные люди Валентины Фёдоровны, пейзажи родной Кротовки, фотографии Новокуйбышевска, города, ставшего дорогим и любимым. Трогательно прозвучали признания в уважении и искреннем почтении в адрес первых руководителей литературно-творческого объединения «Отчий дом» Дианы Кан и Евгения Семичева. Это они, замечательные российские поэты, щедро и умело «ставили на крыло» начинающих авторов. Прививали чувство ритма, развивали поэтические способности. А потом радовались успехам своих подопечных, гордились выходом их новых сборников стихов. Поздравили с юбилеем Валентину Соколову и коллеги «по цеху», поэты литературно-творческого объединения «Отчий дом», пожелавшие ей долголетия и вечной творческой молодости.

Галина Ильдюганова

Жигулёвская весна в сердце России

16 мая в нашем городе состоялся традиционный областной литературно-музыкальный фестиваль «Жигулёвская весна». На одном из предыдущих праздников известный в России писатель и критик Эдуард Константинович Анашкин однажды сказал: «Благодаря такому фестивалю на один день в году Жигулёвск становится литературной столицей губернии». И каждый новый праздник — это своеобразный экзамен на столь почётное звание!

Вот и в этом году на весенний фестиваль уже в 18-ый раз съехались творческие гости — писатели, поэты, музыканты — со всей области: из Самары и Новокуйбышевска, из Сызрани и Тольятти, из Кинеля и Солнечной Поляны. Присутствовали, разумеется, и жигулёвцы — любители изящной словесности. Не секрет, что такой встречи творческая общественность области ждёт в течение всего года. Поэтому выступления на сцене предваряли дружеские объятия, обмен мнениями задолго до начала официальной части, создавая доброжелательную ауру предстоящего праздника уже в фойе большого зала Жигулёвского ДК. Помогли поднять настроение гостей и участники объединения «Город мастеров», которые под руководством Клары Вотяковой украсили мероприятие своими поделками, также заинтересовавшими собравшихся.

И вот зрительный зал ДК. Музыкальная тема Михаила Ивановича Глинки из увертюры к опере «Руслан и Людмила» привлекает внимание собравшихся на праздник, создаёт гармонический настрой предстоящей встречи. На экране появляются слайды цветущей весны в Жигулях. А следом начинает звучать живая музыка. Это под руководством Людмилы Кривцовой ансамбль домристов из детской школы искусств № 1 исполняет «Пьесу — шутку» Павла Герасимова, концертмейстер Ирина Спиридонова.

После такого лирического вступления внимание собравшихся оказывается прикованным к сцене, с которой руководитель художественно-поэтического Салона «Любава» Ирина Минкина объявляет тему нынешнего фестиваля, связанного с годом единства народов России, 175-летием Самарской губернии и, разумеется, весной на просторах Жигулей. Образно дополнила формулировку темы гостя из Тольятти, обладатель премии «Профессиональное признание» Александра Кишкурно, сообщив об ещё одной важной для нашего края юбилейной дате года, связанной с 60-летием Волжского автозавода.

От имени городской администрации с приветственным словом к собравшимся выступила Светлана Исаева. При этом в адрес ру-

ководства города был вручён уникальный двухтомник, в котором собраны материалы о 400-летнем этапе становления нашего края. С несколькими проникновенными словами обратился к гостям праздника и депутат городской думы Вячеслав Гурьянов, участник СВО.

Собственно поэтическую эстафету фестиваля открыла ученица 9 класса школы № 3, победительница городского конкурса «Русь в моём сердце поёт» Анна Дражина, прочитав стихотворение нашего поэта-земляка Александра Ширяевца «Утёс Разина».

А затем начались яркие выступления самих авторов и исполнителей. Первым на сцену был приглашён почёт-

ный гость встречи, Заслуженный работник культуры Самарской области Владимир Колосов. Под руководством Владимира Аркадьевича недавно в Тольятти прошёл 9-ый конкурс чтецов «По фронтовым дорогам с Василием Тёркиным», давно ставший межрегиональным, так как участие в конкурсе принимают школьники из разных городов России, включая Донбасс. В частности, в этом году свои работы представили членам жюри более 250 юных исполнителей. «Это очень важно, — отметил организатор конкурса: — что юные граждане нашей страны учат и так потрясающе читают патриотические стихи!» В завершение своего выступления Владимир Аркадьевич преподнёс нам музыкальный подарок в виде песни «Душа баяна», в котором вдохновенным рефреном несколько раз звучали слова: «Живи и пой, моя Россия!»

Авторские выступления открыл председатель Самарской областной писательской организации Союза писателей России Александр Громов. Он отметил особую душевность таких праздников, представляющих творческим людям всей области возможность поделиться своими достижениями. «В наше время особенно важно думать о душе, — подчеркнул Александр Витальевич: —

*Ирина Минкина,
главный организатор фестиваля
«Жигулёвская весна»*

именно единство, духовно-нравственная устремлённость — вот что придаёт нам силу». Такой посыл вовсе не случаен, ведь помимо прочих почётных обязанностей Александр Громов является Председателем общественного совета при Самарской епархии.

Следом на сцену вышли гости из Самары, Новокуйбышевска, Кинеля, представители областного общества книголюбов и литературного объединения «Лира». Зазвучали трогательные стихи о России, о Жигулях, о любви. Как всегда выразительно выступила Татьяна Савельевна Ручкина — руководитель самарского общества книголюбов, недавно отметившего полувековой юбилей. Гостеприимная хозяйка «Татьянинного дома» в Самаре, она на протяжении многих лет регулярно проводит захватывающие творческие встречи. Татьяна Савельевна преподнесла городу книгу «Не забудется та война», выпущенную ещё к 75-летию Великой Победы и вобравшую в себя информацию о вкладе Куйбышевской области в достижение той жизнеутверждающей цели. В тот же день этот раритет был торжественно передан нами в городской музей в рамках всероссийской акции — ночь музеев.

Показательно, что поэтические выступления на празднике постоянно чередовались с музыкальными номерами профессиональных исполнителей.

*Жигули вы мои, Жигули,
Вы особенной статью красивы,
Жигули вы мои, Жигули,
В самом сердце любимой России.*

Этот припев «Гимна Жигулям» выразительно звучал в исполнении ансамбля «Вдохновение», руководитель Яна Ильденова, концертмейстер Татьяна Булычева. Широко разливалась и «Песня о Волге» под гусельный перебор в авторском исполнении Виктора Читаева, её сопровождала мелодия флейты в руках Натальи Подкорытовой. А строки песни «Где он, этот день...» из кинофильма «Вариант «Омега»» оказались как нельзя более актуальными в наше тревожное время. Тем более что далее со сцены звучали стихи известной тольяттинской поэтессы Натальи Баюшевой, муж которой с 2022 года находится на линии боевого соприкосновения, как принято именовать нынешний фронт борьбы с неонацизмом. «Два героя», «О женщинах», «Весна!» Стихи Наташи всегда восхищают слушателей своей лирической законченностью и гармонией.

*Будем солнышком встречи мы греться
Под волнующий шелест берёз.
И знакомой тропинкою сердца
Все дороги ведут в Жигулёвск...*

Литературная мозаика

Эти давние поэтические строки Натальи Баюшевой, впервые прозвучавшие в песенном исполнении на одном из первых фестивалей, и доныне являются своеобразным гимном праздника.

Традиционно ярким, чётким, выразительным стало выступление делегации писателей города Сызрань — одного из восьми городов, имеющих высокий статус Литературного города России. Председатель Сызранского отделения СПР Олег Портнягин вручил жигулёвцам очередной номер журнала «Сызранская излучина», ежегодно выпускаемого в соседнем волжском городе. И опять со сцены звучали проникновенные стихи. «Я слышу боль родной земли в протяжном крике журавлином...» Эти строки Ильи Портнягина словно эхом отзывались в сердцах собравшихся.

Выступили на фестивале и тольяттинские авторы, прибывшие на этот раз далеко не в полном составе. Традиционно выразительно читали свои произведения председатель Тольяттинского отделения СПР Вячеслав Московский, секретарь отделения Александр Пайдулов. Стихи звучали душевные, трогательные, берущие за живое. Это и «Письмо матери» в исполнении Анатолия Куликова. И строки стихотворения «Свет погас», посвящённого погибшим героям, которые прозвучали из уст дебютантки встре-

Гости фестиваля — писатели Сызрани, Самары, Тольятти

чи Аллы Ермаковой, и стихи «О любви». А Тамара Жиганкова на этот раз ярко напомнила собравшимся о великой «Силе слова» и душевно исполнила песню «Жигулёвская весна».

Порадовали собравшихся и участники Тольяттинского объединения «Отрада», причём Игорь Алексеев своим задорным исполнением песни «Радуйся жизни» в прямом смысле слова всколыхнул весь зал.

Важной традицией фестиваля является выступление профессиональных артистов, которых зрители всегда с нетерпением ждут, и которые украшают праздники весны своим творчеством. Это гости из Тольятти Алла Волченко и Галина Алфёрова. Их выразительные творческие миниатюры можно слушать очень и очень долго!

А в завершающей части фестиваля гостей ждали несколько музыкальных сюрпризов. Впервые на сцене «Жигулёвской весны» под руководством Ирины Поплавской выступила вокальная группа «Лира» из Тольятти, лауреат многих всероссийских, областных и региональных конкурсов. «Россия — это сила... Россия есть и будет...» Эти строки буквально отпечатывались в душах собравшихся своими уверенностью и оптимизмом.

Также впервые «Жигулёвскую весну» украсила и творческая лаборатория «Диво» под руководством Евгения Умылина. Эта «Жемчужина Жигулей», как именуют в других городах и весях этот коллектив, регулярно участвующий во многих всероссийских и областных фестивалях, впервые стал достоянием сообщества писателей области, произведя яркое впечатление своим искусством.

Завершила праздник лирическая песня «Старый вальсок» в исполнении солистки ансамбля «Вдохновение» Татьяны Козыревой. «Нам расставаться настала пора...» — звучали со сцены грустные слова этой песни. Однако с завершением основной части праздника для гостей города фестиваль ещё не закончился. После обеда, с финансированием которого на этот раз активно помогли депутаты городской думы, гости отправились на экскурсию в Яблонево. Овраг прокатиться по горному серпантину, пофотографироваться на фоне Жигулёвских гор, посмотреть на вновь отремонтированный дворец культуры. Общественный совет Салона «Любава» выражает благодарность управлению культуры города, директору ООО «ЖАТП» Михаилу Евгеньевичу Хохлову, шофёру Сергею Карасеву, которые позволили нам совершить это недолгое путешествие в комфортной обстановке. А сделать его ещё и насыщенным информативно позволил яркий рассказ талантливого краеведа-экскурсовода Юлии Рут.

Литературная мозаика

Девонская нефть, подвиг семьи Деревских, история Жигулёвских гор! Немало интересных тем затрагивалось на познавательной экскурсии. Единственное, что удивило писателей и книголюбов области, так это помещение модельной библиотеки в Яблоне-вом Овраге, напоминающее скорее игротеку для детей, а не храм познания. «Задача библиотеки — прежде всего учить молодёжь читать,» — заметила председатель областного общества книголюбов Татьяна Савельевна Ручкина, выразив общее мнение собравшихся. Очень хочется верить, что точка зрения маститых гостей фестиваля не останется без внимания жигулёвской общест-венности.

Когда праздник подошёл к концу, расставаться коллегам по творческому цеху было грустно. Все выражали надежду, что та-кие встречи в Жигулёвске будут продолжаться и впредь. А если учесть, что аналогичный фестиваль, приуроченный ко дню горо-да, предстоит по осени ещё и в Сызрани, значит, расставание ожи-дается не слишком долгим.

Но главное — творческий процесс в России и в настоящее вре-мя не обрывается, русская литература регулярно прирастает про-изведениями наших современников, прежде всего литература па-триотической, духовной направленности!

**Нина Долматова,
Ирина Минкина**

Участники фестиваля «Жигулёвская весна»

О наших авторах

АСТАНКОВ Юрий — родился в 1959 году в г. Куйбышеве. Окончил Куйбышевский авиационный институт, учился в Литературном институте им. М. Горького. Участник 9-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Публиковался в самарских изданиях и молодёжных сборниках. Работал журналистом в газетах «Волжский комсомолец» и «Волжская коммуна». Живёт в г. Самаре.

БАБЕНКОВ Владимир — родился 5 декабря 1946 года. Профессиональный журналист и медиаменеджер. Работая токарем, наладчиком на Средневолжском станкозаводе. Затем был принят на работу корреспондентом в заводскую многотиражку. После получения высшего образования работал в областных газетах «Волжском комсомольце», Волжской коммуне». Работал в обкоме КПСС инструктором, заведующим сектором печати, помощником первого секретаря. С января 1991 года был собственным корреспондентом газеты «Трибуна», директором Средневолжского филиала «Российской газеты». Заслуженный работник культуры России, имеет Благодарность Президента Российской Федерации, награждён Почетным знаком «За труд во благо земли Самарской», лауреат конкурса Союза журналистов России, обладатель «Золотого пера губернии». Автор книги «Не личная жизнь» (2025). Член Союза журналистов РФ. Живёт в г. Самаре.

БЕРЕЖНОВА Любовь — родилась 5 ноября 1948 года в селе Мокшанск Тельманского района Татарстана. В 1957 году семья переехала в Зубовку Челно-Вершинского района Куйбышевской, ныне Самарской, области, где окончила 8 классов. Окончила Московское фабрично-заводское училище, параллельно обучалась в школе рабочей молодёжи. Поступила в МГУ на факультет журналистики, но через три года учёбы пришлось уехать из Москвы по случаю тяжёлой болезни матери. В 1981 году поступила и успешно окончила Московский издательско-полиграфический техникум. Стихи печатались в московских изданиях «Советская женщина», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Московский комсомолец», «За коммунизм». Автор двадцать трёх книг поэзии и прозы. На протяжении 18 лет является членом экспертного жюри Окружного поэтического конкурса «Созвездие талантов» среди школ губернии. Награждена Почётными грамотами за большой вклад в военно-патриотическое воспитание подрас-

тающего поколения. За литературное творчество в 2020 году удостоена памятного знака «За служение людям». Член Союза писателей России. Живёт в с. Богатое Самарской области.

БОНДАРЕНКО Наталья — родилась в 1959 году в Саратовской области. Окончила Саратовский государственный университет им. Чернышевского по специальности «биолог-химик». Работала в школе, во Дворце творчества детей и молодёжи, вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков». С 1994 года возглавляет службу «Семья». Выпустила шесть книг. Произведения публиковались в журналах «Наш современник», «Русское эхо», «Волга – 21 век», «Костёр», «Муравейник», в альманахе «Сызранская излучина», «Детская роман-газета». Дипломант и лауреат Международных литературных конкурсов: им. В. Крапивина, «Центр Европы», «Созвездие духовности», «Лучшая книга года» — «За глубину и проникновенность прозы», Московского областного конкурса детской литературы им. Агнии Барто. Книга для детей и подростков «Привет! Я — Артёмка» вошла в число победителей конкурса издательств Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, выиграла субсидию на издание. Лауреат сызранских городских конкурсов «Женщина года» и «Признание» в номинации «Литература и журналистика». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани Самарской области.

ГОГОЛЕВИЧ Татьяна — родилась в 1962 году в г. Тольятти в семье служащих. Окончила в 1988 г. Куйбышевский медицинский институт им. Д.И. Ульянова по специальности «Лечебное дело», в 1989 г. — интернатуру по психиатрии на базе областной психиатрической больницы, в 1999 г. — аспирантуру на кафедре психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования. Работала санитаркой, лаборантом в вивариуме, медсестрой в гематологической и психиатрической клиниках; корреспондентом в студенческих многотиражках и др. С 1989 г. — участковый врач-психиатр Тольяттинского ГПНД, с 1995 г. — психотерапевтическая практика (помимо основной — психиатрической). С 1999 г. — кандидат медицинских наук. Инвалид-спинальник с 2001 г. (последствия перелома позвоночника в автомобильной аварии). Лауреат литературного конкурса молодых поэтов Поволжья (1981 г.), дважды лауреат областных литературных конкурсов Самарской области. Лауреат премии литературного журнала «Юность». Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти Самарской области.

О наших авторах

ДУДАРЕВА Марина — родилась в 1992 году в г. Иваново. Окончила филологический факультет Ивановского госуниверситета. Литературовед, фольклорист, доктор культурологии, кандидат филологических наук, литературный критик. Доцент кафедры русского языка Института русского языка Российского университета дружбы народов. Является заведующей отделом литературоведения и межкультурной коммуникации журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург). Автор более 180 научных статей о русской литературе и фольклоре и трёх монографий. Работы переводились на английский и турецкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в г. Москве.

ЕЛИСЕЕВА Галина — родилась в Сызрани. Окончила СГАКИ. Работала в библиотеке, в профсоюзных органах, в ОАО «Тяжмаш». Автор трёх поэтических сборников. Бронзовый призёр конкурса детских стихов «Десятая планета», дипломант Международной национальной премии «Золотое перо Руси — 2009» и Международного творческого конкурса «Рождественская звезда» (2011 г.), лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова, лауреат областного конкурса «Женщина Самарской области 2011 года». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани Самарской области.

ЗЕЛЕНЦОВ Анатолий — родился в 1936 году в селе Кянда Пензенской области. С 1955 по 1958 год служил в рядах Советской Армии в городах Харькове и Краматорске. После демобилизации работал журналистом в районных газетах Пензенской области, инструктором областного комитета ВЛКСМ. Награждён Почётным орденом «100 лет Ленинскому комсомолу». Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского и Горьковскую высшую партийную школу. С 1962 года живёт в г. Тольятти. С 1976 по 2004 год — заместитель директора учебного центра ОАО «АВТОВАЗ». Ветеран труда, ветеран ВАЗа, заслуженный машиностроитель Российской Федерации. Стихи печатались в многотиражных, районных, областных газетах, а также во всероссийских журналах и газетах. Дипломант-победитель литературного конкурса в ознаменование 40-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота, проводившийся политуправлением и газетой «На страже» Киевского военного округа (1957 г.). Автор восьми сборников стихов. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти.

О наших авторах

КАМЫНИН Дмитрий — родился в 1977 в г. Куйбышеве. Окончил Самарский государственный аэрокосмический университет, факультет экономики и управления. В 2000-х был автором и редактором Самарской лиги КВН, а также входил в авторские группы таких известных команд, как «Самарский Самолёт» (Самара) и «Дети Лейтенанта Шмидта» (Томск). Позже выступал в роли сценариста к таким значимым областным мероприятиям, как «День Победы — 2010», «Народное признание», «День города Самара» и многих других. Лауреат межрегионального фестиваля бардовской песни на Мастрюковских озерах в номинации «Поэт». Автор книги юмористической поэзии «Мухи творчества». Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

КАРЯКИН Александр — родился в 1959 г. в г. Ялуторовске Тюменской области. Работал на Крайнем Севере электромонтёром, трудился на сызранском «Тяжмаше». Значительную часть профессиональной жизни посвятил филиалу СамГТУ, где был техником кафедры ИСУ. Здесь поэт создал литературное объединение и выступил редактором поэтических сборников «Вектор» и «Энергия слова», на страницах которых представили своё творчество многие студенты и сотрудники университета. Автор поэтических книг «У родного порога» (2002), «России маленькая часть» (2004), «Пристани» (2005), «В королевстве у букашек» (2009) (для детей), «Дороги» (2014). Лауреат городской премии «Признание», международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А.Н. Толстого, именной премии главы городского округа Сызрань в номинации «Литература и журналистика». В настоящее время на пенсии. Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани Самарской области.

КИЛЯКОВ Василий — родился в 1960 г. в Кирове. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1996 г. (мастерская М.П. Лобанова). Публикуется с 1992 г. в литературных журналах России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат Всероссийских литературных премий имени Б.Н. Полевого (1996), А.П. Платонова (2010), имени Н.С. Лескова (2021), В.Т. Станцева (2021), С.А. Есенина (2022). Обладатель главного приза МСЛФ «Золотой Витязь» (2024). Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России. Живёт в г. Электросталь Московской области.

О наших авторах

КИРИЛЛИНА Тамара — родилась в 1946 году в г. Медногорске Оренбургской области. В Тольятти — с 1950 года. Окончила Орский педагогический институт, работала библиотекарем, воспитателем детского сада. Автор книг стихов четырёх поэтических книг. Публиковалась в журналах «Русское эхо», «Город», альманахе «Стрежень», «Антологии тольяттинской поэзии», коллективных сборниках «Поэты в Ставрополе на Волге» и «Писатели и Ставрополь на Волге». Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти Самарской области.

МАСАЛИМОВА Алина — родилась в 1999 году в г. Самаре. Выступает на открытых микрофонах и участвует в разных поэтических проектах. Живёт в г. Самаре.

МОСИН Василий — родился в 1969 году в пос. Пельмин-Бор Пермской области. С 1969 года переехал в Тольятти. Работал аппаратчиком химоборудования, дробильщиком, корреспондентом газеты «Химик», диктором радиовещания, слесарем МСР, электрогазосварщиком. Ветеран ВАЗа, ветеран труда Самарской области. Выпустил семь поэтических сборников и книгу прозы. Публиковался в журналах «Русское эхо», «Невский альманах», «Стрежень», «Новый енисейский литератор», «Сызранская излучина», в «Антологии тольяттинской литературы» (2000), книге «Поэзия Тольятти» (2022) и др. коллективных сборниках. Лауреат городского конкурса «Поэзия Тольятти» (2022). Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти Самарской области.

ПАЙДУЛОВ Александр — родился в 1956 году в г. Артёмовске Свердловской области. В 1985 году переехал в г. Тольятти. Ветеран АвтоВАЗа. Работал слесарем, токарем-операционником, сварщиком. Стихи публиковались в журнале «Русское Эхо», альманахе «Стрежень». Автор восьми поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти Самарской области.

ПОПОВ Михаил — родился в 1957 году в г. Харькове. Детство в основном прошло в Казахстане, в 1961-1975 гг. жил в Белоруссии. Окончил Жировицкий сельхозтехникум в Гродненской области. После службы в армии учился в Литературном институте имени А.М. Горького, который окончил в 1984 г. Работал в журнале «Литературная учёба» (1983-1989), заместителем главного редактора журнала «Московский вестник» (1989-1997). В настоящее время преподаёт в Литературном институте им. А.М. Горького и является заместителем главного редактора журнала

О наших авторах

«Москва». Автор четырёх сборников стихотворений и многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР за лучшую первую книгу (1988), им. И.А. Бунина (1997), им. А.П. Платонова (2000), Правительства Москвы (2002), Гончаровской премии (2009), Москва-ПЕННЕ (2011), Горьковской премии (2012), Большой литературной премии России (2017), Национальной премии им. В.Г. Распутина (2018). Член Союза писателей России. С 2004 года возглавляет Совет по прозе при Союзе писателей России. Живет в г. Москве.

РАБШТЕЙН Игорь — родился в городе Сызрани Самарской области. Окончил Сызранское медицинское училище, Самарский филиал Бузулукского финансового колледжа, Тольяттинский Волжский университет им. В.Н. Татищева. Первое место работы — массажист в Доме инвалидов и престарелых. Последнее двенадцать лет работает в ОАО «ТЯЖМАШ», где прошёл путь от ученика слесаря до экономиста и специалиста отдела продаж. Публиковался в журналах и периодической печати города Сызрани. Автор поэтического сборника «Городские акварели». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани Самарской области.

РЕВЯКИН Дмитрий — родился в 1981 г. в городе Самаре. Учился в Самарском государственном педагогическом университете на филологическом факультете. Печатался в газетах, в журналах «Русское Эхо» и «Молодёжная Волна», альманахах «Поэтех», «Лабиринт», коллективных сборниках. Автор трёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

СИЗОВ Юрий — родился в 1951 году в селе Довольное Новосибирской области. В 1973 году окончил Куйбышевский политехнический институт. Работал инженером, главным инженером на нефтяных предприятиях Куйбышевской области. Десять лет возглавлял Статистическое управление г. Тольятти. В настоящее время — директор компьютерной фирмы «Информсистема». Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти.

СЫРОМЯТНИКОВА Софья — родилась в 1987 г. возглавляла Центр поддержки и развития чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки, где успешно реализовала всероссийские и региональные проекты, отдел социокультурного проектирования Агентства социокультурных технологий

О наших авторах

и литературно-издательский отдел Самарского академического театра оперы и балета имени Д.Д. Шостаковича. В настоящее время — директор Самарской муниципальной информационно библиотечной системы. Автор трёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

УРЯДОВ Николай — родился в 1961 году в пос. Октябрьский Похвистневского района Самарской области. После окончания нефтяного факультета Куйбышевского политехнического института работал в нефтяной отрасли. Автор четырнадцати книг поэзии, прозы и поэтических пародий. Живёт в пос. Суходол Сергиевского района Самарской области.

ФИЛЬ Эдуард — родился в 1963 году в г. Виннице. Среднюю политехническую школу окончил в Куйбышеве в 1980 году. Высшее образование получил в Саратове в 1986 году. В настоящее время — исполнительный директор Международной Грушинской Академии. Руководитель Международного Грушинского Интернет-конкурса и творческого объединения «Пилигримы». Автор поэтического сборника «Человек рождён для счастья». Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в Самаре.